ВІСНИК
КИЇВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

ISSN 1728-2640

ІСТОРІЯ 110/2012

Засновано 1958 року

Збірник складається з матеріалів III Міжнародної наукової конференції "Актуальні проблеми історії Стародавнього світу", яка відбулася на історичному факультеті в травні 2011 року.

Для викладачів, наукових співробітників, аспірантів і студентів.

The volume is based on the materials of 3rd International scientific conference "The key problems of Anchient History", which took place at the Faculty of History in May, 2011.

For scientists, professors, aspirants and students.

ВІДПОВІДАЛЬНИЙ РЕДАКТОР	В. Ф. Колесник, д-р іст. наук, проф., чл.-кор. НАН України
РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ	Б. М. Гончар, д-р іст. наук, проф.; Г. Д. Казьмирчук, д-р іст. наук, проф.; В. П. Капелюшний, д-р іст. наук, проф.; О. Ю. Комаренко, канд. іст. наук, доц. (відп. секретар); А. П. Коцур, д-р іст. наук, проф.; В. М. Литвин, д-р іст. наук, проф., акад. НАН України,; В. М. Мордвінцев, д-р іст. наук, проф.; А. Г. Слюсаренко, акад. АПН України, д-р іст. наук, проф.; В. В. Ставнюк, д-р іст. наук, проф.; Р. В. Терпиловський, д-р іст. наук, проф.; М. Г. Щербак, д-р іст. наук, проф.; В. І. Яровий, д-р іст. наук, проф.

Адреса редколегії	01033, Київ-33, вул. Володимирська, 60, історичний факультет; ☎ (38044) 234 1057
Затверджено	Вченою радою історичного факультету 24 квітня 2012 року (протокол № 7)
Атестовано	Вищою атестаційною комісією України. Постанова Президії ВАК України № 1-05/8 від 22.12.10
Зареєстровано	Міністерством юстиції України. Свідоцтво про державну реєстрацію № 17218-5988 Р від 10.11.10
Засновник та видавець	Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет" Свідоцтво внесено до Державного реєстру ДК № 1103 від 31.10.02
Адреса видавця	01601, Київ-601, б-р Т.Шевченка, 14, кімн. 43 ☎ (38044) 239 3172, 239 3222; факс 239 3128

© Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет", 2012

ЗМІСТ

Алмазова Н.
Проблеми перекладу "Енеїди" Вергілія в листах О.О. Фета Д.І. Нагуєвському 5

Бугаєва Н.
До питання про клятву учасників заколоту Катіліни 7

Вєнцова М.
Імпортні керамічні посудини в некрополях Боспора 10

Вертієнко Г.
Скіфська "новорічна містерія" та її пізні ремінісценції 13

Гончаров В.
Sodales и sodalitas в "Історії" Тіта Лівія 15

Данилов Є., Цимбал О.
Полісна безпека в трактаті Ксенофонта "Про прибутки" 17

Демєнт'єва В.
Правові норми і практика розподілу provinciae quaestorum в Римській республіці 19

Діческул В., Тюкалов М.
Ведична музика в історичному розвитку Індії 22

Жданович О.
Традиції та звичаї тюрків очима ромеїв (на основі перекладу фрагменту "Історії" Менандра Протектора) 23

Зелінський А.
Хронологічна локалізація розширення західних кордонів птолемеївської Киренаїки 25

Ільїн-Томіч О.
Особисті імена, індикатори столичного або фіванського походження пам'яток пізнього Середнього царства 28

Карпюк С.
Біографічний фактор в "Історії" Фукідіда 30

Корнієнко Т.
"Тотемна колона" з сектору L9 – 46 II-го слоя Гьобеклі Тепе в контексті свідчень символічного змісту Північної Месопотамії доби докерамічного неолиту 33

Кудрявцева Т.
Звинувачення у використанні магії в афінських судових процесах V–IV ст. до н.е. 36

Ладинін И.
Зауваження щодо схеми єгипетської історії в праці Манефона Севеннитського 39

Малюгін О.
Римська історія та культура в історичній пам'яті бритів (за "Історії бритів" Неннія) 42

Марков К.
Міркування Діона Кассія про написання історії (I.1.2, XLVI.34. 5–35.1, LIII. 19.1–6): проблеми перекладу та интерпретації 45

Мартинов О.
Анексія Киренаїки Римом как результат еволюції римсько-єгипетських відносин до початку I ст. до н.е. 47

Петречко О.
Поховальний обряд римлян та його еволюція у добу принципату 50

Петрова А.
Боги в давнньоєгипетських жертвенних формулах епохи Давнього царства 53

Токарєв О.
Римський імператор і грецький герой: самопрезентація Цезаря Августа серед римськой аристократії 55

Шепко Л.
Предмети імпорту в пам'ятках доримського Боспору 57

СОДЕРЖАНИЕ

Алмазова Н.
Проблемы перевода "Энеиды" Вергилия в письмах А.А. Фета Д.И. Нагуевскому *5*

Бугаева Н.
К вопросу о клятве участников заговора Катилины 7

Венцова М.
Импортные керамические сосуды в некрополях Боспора 10

Вертиенко Г.
Скифская "новогодняя мистерия" и ее поздние реминисценции 13

Гончаров В.
Sodales и sodalitas в "Истории" Тита Ливия 15

Данилов Е., Цымбал О.
Полисная безопасность в трактате Ксенофонта "О доходах" 17

Дементьева В.
Правовые нормы и практика распределения *provinciae quaestorum* в Римской республике 19

Діческул В., Тюкалов М.
Ведическая музыка в историческом развитии Индии 22

Жданович О.
Традиции и обычаи тюрок глазами ромеев (на основе перевода фрагмента "Истории" Менандра Протектора 23

Зелинський А.
Хронологическая локализация расширение западных границ птолемеевской Киренаики 25

Ильин-Томич А.
Личные имена, индикаторы столичного или фиванского происхождения памятников
позднего Среднего царства 28

Карпюк С.
Биографический фактор в "Истории" Фукидида 30

Корниенко Т.
"Тотемная колонна" из сектора L9 – 46 II-го слоя Гёбекли Тепе в контексте свидетельств
символического содержания Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита 33

Кудрявцева Т.
Обвинения в использовании магии в афинских судебных процессах V–IV вв. до н.э. 36

Ладынин И.
Замечания о схеме египетской истории в труде Манефона Севеннитского 39

Малюгин О.
Римская история и культура в исторической памяти бриттов (по "Истории бриттов" Ненния) 42

Марков К.
Рассуждения Диона Кассия об историописании (I.1.2, XLVI.34. 5–35.1, LIII. 19.1–6):
проблемы перевода и интерпретации 45

Мартынов А.
Аннексия Киренаики Римом как результат эволюции римско-египетских отношений к началу I века до н.э. 47

Петречко О.
Погребальный обряд римлян и его эволюция в эпоху принципата 50

Петрова А.
Боги в древнеегипетских жертвенных формулах эпохи Древнего царства 53

Токарев А.
Римский император и греческий герой: самопрезентация Цезаря Августа среди римской аристократии 55

Шепко Л.
Предметы импорта в памятниках доримского Боспора 57

CONTENTS

Almazova N.
The Problems of Translating Virgil's Aeneid in A.A Fet's Letters to D.I. Naguewskii 5

Bugaeva N .
On Catilinarian plotters' oath.....7

Ventsova M.
Imported ceramics in the necropolises of Bosporus 10

Vertiyenko H.
The Scythian "New Year Mystery" and its late reminiscences.....13

Goncharov V.
Sodales and sodalitas in Livy's History.....15

Danilov E., Tsimbal O.
State Security in Xenophon's treaty "Ways and Means".....17

Dementyeva V.
Legal Norms and Practice of provinciae quaestorum Distribution in the Roman Republic 19

Dicheskul V., Tuykalov M.
The Vedic Music in Historical Development of India 22

Zhdanovich O.
"Traditions and consuetudes of tyurkiv by the eyes of romeiv (on the basis of translation the fragment of "History" Menandra Protector").....23

Zelinsky A.
Chronological Localization of Expansion of the Western Borders of Ptolemaic Cyrenaica.....25

Ilin-Tomich A.
Private Names as Indicators of Residential or Theban Origin of Late Middle Kingdom Monuments 28

Karpyuk S.
Biographical Factor in Thucydides' ‘History'.....30

Kornienko T.
The "Totem Pole" from Area L9 – 46 of Layer II of Göbekli Tepe in the Context of Symbolic Evidence of Northern Mesopotamia of Aceramic Neolithic Period 33

Kudryavtseva T.
The charges of magic in the Athenian trials in the 5–4-th century B.C. 36

Ladynin I.
Notes on the scheme of Egyptian history in its account by Manetho of Sebennytos 39

Maliugin O.
Roman history and culture in the historical memory of Britons (according to Nennius' "Historia Brittonum").....42

Markov K.
Cassius Dio's considerations on the writing of history (I.1.2, XLVI.34. 5–35.1, LIII. 19.1–6, LXXII. 23. 1–5): the problems of translation and interpretation.....45

Martinov A.
Annexation of the Cyrenaica by Rome as a result of the evolution of the Roman and Egyptian relationship to the early 1st century BC.....47

Petrechko O.
The Roman's funeral rites and their evolution under the Principate.....50

Petrova A.
Gods in Offering Formulas of the Old Kingdom 53

Tokarev A.
The Roman Emperor and a Greek Hero: Caesar Augustus representation among the Roman aristocracy 55

Shepko L.
The imported goods as part of the archaeological findings of pre-roman Bosporus 57

Н. Алмазова, канд. ист. наук, доц.
НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА "ЭНЕИДЫ" ВЕРГИЛИЯ В ПИСЬМАХ А.А. ФЕТА Д.И. НАГУЕВСКОМУ

В статье рассматриваются взгляды А.А. Фета на перевод произведений древних авторов, в частности "Энеиды" Вергилия, в письмах профессору Казанского университета Д.И. Нагуевскому.

The article discusses the views of the Russian poet of the 19th century Afanasy Fet on translating the Classical writings, among them Virgil's Aeneid, as seen in his letters to Prof. Darius Naguewski of the Kazan' University.

Довольно часто в научной литературе, посвященной как самому Вергилию и его произведениям, так и переводам его на русский язык, сетуется на то, что Вергилию в России не везло. Связано ли это с тем, что слишком много его было в гимназических программах и слишком схоларно его преподавали или с тем, что не нашлось переводчика для Вергилия, подобного Н. Гнедичу с его талантливым переводом гомеровской "Илиады", но фортуна-судьба оказалась не слишком благосклонна к Вергилию и переводам его произведений в России, особенно это сказалось на переводе знаменитой поэмы Вергилия "Энеиды".

В России "Энеида" была известна уже с XVIII в. Первый полный перевод появился в 1770 г. появился первый полный перевод, сделанный г. Петровым, следующий появляется спустя почти сто лет, в 1868 г., выполнен был Шершеневичем, и довольно долго считался вполне удачным. А спустя буквально десять лет один за другим выходят три перевода "Энеиды" - Соснецкого (1878 г.), Фета (1888 г.) и Квашнина-Самарина (1893 г.). Следующие попытки делаются лишь в XX в. В 1933 г. появляется перевод В.Я. Брюсова, который почти сразу приобрел дурную славу переводческого буквализма, несмотря на поэтический талант переводчика и практически специальную подготовку в области античной культуры [4, с. 29–62], и последний перевод С.А. Ошерова под редакцией Ф.А. Петровского [5, с. 293–294].

Как видим, переводов было достаточно много. В научной литературе оцениваются они по-разному: некоторые удостаиваются нескольких абзацев, некоторые – лишь несколько строк, а некоторые – обстоятельных статей, как в случае с переводом "Энеиды" В.Я. Брюсовым. Отчасти это объясняется тем фактом, что В.Я. Брюсов, пожалуй, единственный, кто предварил свой перевод специальной вступительной статьей, посвященной задачам и проблемам перевода, кроме того, сохранился архив автора перевода, по документам которого можно проследить этапы работы над переводом [4, с.29–62].

В данной статье речь пойдет о другом переводе "Энеиды", который упоминается в историографии гораздо реже, но сделан известным поэтом XIX века Афанасием Афанасьевичем Фетом [10]. А.А. Фет довольно часто писал о принципах перевода древних авторов во вступительных статьях к изданиям римских поэтов. Высказывал их он и в письмах к своим друзьям и знакомым [7, с. 401–418; 444–447]. В Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки (г. Санкт-Петербург) сохранились 25 писем А.А. Фета к профессору римской словесности Императорского Казанского университета Дарию Ильичу Нагуевскому, которые касаются непосредственно работы над переводом "Энеиды" Вергилия [6]. Эти письма были переданы в 1906 г. в тогда Императорскую публичную библиотеку самим Д.И. Нагуевским, который написал: "письма характеризуют взгляды автора на перевод древних поэтов и для других данных для биографии и оценки А.А. Фета" [6, л.3]. Эти письма представляют собой уникальный источник. Их ценность не только в том, что они принадлежат А.А. Фету и дают сведения для его биографии и характеризуют его взгляды на перевод древних поэтов, но они могут помочь раскрыть особый контекст той эпохи, представить особые личные связи между творческими людьми и людьми науки.

Прежде скажем несколько слов о том, кто был этот профессор Д.И. Нагуевский? Заслуженный ординарный профессор римской словесности Казанского университета Д.И. Нагуевский (1845–1918) был крупным исследователем истории римской литературы, латинского языка, переводчиком римских классиков. Он окончил 1-ю Киевскую гимназию, затем Новороссийский университет (1870 г.), преподавал латинский язык в рижской Александровской гимназии, защитил магистерскую диссертацию в Харьковском университете (1876 г.), затем докторскую в Дерптском университете (1883 г.). Обе диссертации были посвящены творчеству римского сатирика Ювенала. В 1883 г. Д.И. Нагуевский назначается ординарным профессором в Императорский Казанский университет, в котором и проработал до самой своей смерти в 1918 г. В Казанском университете он не только читал лекции и вел практические занятия, благодаря его стараниям на историко-филологическом факультете появилось два учебно-вспомогательных учреждения: Нумизматический музей и Библиотека классической филологии, которыми он заведовал вплоть до 1918 г. [2, с.135–137].

Эти письма (кроме 25 писем, которые были написаны А.А. Фетом, сохранились и 14 ответных писем Д.И. Нагуевского. Они хранятся в Отделе Рукописей РГБ (г. Москва) [8].) являются единственным свидетельством переписки между А.А. Фетом и Д.И. Нагуевским. Что же связывало их, знаменитого поэта и профессора провинциального университета? Ответ: перевод "Энеиды" Вергилия. По времени письма относятся к 1887–1889 гг. Из писем мы знаем, что А.А. Фет и Д.И Нагуевский не были лично знакомы. Фет обратился к Нагуевскому с просьбой помочь в написании примечаний для его перевода "Энеиды". Нагуевский согласился. Работа по переводу, сверке, проверке перевода продолжалась почти год, в письмах наряду с техническими вопросами, обсуждались и творческие проблемы перевода. Несколько последних писем, которые были написаны после издания перевода в 1888 г. и после появления первых критических статей, посвящены своеобразной реабилитации доброго имени профессора Д.И. Нагуевского, поскольку критика касалась не только автора перевода А.А. Фета, но и профессора Д.И. Нагуевского [1, с.181-192].

Что же представляют собой те взгляды Фета на перевод древних авторов, о которых писал Нагуевский, передавая письма в Публичную библиотеку?

Конечно, А.А. Фет высказывался о своих принципах перевода во многих вступительных статьях к латинским поэтам, которых он переводил и переводил в довольно

© Алмазова Н., 2012

большом количестве. Речь идет и о переводе всего Горация, которого Фет очень любил, и о переводе Катулла, и о "капризном" Проперции и о Ювенале. В одном из писем к Нагуевскому, Фет пишет, испрашивая помощи в атрибуции знаменитой латинской фразы "Habent sua fata libelli", на наш взгляд, с неким хвастовством следующие строки: "так как, мной переведены все первоклассные римские поэты, то весьма может быть, что и этот стих давно мной переведен; тем не менее, несмотря на все старание, я не мог его нигде разыскать…" [6, л.23]. Но все эти высказывания довольно немногочисленны, поскольку жанр вступительных статей, не позволял ему довольно полно раскрыть свои взгляды именно на перевод, хотя в них встречаются и довольно интересные наблюдения, и яркие образные выражения.

Письма А.А. Фета позволяют иногда более подробно осветить те принципы, которыми пользовался поэт при переводе древних авторов, хотя, конечно, он не ставил такой задачи. Но в некоторых случаях, особенно это случалось тогда, когда возникала необходимость прийти к общему решению при переводе спорного стиха, Фет довольно четко проговаривал свои взгляды и принципы.

В самом начале работы над переводом "Энеиды" Фет пишет Нагуевскому, что он совсем не ожидал, что этот перевод окажется для него трудным делом. Вот лишь несколько фраз: "Я полагал, что Энеида представит для меня шуточную работу и сильно ошибся, т.к. перевод ее для меня труднее капризного Проперция" [6, л.6]. "Хотя, положа руку на сердце, несмотря на красивые места в Энеиде, работаю над нею не с тем же увлечением, как над другими поэтами, тем не менее сердечно рад, что эта работа займет мое деревенское время" [6, л.4], "в Энеиде, как мне кажется, таких разночтений в тексте не встречается" [6, л.5], "благочестивый Эней, которого я собирался перевести забавляясь, заставил меня потрудиться серьезно" [6, л.18].

Как видим, первоначально, А.А. Фет отнесся довольно легкомысленно к переводу такого поэта, как Вергилий, и возможно, уже в процессе работы, вынужден был обратиться за помощью. Стоит отметить, что поэт довольно часто прибегал к услугам людей, владеющих древними языками. Это могли быть гимназические учителя, как это было при переводе "Од" Горация или известные профессора, филологи-классики, как Ф.Е. Корш или просто любители римской литературы, как граф А.В. Олсуфьев [9, с.387-390].

Как пишет А.А. Фет в своем письме Нагуевскому: "… я чистосердечно признаюсь, что я не более, как любитель-переводчик, но нимало не филолог. Для меня объяснения только натыканные ветки, указывающие надлежащий путь разумения. Но у меня не хватает ни умения, ни терпения рассматривать каждую отдельную ветку порознь" [6, л.4-5]. Переводил Фет с или опирался на немецкий перевод "Энеиды", сделанный немецким филологом-классиком Т. Ладевигом. Вот лишь некоторые из фраз, встречающиеся в его письмах: "…я перевожу по Ladewig'у" [6, л.5], "…у Ladewig'a, текста которого я держусь, …" [6, л.16]. Поэтому и здесь при переводе "Энеиды" понадобился человек, который смог отследить латинский текст и писать "самонужнейшие примечания" [6, л.5] к переводу Фета. Как пишет Фет, объясняя свой выбор: "Не скрою также, что преимущественно дорожу тем, что перевод мой пройдет, так сказать церемониальным маршем перед глазами специалиста знатока и получит от него диплом зрелости" [6, л.34].

Фет исходил из того принципа, что каждый должен заниматься своим делом, говоря о, так сказать, своеобразном разделении труда, ожидая от филологов готового текста и объяснений, которые, он, владея русским стихом, мог бы перенести на отечественную почву.

Фет считал, что перевод является образом понимания оригинала [6, л.6], какие-либо примечания необходимы лишь для совсем непосвященных, поэтому "нет никакой надобности испещрять, … примечаний ссылками на подлинные выражения Илиады и Одиссеи" [6, л.6]. Не считает нужным он и включение в издание латинского текста поэмы, который, по его мнению, "нимало не подспорящее делу", а только "тормозящий груз", и, кроме того, "всякий может в стереотипном издании приобресть его за двугривенный" [6, л.6]. Отношение же к примечаниям, которые должен писать Нагуевский, Фет высказывает в следующей фразе: "Как ни нежелательны излишние примечания, но непосредственное чувство само укажет Вам те места, где, невзирая на точный и ясный перевод, читатель не специалист не поймет ничего без объяснения" [6, л.6]. И здесь прослеживается идея некоей вольности, как в необходимости примечаний, так и в выборе их, основанная скорее на интуиции, свойственной больше поэтам, нежели на научности и рациональности.

Естественно для перевода важно не только содержание поэтического текста, т.е., "что" переводить, но и внешняя форма, т.е., "как" переводить. В этом отношении А.А. Фет более строг и придирчив и к себе, и к Нагуевскому. Еще в первом письме, он пишет профессору, когда тот обратил внимание Фета на более ранний перевод "Энеиды", сделанный Шершеневичем, как на "устарелый" [6, л.5], что этот перевод "простой вольный пересказ содержания Энеиды и буквально не мог из него попользоваться ни одним выражением для своего перевода" [6, л.5]. И далее: "Переводить песни прозой – невозможно. Стихи имеют свои права, которые нарушать нельзя" [6, л.6].

Фет переводит "Энеиду" гекзаметром. И об этом он пишет Нагуевскому, используя довольно образное выражение. "Вспомните, что мои ноги или, лучше сказать, стопы, немилосердно сдержаны стопами гекзаметра, из которых выскочить я не имею права. В первом случае поправка по Вашему указанию для меня обязательна (касается написаний примечаний – Н.А.), а во втором только желательна, если достижима" [6, л.7]. К этой внешней стороне перевода Фет подходит довольно серьезно, прекрасно сознавая всю сложность, а порой и невозможность адекватного перевода. "При исправлениях текста нередко вспоминается: "рад бы в рай, да грехи не пускают" - пишет в очередном письме А.А. Фет, - Вы имеете в виду латынь, а мне приходится бороться и с русским. Так, например, я бы охотно перевел diversa parte - в другой стороне, если бы рядом не стояло penitus, которое я не умею иначе перевести, как в отдалении, и вышло бы в другой стороне в отдалении, что выходит неловко" [6, л.42].

Выделить можно и третий элемент в переводах с древних авторов – это передача собственных имен в той традиции, которая довольно прочно вошла в русский язык. И в этом вопросе у Нагуевского и Фета был даже небольшой конфликт. Фет предлагает чтение имен собственных, в том числе и греческих, в устоявшейся в России латинской форме чтения, т.е., Цинт, Цитера, вместо Кинфа, Киферы, о которых ему постоянно писал Нагуевский, придерживаясь чтения, принятого строгой филологической наукой. И даже договорившись уже о том, что Фет использует латинское чтение имен, Нагуевский продолжал в своих экземплярах переправлять их на греческие, что дало повод Фету упрекнуть Нагуевского, что ему приходится делать двойную работу, исправляя заново написание имен

собственных. Удивительно, но именно за это ругали в критических статьях, которые появились после выхода перевода "Энеиды", Д.И. Нагуевского. Как мог университетский профессор, филолог-классик проглядеть, просмотреть такое, а уж тем более совершить совсем непозволительное – само имя римского поэта было написано через "е", а не "и". Поэтому-то последние письма полны просьб Д.И. Нагуевского, чтобы Фет выступил с каким-нибудь опровержением, чтобы восстановить честное научное имя профессора. И, на наш взгляд, сама передача писем А.А. Фета в Императорскую публичную библиотеку имела и этот скрытый мотив

Перевод "Энеиды" А.А. Фета критиковался много раз, и в XIX веке, и в XX-м. Критиковали его за то, что перевод местами являет собой простой подстрочник, что мало внимания уделяется форме стиха Вергилия, что Фет обращает внимание лишь на содержание поэмы. Уже упоминавшийся В. Брюсов приводит довольно яркий образ того, что сделал Фета, да и Квашнин-Самарин. "Получился прозаический пересказ содержания поэмы, хотя почему-то и изложенный гекзаметрами. Получился даже не гипсовый слепок с мраморной статуи, а описание этой статуи, сделанное добросовестно, дающее о ней сведения, но, конечно, не производящее никакого художественного впечатления" [3, с.135].

На наш взгляд, оценка Брюсова, все-таки слишком категорична, тем более, перевод самого Брюсова критикой считается "верхом буквализма". Ведь проблемы художественного перевода так и не решены, хотя теория перевода, особенного машинного, в наши дни является относительно разработанной. И потому сегодня не только в среде филологов, но и историков разгораются нешуточные страсти по поводу "буквалистских" и "вольных" переводов, переводов "слово в слово" или переводов "подражаний". Что лучше? Наверное, каждый переводчик принимает решение сам, выбирая тот или иной вариант, и полагаясь на время, которое всех рассудит. И как нельзя, кстати, в заключении будет фраза из письма А.А. Фета: "Если мои переводы далеки от желаемого совершенства, то, тем не менее, могут служить фундаментом для будущих, более счастливых или искусных переводчиков" [6, л.5-6].

1. *Алмазова Н.С.* "Habent sua fata … conversiones": о переводе "Энеиды" Вергилия в переписке А.А. Фета и Д.И. Нагуевского // Проблемы антиковедения и медиевистики. – Вып. 2. – Нижний Новгород, 2006. 2. Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского университета (1804–1904) / Под ред. Н.П. Загоскина. – Ч.1. – Казань, 1904. 3. *Брюсов В.Я.* О переводе "Энеиды" русскими стихами // Вергилий Энеида. Пер. В.Я. Брюсова. – М., 2000. 4. *Гаспаров М.Л.* Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. – М., 1988. 5. *Петровский Ф.А.* Русские переводы "Энеиды" и задачи ее нового перевода // Вопросы античной литературы и классической филологии. – М., 1966. 6. Письма А.А. Фета (Шеншина) Д.И. Нагуевскому // ОР РНБ. Ф. 1000. Собрание отдельных поступлений. – Оп.3. – №1325. – 53 лл. Опубликовано: Перевод "Энеиды" Вергилия в социокультурном контексте России конца XIX века (25 писем А.А. Фета Д.И. Нагуевскому). Подготовка текста, предисловие и комментарий Н.С. Алмазова // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. – Вып. 3. – Омск, 2007. 7. Письма А.А. Фета к Гр. А.В. Олсуфьеву // Фет А.А. Стихотворения. Проза. Письма. – М., 1988. 8. Письма Д.И. Нагуевского к А.А. Фету-Шеншину // ОР РГБ. Ф.315. – Оп.1. – К.9. Ед.хр. 29. – 30 лл. 9. *Фет А.А.* Воспоминания. Репринт издания 1890. Т.2. Мои воспоминания. 1864–1889. – М., 1983. 10. Энеида Вергилия. Перевод А.А. Фета, с введением, объяснениями и проверкой текста Д.И. Нагуевского, ординарного профессора Императорского Казанского университета. – Ч.1. – I–VI. – М.,1888.

Надійшла до редколегії 13.03.12

Н. Бугаева, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
(г. Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О КЛЯТВЕ УЧАСТНИКОВ ЗАГОВОРА КАТИЛИНЫ

Н. Бугаева обратилась к сообщениям греко-римских писателей о кровавой клятве катилинарцев. По мнению автора статьи, развитие сюжета во многом шло по законам литературного жанра, и в действительности этот яркий эпизод едва ли имел место.

N. Bugaeva drew attention to ancient writers' witness of blood oath of Catilinarian conspirators. According to N. Bugaeva, development of the ancient tradition had characters of belles-letters and this episode didn't take place in reality.

Восстановление много лет спустя подробностей неудавшегося заговора – занятие неблагодарное. Потерпев неудачу, участники тайного предприятия, целью которого, как это было в 63 г. до н.э., является приход к власти вооруженным путем, не жаждут афишировать участие и делиться воспоминаниями. Победившая сторона предлагает обществу свою точку зрения, которая имеет очень большие шансы закрепиться в исторической памяти. Наконец, осуществлявшиеся в глубокой тайне конспиративные действия побуждают домысливать детали – более или менее удачно, в зависимости от степени осведомленности о событиях и их контексте.

Латинское "coniuratio" уже по своей этимологии предполагает совместное принесение клятвы на верность некоему замыслу, причем не обязательно вредоносному. Например, у Ливия этот термин может означать коллективную воинскую присягу (Liv. XXII. 38. 4; XXVI. 25. 11; 16; XLV. 2. 1). Напомним также, что, когда спустя 20 лет был составлен увенчавшийся успехом заговор против Цезаря, обстоятельства которого получили известность, современники удивились, что деятели мартовских ид обошлись без подобного (Plut. Brut. 12). Поэтому античная традиция сообщает о присяге сторонников Катилины как о действии само собой разумеющемся (Flor. II. 12. 4; Plut. Cic. 10; Dio Cass. XXXVII. 30. 3).

За редким исключением [2, p. 29] ученые Нового времени склонны считать эту информацию недостоверной, исходя прежде всего из общих представлений об освещающих заговор источниках [5, p. 71; 8, p. 27; 13, p. 152; 26, c. 187; 24, c. 469; 32, c. 37]. Насколько нам известно, единственный, кто сколько-нибудь углубленно рассматривал данный вопрос, - Э. Манни, пришедший к противоположному выводу. Одна из частей его монографии носит название "Катилинарская религия" и здесь высказывается мысль, что кровавый ритуал совершался в честь малоазийской богини Ма, отождествленной римлянами с Беллоной. Катилина, объявивший себя защитником обездоленных, посвятил вождей заговора в этот мистериальный культ, распространенный среди части плебса. Те же по ряду причин охотно приобщились к таинствам [11, p. 40-49; ср.: 13, p. 152].

Оставляя религиозный аспект гипотезы Э. Манни специалистам, мы предлагаем взглянуть на проблему под другим углом зрения, а именно: насколько достоверны имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства? Итальянский ученый возводит информацию о кровавой клятве к сообщениям доносчиков [11, p. 40-41]. Это вполне вероятно, однако когда впервые была зафиксирована в официальных протоколах страшная подробность? Основанием для ареста и казни пятерых вождей заговора, как известно, стали показания аллоб-

© Бугаева Н., 2012

рогов и некоего Т. Вольтурция. Последний заявил, что примкнул к злодеям совсем недавно (Sall. Cat. XLVII. 1), тем самым лишив себя возможности выступать как очевидец начала событий. Можно отнести рассказ о чудовищном преступлении на счет кого-то из многочисленных соглядатаев, которыми, по словам Цицерона, был окружен со всех сторон Катилина (Cic. Cat. I. 7-10; ср. Plut. Cic. 18). Однако, существование этой разветвленной сети нуждается в доказательстве. В отечественной литературе справедливо указывалось, что, если бы Цицерон имел в своем распоряжении конкретные и неопровержимые факты об антиправительственной деятельности своего врага, он немедленно подверг бы Л. Сергия аресту [20, с. 84]. Первая Катилинария не была бы тогда "декларацией возмущенного бессилия" [20, с. 86]. На наш взгляд, необходимо исходить из того, что минимум до 6 декабря 63 г. до н.э. в распоряжении Цицерона отсутствовали надежные свидетельские показания о кровавой клятве. Косвенно об этом говорит факт, что римский всадник Веттий, после показаний которого были осуждены многие заговорщики (Dio Cass. XXXVII. 41. 2-3), не назван современником среди присягнувших (Sall. Cat. XVII. 3-4).

Очень важные сведения о начальной стадии распространения интересующей нас информации содержатся у Саллюстия, лично знавшего участников событий 63 г. до н.э., затрагивавшего в своей политической деятельности проблемы, чьи корни уходили в 70-ые – 60-ые гг. до н.э. "De coniuratione Catilinae" - источник далеко не идеальный, однако он обладает большим достоинством: здесь зафиксирован очень ранний этап формирования традиции, когда утвердившаяся позднее версия еще не стала канонической. Некоторые сообщаемые Саллюстием подробности идут с нею вразрез, хотя, с другой стороны, не следует преувеличивать расхождение с рассказом Цицерона. В науке неоднократно высказывалась точка зрения о большом влиянии творчества Отца Отечества на труд Саллюстия [3, s. 104; 4, p. 255; 6, p. 21; 12, p. 226; 18, c. 28, 483; 27, c. 5; 16, p. 480]. В частности, Ч. Виржубски отметил полное совпадение характеристики катилинарцев у Отца Отечества и его недоброжелателя [17, p. 21]. Мы полагаем, что следует присоединиться к мнению о большой близости освещения античной традицией заговора Катилины и отсутствии у античных авторов принципиальных разногласий в оценках [32, с. 37].

Саллюстий относит клятву катилинарцев примерно к лету 64 г. до н.э. (Sall. Cat. XVII. 1-3; XX. 1). Он пишет: "Были тогда говорившие, что, произнесши речь и приводя к присяге сообщников своего злодеяния Катилина обнес тех чашами для возлияний со смешанной с вином человеческой кровью (humani corporis sanguinem vino permixtum in pateris circumtulisse). Затем, когда все ее отведали, поклявшись и прокляв отступника (post execrationem), как это обычно делается на торжественных священнодействиях (in sollemnibus sacris fieri consuevit), он открыл свой замысел и повторил, что они должны хранить ещё большую верность друг другу, будучи соучастниками в столь тяжком преступлении. Некоторые полагали, что это и многое другое вымышлено (nonnulli ficta et haec et multa praeterea existumabant) теми, кто рассчитывал чудовищностью злодеяния понесших кару смягчить возникшую впоследствии ненависть к Цицерону. Нам же рассказ об этом, в силу исключительности дела, представляется основанным на мало достоверных сведениях (parum conperta est)" (Ibid. XXII. 1-3).

В приведенном выше отрывке интересен целый ряд моментов: во-первых, содержимое чаш – смесь вина с кровью, видимо, специально убитого человека. Во-вторых, то, что заговорщики узнают о составе напитка post factum, а значит ответственность возлагается прежде всего на Катилину. В-третьих, Саллюстий неоднократно прибегает к ссылке на "некоторых". Сначала создается впечатление определенного дистанцирования от сообщаемой информации, когда автор не хочет брать ответственность за ее достоверность [13, p. 152]. Затем указанный прием, видимо, используется, чтобы косвенно очернить Цицерона – эффект достигается за счет отказа самого Саллюстия безоговорочно верить в подобные ужасы и причин, которыми он это объясняет. В данном случае мы разделяем распространенное мнение о недоброжелательности к Отцу Отечества. Как кратко сформулировал М.Л.В. Лайстнер, в "De coniuratione Catilinae" Саллюстий "замял" эпизоды, где Цицерон сыграл ведущую роль и истолковал факты так, чтобы создать как можно более неблагоприятный портрет М. Туллия [9, p. 197; ср.: 25, с. 5; 31, с. 328]. Основные аргументы в поддержку подобной точки зрения были изложены еще в XIX веке [19, с. 245].

Можно ли на основании слов Саллюстия датировать начало целенаправленного распространения слухов о клятве на крови? По-видимому, да. Мы знаем о проблемах, возникших у Цицерона в конце 63 г. до н.э. и попытке привлечь его к суду за казнь арестованных (Dio Cass. XXXVII. 42. 1-2; 38; Plut. Cic. 23). Однако, если верить Диону Кассию, действия плебейского трибуна Метелла Непота были жестко пресечены (Dio Cass. XXXVII. 42. 3). До конца 60-ых гг. до н.э. положение Отца Отечества оставалось довольно устойчивым. Его поддерживал сенат, он льстил себя надеждой на близкие отношения с Крассом и Помпеем, Цицерон считал себя под надежной защитой от нападок Клодия. Едва ли в то время имелась насущная необходимость сочинять дополнительные чудовищные подробности, поэтому нельзя согласиться с постулатом П.Б. Гурвича о "втором дефенсионном периоде" [Гурвич, с. 38, 74]. Скорее они оказались востребованными ближе к 58 г. до н.э., когда ситуация изменилась. Умерли Квинт Катул и Метелл Целер, чья поддержка столь много значила для великого оратора (Cic. Pro domo sua. 113; Phil. II. 12; Pro Cael. 59-60; ср.: Cic. Att. I. 20. 3), был заключен первый триумвират, консулами предстояло сделаться враждебно настроенным Габинию и Пизону, а Клодий упорно стремился к переходу в плебеи (что ему удалось в 59 г. до н.э.). Вот тогда-то Отец Отечества стал остро нуждаться в ужасных деталях заговора, чтобы показать: тяжестью злодеяния казненные исключили себя из круга римских граждан и лишили защиты законов. Нарисованный Аппианом и Плутархом образ Цицерона, блуждающего по улицам Города и выпрашивающего сочувствие (App. B. C. II. 15; Plut. Cic. 30), на наш взгляд, лучше сочетается с фальсификацией подобных сведений, нежели портрет человека, упивающегося своим триумфом. Ведь примечательно следующее обстоятельство: если отсутствие в сохранившихся произведениях Цицерона сведений о чашах с кровью можно объяснять по-разному, в Катилинариях заговорщикам инкриминируются прежде всего резня и поджоги (Cic. Cat. I. 3; 6; 9; 12; 29; 32; 33; Cat. II. 1-2; 10; 18-19; Cat. III. 1; 2; 8-10; 15; 19; 21-23; 25; Cat. IV. 2; 4; 7; 10-13; 18). На их фоне меркнет все остальное, а тайные встречи негодяев изображаются скорее в комическом, нежели в трагическом ключе (Cic. Cat. II. 10; ср.: Plut. Cic. 18). Таким образом, мы датировали бы второй этап в развитии традиции о заговоре началом 50-ых гг. до н.э.

Подведем итог: спустя несколько лет в "легенду о Катилине" добавились новые подробности, цель которых - изобразить действия мятежников как можно оди-

ознее. Насколько востребованными позднейшими авторами оказались эти сведения? Ответ на данный вопрос важен, чтобы определить степень доверия к рассказу писателями эпохи Империи. В частности, можно надеяться, что удастся выявить определенные тенденции в развитии "легенды" и наметить принципы работы с последней в неверифицируемых случаях.

Обратимся прежде всего к сообщению жившего после завоевательных походов Траяна (Flor. I. 1. 8) Л. Аннея Флора. Он пишет: "Залогом [верности] заговору послужила обнесенная по кругу в чашах для возлияний человеческая кровь, которую они (заговорщики – Н. Б.) пили. Величайшее нечестие, не будь еще более нечестивым то, за что они пили (additum est pignus coniurationis sanguis humanus, quem circumlatum pateris bibere: summum nefas, nisi amplius esset propter quod biberunt)!" (Ibid. II. 12. 4). Сразу бросается в глаза, что в этом эмоциональном рассказе отсутствуют какие-либо сомнения и к коллективному портрету катилинарцев за счет лаконичности прибавляется черной краски. Негодяи *сознательно* пьют *чистую* кровь – Флор умалчивает о вине и о коварной уловке Катилины. Безусловно, перед нами пассаж, характерный для автора "Двух книг римских войн", чей труд эмоционален и не свободен от значительных преувеличений. Однако в отличие, например, от Аппиана Флор весьма неплохо осведомлен о заговоре. Нельзя исключить, что в данном случае имеет место отражение некоей тенденции. Прослеживается ли она более ярко в трудах обращавшихся к событиям 63 г. до н.э. греческих авторов?

Плутарх лаконичен: "Итак, заполучив [Катилину своим] вождем, дурные люди вновь дали друг другу клятвы и, принеся в жертву человека, отведали его мяса (ἄλλας τε πίστεις ἔδοσαν ἀλλήλοις καὶ καταθύσαντες ἄνθρωπον ἐγεύσαντο τῶν σαρκῶν)" (Plut. Cic. 10). В этом сообщении тоже нет ни тени сомнений, причем, согласно Плутарху, совершается еще большее злодеяние. У греческого писателя гораздо сильнее звучит мотив торжественного священнодействия, трансформировавшегося в чудовищное жертвоприношение, который Флором несколько "смазан", а Саллюстием рассматривается в качестве процицероновской версии событий. Казалось бы, ситуация доведена до логического конца, и сюжет уже исчерпал возможности для нагнетания ужаса, но рассказ Диона Кассия убеждает нас в обратном [ср.: 8, p. 27]. Если верить этому историку, Катилина "вынудил самых могущественных и занимающих главенствующее положение (был среди прочих и консул Антоний) принести беззаконные жертвы, скрепляющие клятву. Заклав в жертву некоего ребенка и сотворив клятву на его внутренностях, Катилина вместе с сообщниками съел их (ἐς ἀθεμίτων ὁρκωμοσιῶν ἀνάγκην προήγαγε παῖδα γάρ τινα καταθύσας, καὶ ἐπὶ τῶν σπλάγχνων αὐτοῦ τὰ ὅρκια ποιήσας, ἔπειτ' ἐσπλάγχνευσεν αὐτὰ μετὰ τῶν ἄλλων)" (Dio Cass., XXXVII, 30, 3).

Вопрос об источниковой базе каждого из поздних авторов – отдельная сложная проблема; однако, на наш взгляд, не следует сводить все исключительно к ее реконструкции. Весьма вероятно, что Флор опирался на "Ab Urbe condita", однако рассказ Диона о заговоре Катилины, похоже, имеет мало общего с ливианским, насколько последний поддается реконструкции [22, с. 90-117; 23, с. 209]. Здесь мы скорее солидаризируемся с точкой зрения советских ученых [26, с. 239-240; 28, с. 29], нежели с доминирующим мнением [7, s. 664; 8, p. 24, 56; 10, p. 885-886; 11, p. 179, 192, 216-218; 14, s. 341; 15, p. 81]. Изучение близкого сюжета о казни катилинарцев показало, что Плутарх использовал как ранние сочинения Цицерона, так и возникшую после 60-ых гг. до н.э. традицию, оправдывающую казнь арестованных [21, с. 187–197]. Но нам хотелось бы привлечь внимание к другому аспекту. Примечательно, что латинские авторы передают "оригинальную версию" с питьем крови, тогда как Плутарх и Дион Кассий говорят о поедании жертвенного мяса. Соответственно, требует решения вопрос, каким образом перешла в греческое историописание "легенда о Катилине".

Во-вторых, можно сделать вывод, что рассказ о клятве катилинарцев претерпел развитие отчасти по законам *литературного* жанра. Флор должен был читать труд Саллюстия, равно как и Дион Кассий, однако оба этих автора (а также Плутарх) предпочли иную версию. Показательно, что, в отличие от предшественников, Дион не сильно жаловал Отца Отечества, а значит не имел заинтересованности в оправдании его действий. Налицо тенденция: чем больше времени отделяет пишущего от 63 г. до н. э. и чем более широкими мазками рисует он историческое полотно, тем страшнее изображается присяга негодяев. Во многом схожая закономерность прослеживается в описании попытки освободить арестованных [21, с. 187-197]. Мы далеки от недооценки биографии Цицерона Плутарха и XXXVII книги Диона Кассия, как источников по заговору Катилины. Но для писателя III века события трехсотлетней давности – глубокое прошлое, мало связанное с насущными проблемами. В определенной степени эпоха гражданских войн воспринимается как "время предков", когда было возможно все – и величайший порок, и величайшая добродетель. В частности поэтому аргументация Саллюстия – "Нам же рассказ об этом, в силу исключительности дела, представляется основанным на мало достоверных сведениях" (Sall. Cat. XXII. 1-3). – показалась малоубедительной. На примере Флора, Ампелия и Евтропия хорошо прослеживается процесс "генерализации" рассказа, устранения полутонов, исчезновения подробностей, плохо согласующихся с главной линией. [22, 158-257].

Таким образом можно прийти к следующему выводу. Нельзя исключить, что "по своей форме объединение Катилины представляло собой coniuratio (заговор), т. е. сообщество людей, связанных между собой взаимной присягой" (30, с. 20; ср.: 29, с. 280). Тогда, действительно, могли иметь место "совместная присяга (ὅρκον συνομόσαντες) и торжественный обмен клятвами над закланной жертвой (πίστιν καθ' ἱερῶν λαβόντες)" [1, с. 480] – то, что современники ожидали от убийц Цезаря. Однако сведения о кровавом ритуале восходят к распространяемым накануне изгнания Цицерона инсинуациям и с течением времени рассказ о жуткой клятве претерпел изменения, усилившие впечатление о чудовищности заговора. Следовательно, данную подробность можно обоснованно поставить под сомнение.

1. *Плутарх*. Брут // Сравнительные жизнеописания. – Т.2. – М., 1994. 2. *Beesly E.* Catiline // Catiline, Clodius and Tiberius. – N.-Y., 1924. 3. *Bringmann K.* Sallusts Umgang mit der historischen Wahrheit in seiner Darsellung der Catilinarischen Verschwörung // Phililogus. 1972. – Bd. 116. 4. *Cape R.W.* The Rhetoric of Politics in Cicero's Fourth Catilinarian // American Journal of Philology. Baltimore. 1995. – Vol. 116. 5. *Fini M.* Ritratto di un uomo in revolta. – Milano, 1996. 6. *Hock R.P.* Servile behavior im Sallust's Bellum Catilinae // Classical World. – Pittsburgh. 1989. – Vol. 82. 7. *John C.* Der tag der ersten rede Ciceros gegen Catilina // Philologus. Zeitschrift für klassische Philologie. – Berlin. 1888. – Bd. 46. 8. *Koehler M. A.* Catilina in classic tradition. – N.-Y., 1919. 9. *Laistner M.L.W.* The History of History // Classical Philology. – Vol. 35. – Chicago, 1940. 10. *Last H.* Appendix. The literary Authorities for Roman History, 133-44 B. C. // The Cambridge ancient history. – Cambridge, 1932. – Vol. IX. 11. *Manni E.* Lucio Sergio Catilina. Florence, 1939. 12. *March D.A.* Cicero and the "gang of five" // Classical World. Pittsburgh. 1989. № 82. 13. *McGushin P.* A Commentary to C. Sallustius Crispus. Bellum Catilinae. – Leiden, 1977. 14. *Seager R.* The First Catilinarian conspiracy //

Historia. Revue d'histoire ancienne. – Bd. 13. – Wiesbaden. 1964. 15. *Stern von, E.* Catilina und die Parteikämpfe in Rom der Jahre 66-63. – Dorpat, 1883. 16. *Wiedemann Th.* The Figure of Catiline in the Historia Augusta // Classical Quaterly. – Vol. 18. – Oxford. 1968. New ser. 17. *Wirszubski Ch.* Avdaces: A Study in Political Phraseology // Journal of Roman Studies. – Vol. 51. – London. 1961. 18. *Альбрехт фон, М.* История римской литературы. – Т. 1. – М., 2002. 19. *Бабст И.К.* О Саллюстие и его сочинениях // Пропилеи. – М., 1856 – С. 245. 20. *Бенклиев С.Н.* Второй заговор Катилины и его характер // Труды Воронежского государственного университета. – Т. 47. – Воронеж, 1957. 21. *Бугаева Н.В.* Античная историческая традиция о попытке освобождения сторонников Катилины // Античный мир и археология. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 12. – Саратов, 2006. 22. *Бугаева Н.В.* Заговор Катилины в кратких сообщениях поздней античной традиции. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2008. 23. *Бугаева Н.В.* "Ломоносовские чтения" на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // ВДИ. 2011. – №1. 24. *Гвоздев С.П.* Примечания // Заговор Катилины. М.–Л., 1934. 25. *Грабарь-Пассек М. Е.* Начало политической карьеры Цицерона (82–70 гг. до н. э.) // Цицерон. Сборник статей. – М., 1958. 26. *Гриналь П.* Цицерон. – М., 1991. 27. *Гурвич П.Б.* Античное повествование о заговоре Катилины. Диссер…. канд. истор. наук. – М., 1946. 28. *Лившиц Г.М.* Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н. э. и заговор Катилины. – Минск, 1960. 29. *Машкин Н.А.* История Древнего Рима. – М., 1947. 30. *Машкин Н.А.* Принципат Августа. – М.-Л., 1949. 31. *Тронский И.М.* История античной литературы. – М., 2005. 32. *Чеканова Н.В.* Заговор Катилины: литературная аберрация и реальность // Антиковедение и медиевистика. – Вып. 3. – Ярославль, 2001.

Надійшла до редколегії 13.03.12

М. Венцова, асп.
(г. Донецк, Украина)

ИМПОРТНЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ СОСУДЫ В НЕКРОПОЛЯХ БОСПОРА

В статье рассматривается импортная керамика некрополей Нимфея, Гермонассы, Корокондамы VI–V вв. до н.э. Установлены основные формы и количество сосудов, привезенных из других центров античного мира на Боспор, что позволяет поднимать вопрос о сохранении традиционного образа жизни боспорских греков. Результаты исследования также конкретизируют основные направления торговых отношений и их изменения.

The article deals with imported ceramics of Nymphaion, Hermonassa, Korokondama necropolises of VI–V centuries BC. Disclosed the basic forms and number of ceramics imported from other centres of the ancient world to Bosporus, *they allow us* to raise the question of preserving the traditional lifestyle of the Greeks of Bosporus. The results of the studying can also specify the main direction of trade relations and their changes.

В повседневной жизни греки широко использовали разнообразные керамические сосуды. Расписными керамическими сосудами – кратерами, гидриями, ойнохоями, кубками, киликами, котилами, чашечками, рыбными блюдами пользовались во время приема гостей и традиционных трапезах. Греки часто использовали различные масла, поэтому в обиходе у них были сосуды, в которых они могли хранить и переносить благовония. К ним относятся лекифы, аски, амфориски, арибаллы. Разнообразные сосуды входили в состав погребального инвентаря, широко использовались во время проведения заупокойных культов. В результате колонизации греки, оторванные от родины, для поддержания привычного образа жизни должны были либо самостоятельно производить необходимые предметы быта, либо импортировать их. Изучение вопросов, связанных с керамическим производством, поставками импортных глиняных форм позволяет дать представление о развитии экономики, культуры, установить интенсивность, содержание, направления торговых связей. Привозные товары, продукция местного производства также дают возможность отразить вкусы и потребности греческого населения.

Результаты раскопок поселений и некрополей подтверждают использование в быту импортных керамических сосудов греческим населением Боспора, которые заслуживают особого внимания. Сразу с момента их обнаружения, они оказались в поле зрения, как русскоязычных исследователей, так и западных ученых. Детальному изучению были подвергнуты клейменные амфоры, которые использовались при транспортировке товаров. Анализ клейм давал возможность определить центр производства тары [8, с. 1–208; 13, с. 274–280; 24, с. 118]. В результате проведения многочисленных исследований на данный момент установлены достаточно узкие датировки сосудов с клеймами разных центров производства [16, с. 159–171]. Не осталась без внимания ученых неклейменная тара. С целью решения вопросов, связанных с определением центра производства импортных сосудов без клейм, стали проводиться исследования химического анализа глины и сравнение форм этих сосудов. Масштабное изучение амфор таким способом привело к появлению ряда фундаментальных трудов с предложенными типологиями сосудов разных центров производства [11, с. 5–178; 2, с. 4–136; 17, с. 5–196]. Кроме амфор, неоднократно подвергались исследованию различные сосуды для масел, питья восточно-греческих центров, Аттики и др. [18, с. 131–172; 19, с. 204–236; 12, с. 172–177; 3, с. 10–12; 1, р. 199–251]. Полученные результаты внесли значительные коррективы в распределение керамики между центрами производства, уточнили датировку, хронологию и типологию отдельных видов сосудов. В целом, изучение вопросов импорта на Боспоре имеет определенные результаты, хотя остаются спорные, неразрешенные моменты. До настоящего времени импортная керамика не рассматривалась с точки зрения сохранения и поддержания потребительской практики греков, которой они жили на родине, что подчеркивает актуальность к ее обращению.

В данной статье предполагается выяснить место импортных сосудов в поддержании привычного образа жизни боспорских греков, рассмотреть привезенные товары как признак проявления традиционности мышления, а также охарактеризовать торговые связи отдельных полисов Боспора с другими регионами античного мира.

Керамические сосуды погребений представляют особый интерес для исследования. Это можно объяснить их относительно хорошей сохранностью и репрезентативностью, что позволяет проследить устойчивость традиции погребального обряда на Боспоре. В данной работе основными источниками исследования будут являться импортные керамические сосуды, обнаруженные в некрополях Боспорского царства – Нимфея, расположенного в Европейской части Боспора, а также Гермонассы и Корокондамы / Тузлинском некрополе Азиатского Боспора, что обусловлено их хорошей изученностью.

Характеризуя источниковую базу исследования, следует обратить внимание на то, что погребальные памятники данных некрополей попали в поле зрения ученых в середине XIX в. Раскопки в то время проводились на недостаточно высоком уровне, что в значительной мере усложняет современные исследования. Во многих случаях невозможно определить точную форму сосуда, центр его производства. Во второй половине прошлого века ученые пересмотрели ранние

© Венцова М., 2012

материалы античных некрополей Нимфея, Тузлы и Гермонассы, результаты изучения опубликовали в обобщающих работах с важными наблюдениями и выводами [20, с. 5–107; 6, с. 154–238; 23]. При этом сохранилось много неразрешенных вопросов. В XX в., уже с учетом полученного опыта и достижений науки, полевые исследования некрополей продолжились. Отчеты о ходе раскопок и их результатах нашли отражение в отдельных статьях и монографиях [22, с. 46–52; 7; 21, с. 60–109; 14, с. 97–101]. В целом, проведенные к настоящему времени исследования стали крупным вкладом в историко-археологическое изучение Боспорского царства. Некрополи Нимфея, Тузлы и Гермонассы по праву можно считать достаточно изученными.

Имеет смысл остановиться на общей статистической характеристике погребальных комплексов Нимфея, Корокондамы и Гермонассы, которые будут использоваться в этой работе. Объектом исследования выступают грунтовые погребения данных полисов VI–V вв. до н.э., с обнаруженными в них керамическими сосудами. Данные хронологические рамки характеризуют период эллинской колонизация Боспора, когда идет процесс становления полисов, поиск политических форм правления. В это время греки-переселенцы еще находились в тесной связи со своей метрополией [10, с. 14]. Всего в работе рассматривается 122 захоронения. Нами используются естественные выборки, т.е. сформированные на основании имеющегося в распоряжении материала. Поэтому данные будут представлены как в абсолютных, так и в относительных показателях, что позволит показать представительность признаков в выборке, а также уравнять полученные показатели (%). Процентные данные позволят в дальнейшем проводить сравнительный анализ. Общая суммарная характеристика погребений Нимфея, Корокондамы и Гермонассы с найденными в них керамическими сосудами представлена в табл. 1.

Таблица 1

Суммарная характеристика погребений Нимфея, Корокондамы, Гермонассы VI–V вв. до н. э.

№ п/п	Пункт	Количество погребений	Погребения с керамическими сосудами		Всего керамических сосудов	Погребения с импортными сосудами		Всего импортных сосудов	
1.	Нимфей	47	39	83 %	64	25	64 %	47	73%
2.	Тузла/Корокондама	53	53	100%	196	11	21%	12	6%
3.	Гермонасса	22	21	95%	68	10	45%	16	24%
4.	Всего	122	113		328	46		75	

Рассмотрение всех импортных сосудов некрополя Нимфея позволяет говорить о таких типах как амфоры, сосуды, лекифы, арибаллы, кольцеобразные сосуды, амфориски, алабастры, килики, чаши, канфары, ойнохои, кувшинчики, чашечки, кратеры, солонка, лекана.

Что касается амфор, то они представлены преимущественно хиосским производством VI–V вв. до н.э. [7, №Д2]. Найденные сосуды относятся по своему типу к раннепухлогорлым амфорам (III-А) [17, с. 16]. У них характерная орнаментация: окраска венцов бурым или красным лаком, нанесение нескольких тонких горизонтальных полос по плечам и тулову, а также вертикальной полосы по внешней стороне ручек. На горлах и плечах весьма часто встречаются дипинти в виде колечек. Известен единичный случай захоронения VI в. до н. э. в клазоменской амфоре [21, №27], плечики которой украшены широкими полосами. Горло сосуда имеет воронковидную форму с заметным отгибом венца наружу, который сформован в виде утолщенного валика, ручки – уплощенные, посажены вертикально. Импортные ойнохои [7, №В1], кратеры [7, №А58] привозились в Нимфей из Аттики, кувшинчики из Аттики [7, №В11], а также Ионии [7, №В11].

В процессе подготовки тела умершего к погребению значительное место отводилось умащению тела покойного различными маслами и благовониями [5, с. 313]. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и находки керамических сосудов. Импортные сосуды для масла и благовоний, найденные в некрополе Нимфея VI – V в. до н.э., представлены такими формами как лекифы, арибаллы, кольцеобразные сосуды, амфориски, алабастры. Лекифы, представляют преимущественно аттическое производство [7, №А44, А58, А114, А57, А177, А208, В11, Г8, Г11, Г14]. Они в основном чернофигурные, хотя встречается несколько чернолаковых сосудов V в. до н.э. В одном из погребений был найден ионийский лекиф [7, №А83]. Более широко ионийское производство представляют кольцеобразные сосуды [7, №А57, А71, Г7, А56, А59]. В некрополе Нимфея найдены сосуды из стекла – амфориски [7, №Г4] и алабастры [7, №А175, В11, Г114], произведенные в Восточном Средиземноморье. В одном погребении был найден алабастр, изготовленный в Египте из алебастра [7, №Д2]. Чернолаковый арибалл с полосками белой краской представляет коринфское производство данных типов сосудов [7, №А163].

Разнообразие форм сосудов для питья небольшое в некрополе Нимфея [4, с. 36–40]. Килики [7, №А55, А83, А123, А214], чаши [7, №В11], чашечки [7, №А58], канфары [7, №А212] представляют аттический импорт. Найдены единичные аттические лекана [7, №А212], сосуд [7, №А55], а также ионийская солонка [7, №В11].

Импортные сосуды Корокондамы, найденные в некрополе VI–V вв. до н.э., представлены амфорами, лекифами, бомбилеем, асками, чашками, киликами, котилами, чашечками. В целом и импортных сосудов установленного центра производства мало в данном некрополе.

Из всех амфор, обнаруженных в некрополе, выявлена лишь одна, привезенная на территорию Тузлы из другого региона античного мира – из Ионии [25, №168(123)]. Данная амфора имеет плоское дно. Она покрыта светло-желтой облицовкой, по которой проведено темно-желтой и коричневой красками 17 горизонтальных полосок разной ширины вокруг туловища, горла и венчика. Пространство между двумя поясками на туловище и двумя полосками на горле заполнено зигзагами, сделанными такой же краской, как и круги.

Что касается сосудов для масел, то находки большого чернофигурного лекифа [25, №77(32)] и бомбилея [25, №165(120)], представляют аттическое и коринфское производство соответственно. Бомбилей украшен по туловищу, сверху до низу, горизонтальными полосками желтого, красного и белого цветов, а на горлышке, на широкой ручке, под горлышком и на дне – красными черточками, расходящимися в последних двух местах во все стороны на подобие лучей. Аски привезены с территории Ионии [25, №48(3), 50(5); 15, №77/2008], имели горизонтальные полоски их красного, черного и коричневого лака.

Килик на высокой сложнопрофилированной ножке, поверхность которого покрыта черным блестящем лаком, за исключением "медальона" на дне внутри, края ножки и двух полос снаружи, представляет аттическое производство и является единственным случаем встречаемости импортной формы данного сосуда в некрополе Корокондамы [15, №77/2008]. В погребениях Тузлинского некрополя найдены аттические чернолаковые котилы [25, №99(54), 189(7)] с неодинаково приставленными ручками, которые использовались во время проведения погребальных обрядов. Чашки, найденные в могилах, импортированы из Ионии [25, №66(21)] и Аттики [25, №155(110)], а чашечки привезены из Ионии [25, №64(19)].

Как и в выше рассмотренных некрополях, импортные сосуды, а именно амфоры, лекифы, арибаллы, чаши, кубки, чашки, сосудики присутствуют в погребениях Гермонассы. В частности, амфоры в VI – V в. до н.э. привозили в Гермонассу из Ионии. Они представляли собой расписные сосуды, украшенные чернолаковыми поясками по туловищу [6, №3/1938, №1/1940]. V в. до н.э. датируется, найденная в погребении родосская сероглинянная расписная амфора [6, №15/1931], которая может свидетельствовать об установлении контактов Гермонассы с этим торговым центром. Арибаллические лекифы в VI–V в. до н.э. привозили в Гермонассу с территории Ионии [6, №3/1938]. В отдельных случаях уточнен ионийский центр производства. Так, в могилах Гермонассы выявлены лекифы, которые производились на острове Самос [6, №4/раскоп II, №1/1940]. В V в. до н.э., вероятно, были установлены связи по поставкам аттических лекифов в Гермонассу, так как они наблюдаются в могилах некрополя [5, №4/раскоп II]. Найден в одном погребении некрополя коринфский арибалл [6, №4/раскоп II]. Импортные сосуды, связанные с питьем – чаши, чашки принадлежат ионийским центрам производства [6, №5/1931, 3/1938, 16/1938; 14/1938, 14/раскоп II], кубок – аттическому [6, №16/1931]. При раскопках обнаружен самосский сосудик [6, №5/1931].

Исходя из проведенного исследования, можно утверждать, что в погребальном обряде Боспора широко применялись керамические сосуды. В некрополях Нимфея, Корокондамы и Гермонассы было обнаружено 328 керамических сосуда, 75 (23%) из которых являются импортными товарами. Не все рассматриваемые некрополи содержат одинаковое количество импортных сосудов. Больше всего их было обнаружено в некрополе Нимфея – 47 сосудов, в некрополях Корокондамы и Гермонассы – 12 и 16 соответственно. По статистике в 80% погребений Нимфея встречается по 1, а в 20% погребений по 2 импортных сосуда. Средняя встречаемость привезенных сосудов в могилах Корокондамы и Гермонассы, меньше чем в погребениях Нимфея. В среднем в могилах этих некрополей встречается только по 1 импортному сосуду, при этом в некрополе Корокондамы только в 20% погребений, а Гермонассы 80%. Анализ форм импортных сосудов некрополей Нимфея, Корокондамы и Гермонассы демонстрирует, что они представлены сосудами для хранения жидкостей, сосудами для масел, а также сосудами, которые связаны с питьем. Исходя из общегреческой практики обращения с покойным с момента кончины и до погребения, именно эти категории погребального инвентаря широко использовались при обработке трупа, для проведения обрядовых действий – возлияний, заупокойных тризн. Использование боспорскими греками данных импортных керамических сосудов в погребальном обряде свидетельствует, что, переселившись на новые земли, греки сохраняли традиционность погребального обряда и мышления. При этом разное количество импортных сосудов может выступать показателем материального положения различных регионов Боспора. Следует обратить внимание, что греки Боспора Киммерийского зависели от политической и экономической ситуации того времени. Так, в раннеархаическое время на Боспоре доминировали керамические сосуды разнообразных форм ионийского производства. На рубеже VI – начале V вв. до н.э., когда в эллинском мире произошла перемена в ходе Ионийского восстания и греко-персидских войн [9, с. 259–262], основным экспортером товаров в Греции стала Аттика. Результаты проведенного исследования демонстрируют, что и в погребениях Нимфея, Гермонассы, Корокондамы с начала V в. до н.э. доминирует продукция аттического производства. Помимо Ионии и Аттики, в рассматриваемых погребениях VI–V вв. до н.э. обнаружены керамические сосуды Коринфа, Родоса, Египта, стран Восточного Средиземноморья, что подчеркивает включенность Боспора в общегреческую жизнь. Рассмотрение импортных сосудов данных некрополей в последующие исторические периоды развития Боспора с точки зрения традиционности погребального обряда, сохранения или изменения мышление греков может стать предметом дальнейших исследований.

1. *Petersen J.H.* Cultural interactions and social strategies on the Pontic Shores. Burial Customs in the Northern Black Area c. 550– 70 BC. – Aarhus, 2010. 2. *Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. – 1993. – №3. 3. *Андрианов В.В.* Новейшие разработки западноевропейских исследователей в области изучения восточногреческой керамики VII–VI вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. 2002. 4. *Венцова М.И.* О некоторых категориях погребального инвентаря некрополя Нимфея // Белгородский диалог – 2011. Проблемы российской и всеобщей истории. 2011. 5. *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. – М., 1988. 6. *Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // МИА. – 1959. – № 69. 7. *Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999. 8. Греческие амфоры: проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. – Саратов. 1992. 9. *Завойкин А.А.* Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории вторая половина VI–V вв. до н.э. // Очерки археологии и истории Боспора. – М., 1992. 10. *Завойкин А.*А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы: автореф. дисс. на соискание учен. степени докт. ист. наук: 07.00.06. "Археология". – М., 1993. 11. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора. Материалы и исследования по археологии СССР. – Т. 83. – М., 1960. 12. *Ильина Ю.И.* Расписная восточно-греческая керамика в некрополях Боспора // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. – Ч.1. – 2002. 13. *Кац В.И.* Основные требования к фиксации и публикации керамических клейм // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб., 1999. 14. *Ковальчук А.В., Крайнева А.А., Сударев Н.И., Чевелев О.Д.* Раскопки западного некрополя Гермонассы в 2008 г. // ΣΥΜΒΟΛΑ. – 2010. – Вып. 1. 15. *Кондрашов А.В.* Новые исследования у мыса Тузла на Таманском полуострове // ΣΥΜΒΟΛΑ. – 2010. – Вып. 1. 16. *Кузнецова Е.В.* Методика изучения античной торговли (на примере керамического комплекса Фанагорийского городища) // Antiquitas iuventae. – Саратов, 2005. 17. *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М. Саратов, 2003. 18. *Сидорова А.Н.* Керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1965–1985 гг. (кроме аттической чернофигурной) // Археология и искусство Боспора. – Вып. 9. – 1992. 19. *Сидорова А.Н.* Чернофигурная керамика из Пантикапея. Раскопки 1969–1984 гг. // Археология и искусство Боспора. 1992. – Вып. 9. 20. *Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея. – МИА, 1959. – № 69. 21. *Соловьев С.Л.* Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. – СПб., 2003. 22. *Сорокина Н.П.* Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 гг. // КСИА. 1961. – Вып. 63. 23. *Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. – М., 1957. 24. *Тункина И.В.* Зарождение керамической эпиграфики в России // АМА. – 1990. – Вып. 8. 25. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманской полуострове в 1911 г. // ИАК. – 1914. – Вып. 56.

Надійшла до редколегії 13.03.12

Г. Вертієнко, канд. іст. наук
(м. Київ, Україна)

СКІФСЬКА "НОВОРІЧНА МІСТЕРІЯ" ТА ЇЇ ПІЗНІ РЕМІНІСЦЕНЦІЇ

В статті надано коментар до фрагменту Herod., Hist., IV, 7, в якому надано опис скіфського щорічного релігійного свята. Наведені паралелі до нього з осетинської етнографічної традиції, пов'язаної з новорічним обрядом куырысдзау.

The article presents a comment to the fragment of Herod., Hist., IV, 7 with the description of the Scythian annual religious festival. The parallels to it from the Ossetian ethnographic tradition associated with New Year's custom куырысдзау are given.

В статті ми хочемо звернути увагу на один дискусійний пасаж в IV книзі "Історій" Геродота, де йдеться про шанування та оберігання священного золота скіфськими царями (*Herod.*, Hist., IV, 7).

VII, 1. […] Те *священне золото* пильно оберігають їхні царі і дуже шанують його і *щороку*, приносячи йому щедрі жертви, *просять його захистити* їх. (2) Проте коли хтось із сторожів цього золота *під час свята, будучи просто неба, засне*, скіфи кажуть, що він не проживе до кінця року. І через це як нагороду йому дають стільки землі, скільки він *за один день може об'їхати верхи*. Оскільки їхня країна дуже велика, Колаксай, як кажуть, поділив її на три царства для своїх дітей і одне з них зробив дуже великим, саме те, в якому *зберігається золото*. (3) *В краях*, розташованих вище *на півночі* від останніх мешканців країни, сиплеться пір'я і не можливо нічого ні бачити, ні йти далі, бо і земля тим і повітря наповнені пір'ям і воно заважає щось бачити" (курсив наш – Г.В.) (переклад за А.О. Білецьким) [10, с. 181]).

Власне певний стиль подання інформації в фольклорному дусі та специфіка джерел, якими користувався Геродот, не заперечує розгляд даної розповіді через "фольклорний фільтр" та пошуку її пізніх етнографічних паралелей у інших іраномовних народів. Стійка індоіранська традиція святкування весняного рівнодення, що супроводжується коронацією та демонстрацією символу трьох соціальних груп, навряд чи мала обминути скіфів. Наявність цієї щорічної ритуальної містерії, пов'язаною з сонячним циклом, в їх середовищі може опосередковано вказувати на існування в них міфу, що присвячений легендарному царю "золотого віку", так би мовити, скіфському Йімі. Бо саме на честь Йіми (Джамшида за "Шагнаме") було започатковано святкування іранського Ноуруза (нового року).

В питанні про скіфське щорічне свято між дослідниками є певні розбіжності як з приводу семантики свята, так і його етнічних витоків. Одні дослідники пов'язують його із землеробським населенням Скіфії, а сутність його вбачають в аграрній магії (М.І. Артамонов, Б.О. Рибаков, В.П. Андрієнко, Л.О. Чібіров та ін.). А.М. Хазанов і Д.С. Раєвський, вбачають в цьому святі традиції кочових царських скіфів, що символізували освячення верховної влади. Ще одна група фахівців намагається поєднати елементи двох попередніх і нівелювати існуючи між ними протиріччя (Л.А. Лєлєков, І. Маразов, С.С. Безсонова, В.Я. Петрухін, Д.М. Дудко) (докладніше див.: [8. с. 111–117]).

Нещодавно коментуючи IV книгу "Історій" Геродота А. Корчелла висловив думку, що нагляд за "золотом" є своєрідним іспитом магічної спроможності царів-жерців захищати суспільство [1, p. 577]. Аналогію цьому він вбачає в осетинській оповіді про "Яблуню нартів", де фігурує мотив утримання від сну під час нічної варти біля священного дерева [23, с. 16–17; 2, p. 24–26; 22, с. 7; 11, с. 75–76; 1, p. 577] Погляд С.С. Безсонової, щодо безсонної ночі біля святині як на ритуал, що відіграє роль випробування, а сон – як порушення табу, яке призводить до смерті виглядає більш ніж імовірним [Бессонова 1983, *69*], де сутність ритуалу, на її думку, полягає "в імітації долі першого царя, який отримав дар богів і поплатився за це життям", а причина небагатослівності Геродота стосовно цього свята полягає в певній утаємниченості та його табуюванні [6, с. 22].

При з'ясуванні сутності скіфського обряду фатальної для обранця ритуальної ночівлі біля священного золота, слід звернути увагу на останнє речення даного пасажу, в якому йдеться про віддалені північні краї, де "за пір'ям, яке падає з неба, нічого не видно" [*Herod.*, Hist., IV, 7,*3* (пор.: IV, 27–32)]. Ймовірно, що ці землі слід ототожнювати з північною "країною Птерофор", яка розташована між землями грифів та Ріпейськими горами [*Mela*, II, 2; *Plin*., NH, IV, 25 § 74, 88–90]). Здається, цей опис повинен мати відношення до викладеного сюжету про скіфську "містерію" та, на перший погляд, цей зв'язок виглядає дещо ефемерним.

На нашу думку, щодо скіфського щорічного свята можна навести одну важливу паралель поміж осетинських новорічних звичаїв, яка залишилась в цьому аспекті поза увагою дослідників, а саме повір'я про *куырысдзау*, в якому присутній набір схожих елементів: проведення напередодні Нового року, ритуальний сон, загадкова північна країна, мотив отримання "дарів". Святкові урочистості пов'язується зі загадковою областю Курис (*Куырис*) (у осетин-дігорців – Бурку), куди напередодні Нового року здійснюють подорож душі людей, які *заснули* [9, с. 26–27; 21, с. 270–271; 14, с. 31–33; 26, с. 378–282]. В уявленнях про Курис, як вважається, віддзеркалюється індоіранська міфо-географічна концепція про північну локалізацію потойбічного світу [14, с. 30–39; 15; 7, с. 36–39], В.Ф. Міллер надає наступний опис: "Час святок вважається у осетин… часом потаємним. До нього приурочують культ домового й нічну мандрівку знахарів в потаєну країну Бурку чи, у іронів, Курис. Під середу, яка приходиться між Різдвом й Новим роком, іроні справляють, за словами Гатієва, свято *дуўäі астäу* (*дуаі-астдау* [9, с. 27] – Г.В.) – "*серед двох*", що присвячене не Богу, а *бунатухцäу*… (за Б. Гатієвим – "гнівливий демон" [9, с. 27] – Г.В.) Господар повідомляє, що жертва прийнята; тому він промовляє*: фäлдістäн дін фäлдіст фäўäд, кувдäн дін кувд*, тобто, "як посвячення тобі присвячено, і як *кувд* тобі (зроблений) *кувд*!" [21, с. 269–270]. При цьому, В.Ф. Міллер відзначає, що термін "посвячення" *фäлдіст* вживається тільки відносно мертвих [21, с. 270, прим.*]. Отже, дійство жертвоприношення *дуўäі астäу*, яке передує *куырысдзау*, і включає закопування частини м'яса жертовного ягняти в яму і звернення до світу померлих, присвячено мешканцям уявного потойбічного світу.

Подальший опис передноворічних звичаїв безпосередньо переходить до Курису (/ Бурку): "У осетин існує повір'я, що душі деяких людей під час їхнього сну полишають тіло й здійснюють подорож до таємничої області, з якої привозять щастя, врожай та хвороби, особливо *кашляння*. Назва місцини й подробиці щодо нічних мандрівок мають різні топографічні визначення. У дігорців, за словами п. Туккаєва, область ця

© Вертієнко Г., 2012

називається Бурку. Люди, які подорожували туди під Новий рік, так звані *буркуд3äутä*, сідають на кращих… коней, які після поїздки проймаються кашлянням, чи на людей, під час їх сну, які внаслідок хворіють… В місцевості Бурку знаходиться сховище усіляких речей, заради яких і здійснюється подорож… Недосвідчені *буркуд3äутä*… привозять додому усілякі хвороби, особливо кашляння; досвідчені ж захоплюють такі речі, що за їх сприяння в аулі відбувається врожай хлібів, добрий приплід худоби тощо" [21, с. 270–271].

Ю. Клапрот (1807–1808) доповнює наведений опис важливими деталями, що у осетин були особливі старці (вони називались *курисмœ цок*), які під вечір Нового року впадали в екстаз і залишались лежати ніби то в стані сну. Обраний *куырысдзау* лягав спати відразу після заходу сонця. Доки він спав його душа, мовби покидала тіло й мандрувала до невідомої луки [26, с. 378]. Також і В.Ф. Міллер повідомляє, що інформатор "Гатієв називає *Курс* лугом, на якому зростає Сім'я різних земних утворювань, а також щастя й нещастя. Він є власністю померлих…" [21, с. 271; 9, с. 26, прим.*]. Показовою є і тотожність уявлень про Курис, як зелений луг, що співвідноситься з індоєвропейською (в т.ч., індоіранською) традицією, яка змальовує країну мертвих як пасовисько чи луку (хет. *ţellu-*, санскр. *gávyūti-*, дав.-гр. λειμών) [16, с. 823–824]. Не викликає сумніву, що опис країни Бурку / Курис співвідноситься з індоіранським концептом блаженної країни (луки / острову) померлих на далекій півночі (від цього застудні захворювання частини тих, хто здійснював цю подорож) [14]. До того ж, І. Гершевіч довів, що осетинський термін *куырыс* пов'язаний з іранськими (зороастрійськими) уявленнями і походить від авест. *kaoiris* – назви гори, яка розташована в міфічній країні Йіми Еранвежі [3, p. 485], де "дев'ять місяців зима, а два – літо, але й літом там "холодна вода, холодна зима…" (MX, 48). Таким чином, "іранське походження цього елементу релігійних уявлень осетин" є більш ніж імовірним [26, с. 37, прим.*].

Отже, в *куырысдзау* брали участь особливі обранці, яких Дж. Шанаєв характеризує як *дасните* – знахарів та віщунів, для яких відоме майбутнє [28, с. 28, прим.*; 26, с. 378]. Характер дій куырысдзау, як вже відзначалось дослідниками, зокрема, Е. Бенвеністом [5, с. 148] та С.О. Яценком [30, с. 74–75], має виразні шаманські ремінісценції, з яких дуже показовим є ритуальний сон (як тимчасова смерть), "політ душі" і здобуття культурних благ [7, с. 94–102; 14, с. 34; 13, с. 75–88]. Це свідчить про архаїчність цих уявлень, які сягають загальноарійської епохи. Як відомо, в сасанідський час зороастрійські жерці (Кердір [20, с. 29, 185, прим. 12–15], Арда-Віраз [24, с. 96–130]) під час своїх релігійних обрядів здійснювали "польоти душі" за "знаннями" до іншого світу, на далеку північ [7, с. 152] (втім, ці "польоти" мали і виразну політико-ідеологічну мету – укріплення зороастрійської віри [7, с. 149–153]). "Польоти" були також в ритуальній практиці давньоіндійських муні та ріші [7, с. 94–98]. Водночас, ця уявна північна країна була добре відома і античним авторам, як країна безсмертних гіпербореїв, що локалізувалася за Ріпейськими горами. ЇЇ згадують зокрема Гомер, Гесіод, Арістей з Проконнеса, Алкман, Гекатей Мілетський, Геродот, Есхіл, Піндар, Софокл, Гелланік Митиленський, Гіппократ, логограф Дамаск, Аристотель, Помпей Трог, Помпоній Мела, Гай Пліній Секунд, Солін, Ктесій Кнідський та ін. [4; 12; 7, с. 26–37, 47, 49–50, 68–78]. Цікаво, що одному з напівміфічних еллінських авторів, Арістею з Проконнеса, який залишив опис земель північніше Скіфії в поемі "Арімаспея" і, як вважається, досяг землі ісседонів [18, с. 67–93; 17, с. 29–48], антична традиція приписувала надлюдські здібності з шаманськими ознаками, зокрема, можливість здійснювати "подорожі-польоти" під час сну в країну гіпербореїв [7, с. 98–102].

Мета нічної мандрівки осетинських *куырысдзау* до Курису є досить показовою – вони повинні здобути насіння рослин (або сніп) і визначити долю наступного господарського року, а також і долю людей, тобто, – *отримати Знання*. При цьому, померлі чинять їм перешкоди і намагаються запобігти викраденню насіння, стріляючи в них з луків, від чого *куырысдзау* може і загинути [26, с. 379]. За етнографічними даними З.Д. Гаглоєвої, бій йшов за допомогою якоїсь круглої за формою зброї, при цьому, той з *куырысдзау*, хто отримував удар нею нижче пояса обов'язково помирав наступного року, а той хто був вражений вище – хворів (цит. за: [26, с. 378–379]).

Тут варто згадати, що в скіфській міфологічній моделі світобудови, яку частково зберегли античні автори, північні землі потойбічного світу, що розляглись на узгір'ях Ріпеєв поруч з країною блаженних (Гіпербореєю), населені ворожими істотами, зокрема, арімаспами і грифами (/ грифонами), останні з яких мають виразні ознаки функції охоронців певних благ або знань (Χρυσοφυλακας Γρυπες – "грифи, що охороняють золото"), що співвідноситься з образами індійських демонічних істот, вартових іншого світу – пішачі, вріддхікі та ракшаси [7, с. 49]. Було висунуте припущення, що сцени грифономахії на скіфських поховальних пам'ятках, можуть відображати ідею про долю душі, що зустрічає різноманітні перепони на шляху до царства мертвих [7, с. 84]. Тут можна згадати, і те, що єдиним смертним, що за грецькою міфологією зміг досягти країни гіпербореїв був герой Персей, який перед цим переміг і вбив Горгону [7, с. 71–72], про що повідомляє Піндар (VI–V ст. до н.е.) у X Піфійській пісні "Персей Гіперборейський" *стк. 30–43*:

"…не може знайти чудової дороги до жител гіпербореїв. .. Персей розділив з ними свято, коли прийшов до їх житла… Це святе плем'я не знає ані хвороб, ані слабкості віку; живе воно далеко від тяжкої праці і битв…проник сюди і вбив Горгону…" [25, с. 109–110; 19, с. 310 (58)].

В.Ф. Міллер відзначає: "з'явившись на Курисі, досвідчені душі, набравши жмені дивного насіння, летять назад додому. Недосвідчені ж, відчувши запах різноманітних квітів та плодів, накидаються на них; одна душа зриває червону троянду, що містить в собі хворобу *кашляння*, друга – білу троянду, що має в собі *нежить*, третя – велике червоне яблуко, яке сприяє *лихоманці* тощо. Між тим, померлі кидаються в гонитву за *курсд3äутä* й пускають в них стріли. Відбиватися від померлих вважається ганебним; тому деякі душі отримують рани, схожі на чорні плями. Засобів вилікувати від таких ран нема: іноді болячка проходить сама по собі, іноді ж поранений, прокинувшись аж на другий день, починає стогнати й після довгих страждань вмирає… Дж. Шанаєв позначає людей, які нібито здійснювали нічні злети, як тих, *що йшли за снопом* ([28, с. 27–28] – Г.В.); відповідно він вважає за більш вірну форму курїс – сніп, аніж курс, яку Гатієв вважає назвою луки... Т. Хетагуров вказав на форму курс, а не курїс. Неможна не помітити, що курїсмä цäун – йти за снопом – узгоджується з тим, що за словами Шанаєва, метою нічної поїздки є придбання жмені хлібних зерен, що дають врожай наступного року" [21, с. 271–272]. Також і М.М. Ковалевський (1886) зазначає, що "луг цей ретельно оберігався померлими; тільки заслужені перед ними душі безпечно можуть повернутись додому, взявши з собою потрібне їм число насіння – запоруку чудового вражаю й добробуту впродовж наступного

року" (цит. за [26, с. 379]). З ранку Нового року *куырысдзау* оголошував всьому селищу про результат своєї нічної подорожі до Курису, що, зазвичай, виглядало як: "Односельці, не хвилюйтесь, і колосся, і соломинка – викрадені мною" [26, с. 379]. Цим гарантувалось процвітання селища на цілий рік. З подібними уявленнями також консонується оповідь Геродота про "священні дари, загорнуті в пшеничну солому", які були перенесені Гіперохою та Лаодікою з Гіпербореї до Скіфії й далі до її сусідів [*Herod.*, Hist., IV, 33]. Є підстави дійти думки, що скіфське "новорічна містерія" містило елемент контакту "царя-жерця" з потойбічним світом у формі ритуального сну.

З іншого боку, в іранській міфологічній традиції існує уявлення про світове Дерево всього насіння (пехл. *wan ī harwisp* / *was tōhmag*), з яким асоціюються також Дерево всецілюще (авест. *vīspšpō.biš-*, пехл. *wan ī jud-bēš* / *wan ī hamāg-bizišk*) і Дерево життя (пехл. *wan ī gyān*) [27 с. 97–98]. Це дерево, нібито, росте в іншому світі посеред моря Фрахвкард і є уособленням життя (зцілення) і родючості, а в його насінні містяться всі рослини землі [*Бундахішн*, 2, 38–39, 60]. На верхівці цього дерева мешкає міфічний птах Сенмурв [26, с. 98]. Воно співвідноситься з осетинським чарівним *Аза*-деревом, листя котрого мають цілющі властивості й яке росте в Країні мертвих [29, с. 12; 22, с. 151–155].

Таким чином, порівняння деяких особливостей скіфської "новорічної містерії" з осетинським обрядом *куырысдзау* виявляє між ними спільні збіги, як часового, дієвого, сюжетного так і функціонально-атрубитивного характеру: дійство має місце під Новий рік; одним з елементів є ритуальний сон одного чи кількох компетентних обранців; під час ритуального сну "душа подорожує" за "священними дарами"; згадується можливість смерті цього ритуального обранця впродовж року; дійство повинне забезпечити добробут соціуму наступного року; місцем, куди "відлітає душа" під час сну в осетинській традиції, є загадкова блаженна країна мертвих на далекій півночі (*Куырыс*), і котрій, можливо, відповідає "дивна" згадка Геродотом, в контексті розповіді про скіфське свято, країв, де постійно сніжить.

1. *Asheri D., Lloyd A., Corcella A.* Commentary on Herodotus Books I–IV. – Oxford, 2007. 2. *Dumézil G.* Le Livre des Héros. Légendes sur les Nartes. – Paris, 1965. 3. *Gershevitch I.* Word and Spirit in Ossetic // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – Vol. 17. – №3.– University of London. 1955. 4. *Античная география:* Книга для чтения: пер. с др.-гр.; сост. М.С. Боднарский. – М., 1953. 5. *Бенвенист Э.* Очерки по осетинскому языку: пер. с фр. – М., 1965. 6. *Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. К., 1983. 7. *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. Древние Арии: мифы и история. – 3-е изд. – СПб., 2001. 8. *Вертієнко Г.В.* Скіфське щорічне óртη (*Herod.*, Hist., IV, 7,2) і осетинське повір'я про *куырысдзау* // Орієнтальні студії в Україні. До ювілею Л.В. Матвєєвої. – К., 2010. 9. *Гатиев Б.* Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. IX. – Тифлис, 1876. 10. *Геродот.* Історії в дев'яти книгах: пер. з давньогрец. А.О. Білецького. – К., 1993. 11. *Дзиццойты Ю.А.* Нартовский эпос и Амираниани. – Цхинвал, 2003. 12. *Ельницкий ЛА.* Знания древних о северных странах. – М., 1961. 13. *Запорожченко А.В.* Шаманские реминисценции в духовной культуре индоиранцев. – Новосибирск, 2007. 14. *Иванеско А.Е.* Нартовский эпос и скифская мифогеографическая традиция // Донская археология. – №2. – 1999. 15. *Иванеско А.Е.* Историческая информативность осетинского нартовского эпоса (скифо-сарматский период). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Ростов, 2000. 16. *Иванов В.В., Гамкрелидзе Т.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Ч.I–II. – Тбилиси, 1984. 17. *Иванчик А.И.* О датировке поэмы "Аримаспея" Аристея Проконнесского // ВДИ. – №2.– 1989. 18. *Куклина И.В.* Этногеография Скифии по античным источникам. – М., 1985. 19. *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. – №1. – 1947. 20. *Мейтарчиян М.* Погребальные обряды зороастрийцев. – М.-СПб., 2001. 21. *Миллер Вс.Ф.* Осетинские этюды. Ч. II. / Ученые Записки Имп. Московского Университета: Отдел Историко-филологический. – Вып. 2. – М., 1882. 22. *Нарты. Осетинский героический эпос* / сост. Т.А. Хамицаева, А.Х. Бязыров; вступл. В.И. Абаев. – Кн.2. – М., 1989. 23. *Осетинские нартские сказания*: пер. Ю. Либединского. – М., 1949. 24. *Пехлевийская Божественная комедия.* Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты: пер. с пехлеви О.М. Чунаковой. – СПб., 2001. 35. *Пиндар, Вакхилид.* Оды, Фрагменты: пер. с др.-греч. – М., 1980. 36. *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин. – М., 2008. 37. *Чунакова О.М.* Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифических символов. – М., 2004. 38. *Шанаев Дж.* Осетинские народные сказания // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. III. – Тифлис, 1870. 39. *Этнография и мифология осетин.* Краткий словарь / Сост. А.Б. Дзадзиев, Х.В. Дзуцев, С.М. Караев. – Владикавказ, 1994. 40. *Яценко С.А.* О шаманстве у алано-осетин // Кавказ и кочевой мир Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. – Ставрополь, 2001.

Надійшла до редколегії 13.03.12

В. Гончаров, канд. ист. наук
(г. Воронеж, Россия)

SODALES И SODALITAS В "ИСТОРИИ" ТИТА ЛИВИЯ

В статье делается предположение о том, что под термином sodalitas в "Истории" Ливия понималось юношеское воинское объединение, возможно – инициационного характера

The author of the article suggests that the term sodalitas in Livy's History meant a military society of youths, probably – that of initiatory nature

Термин sodales/sodalitas встречается в античной письменной традиции и эпиграфических источниках не очень часто, однако, судя по имеющимся у нас сообщениям древних авторов, в историческую эпоху он имел довольно широкое значение: за ним могла скрываться и ремесленная корпорация, и жреческая коллегия (sodales Titii у Варрона – De l.L. V.85), и культовое сообщество, и "обеденный клуб", и просто группа людей, "идущих вместе за добычей" (Dig. 47.22.4; Fest. 382 L). Столь же широкий диапазон толкований рассматриваемого термина мы встречаем и в трудах современных исследователей. Так, Г. Виссова считал, что sodalitates представляли собой прежде всего сакральные сообщества [7, S. 481, 558], А.И. Немировский считал их религиозными и политическими объединениями людей, зависимых от знати [11, С. 48], Ф. Серрао также увязывал анализируемые сообщества с ремесленными коллегиями, учрежденными Нумой Помпилием, и с институтом клиентелы [5, P. 40; 6, P. 116], Л.Л. Кофанов, следуя комментарию Гая к "Законам двенадцати таблиц", толкует sodalitates очень широко – как "самые разнообразные формы объединений людей", от пагов и курий до воинов, участвующих в общем походе [10, С. 19-21].

По нашему же мнению, на древнейших этапах истории Древнего Рима и Италии рассматриваемым словом также могли обозначать объединения, подобные юношеским инициационным братствам. В пользу этого, в частности, говорит замечание Гая, который в уже упомянутом комментарии к "Законам двенадцати таблиц" сравнил римское sodalitas ("товарищество") с греческой гетерией (Dig. 47.22.4). А последняя – как убедительно показал Ю.В. Андреев – первоначально представляла собой "группу (союз) сверстников, принадлежащих к одной и той же фратрии" [8, С. 105], т.е. к организации, в руках которой по сути дела были сосредоточены посвятительные обряды (в частности, "инициационное"

© Гончаров В., 2012

празднество Апатурий было в первую очередь празднеством фратрий).

Впрочем, еще более существенные (хотя и косвенные) свидетельства того, что на ранних этапах римской истории sodalitates являлись именно юношескими сообществами, мы находим в "Истории" Тита Ливия. На эти свидетельства нам и хотелось бы обратить основное внимание. Вообще в "Истории" Ливия слова sodales ("товарищи") и sodalitas ("товарищество") употребляются лишь четыре раза и все четыре раза – применительно к людям молодого возраста и их объединениям. Так, во второй книге историк упоминает юношей, которые являлись "сверстниками и товарищами" сыновей последнего римского царя – Тарквиния Гордого (II.3.2), а также молодых участников похода трехсот представителей рода Фабиев на этрусков (II.49.5), в третьей – "молодежь" из "окружения" юного патрицианского деятеля Тита Квинкция Цезона (III.14.2) и, наконец, в сороковой – "товарищей" сыновей македонского царя Филиппа, находившихся "в цвету юности" (XL.7.1).

На каждом из этих случаев хотелось бы остановиться немного подробнее, так как все они демонстрируют определенное сходство рассматриваемых нами "товариществ" с инициационными братствами первобытных племен. Что касается товарищей "молодых Тарквиниев" – с точки зрения современного человека, они поступают несколько странно: будучи ближайшими родственниками первых консулов Рима – Луция Юния Брута и Луция Тарквиния Коллатина (Согласно Дионисию Галикарнасскому, юноши были сыновьями и братьями жены Брута и племянниками Коллатина (A.R. V.6.4).), видных борцов против тирании Тарквиния Гордого, они после изгнания последнего вступают в сговор о том, "чтобы ночью тайком впустить в город царскую семью" (II.3.5) (Перевод Н.А.Поздняковой.). Что побудило их поступить так? Как предполагает А.В. Коптев – "обычай товарищеской солидарности" [9, С. 56], что вполне соответствует поведению членов вышеупомянутых инициационных братств.

Далее – "товарищи" Фабиев и Квинкция Цезона. Что любопытно – и Фабии, и Квинкции в исторический период были весьма тесно связаны с празднеством Луперкалий, демонстрирующим немало "инициационных" черт. Более того, очень многие современные исследователи полагают, что упомянутое празднество вообще организовывалось исключительно силами этих двух патрицианских родов, с которыми были связаны названия двух структурных подразделений сакрального сообщества луперков (так называемые "Фабианские" и "Квинтилианские" луперки) [См. например: 4, S. 111; 343; 2, S. 131; 422; 12, С. 59; 7, S.404; 1, P.582; 3], которое Цицерон, кстати, также именует sodalitas (Cael. XI.26) .

Что касается Фабиев, то даже в довольно кратком и сухом рассказе Ливия об их участии в роковой битве при Кремере можно найти целый ряд указаний на то, что во время рассматриваемого похода они выступали по сути дела в качестве воинского сообщества, очень сходного с юношескими инициационными объединениями. Во-первых, они осуществляют стремительные грабительские набеги на земли противника, в первую очередь связанные с захватом скота и разорением "сельской округи" – точно так же, как это делали юноши, входившие в состав воинских братств у первобытных племен (II.50.1). Во-вторых, Фабии проявляют "самонадеянность" и "презрение к врагу" (II.50.5), что вполне можно сравнить с воинским неистовством берсерков – особенно если учесть описание битвы при Кремере у Овидия и Дионисия Галикарнасского, которые прямо говорят о "безумстве" римских воинов и сравнивают их дикими зверями (Ovid. Fast. II.224; Dion. Hal. A.R. IX.21.4). В-третьих, количество погибших Фабиев (у Ливия – 306) также наводит на мысли о юношеских воинских сообществах, фигурирующих в легендарной традиции многих народов мира – от Ближнего Востока до Шотландии. Достойны упоминания в этом смысле и "триста лучших римских юношей", которые, по словам Муция Сцеволы, поклялись преследовать Порсенну (Liv. II.12.15).

Далее, обратим внимание на образ Тита Квинкция Цезона. Прежде всего, у Ливия он показан как "статный юноша", отличающийся не только храбростью и силой, но и заносчивостью, опрометчивостью, горячностью и дерзостью (III.11.6; 9-10; 12.7) – то есть именно теми качествами, которыми чаще всего отличались жившие в "дикости" молодые воины. Кроме того – что еще более интересно – Квинкций Цезон, по словам историка, не только доблестно бросался в схватку с неприятелем "уже в самом начале своей воинской службы" (III.12.3) (Перевод Г.Ч.Гусейнова.), но и возглавлял некую "шайку бесчинствующих юнцов", которая вступала в ссоры и драки со своими же согражданами (прежде всего – плебеями) (III.13.2-3), что опять же напоминает поведение "лесных братьев". Наконец, рассматриваемый персонаж носил имя "Цезон", возможно, происходящее от слова caedere ("ударять") и соответственно лишний раз указывающее на его связь с празднеством Луперкалий, важным элементом которого было стегание людей ремнями из шкур жертвенных животных.

Возвращаясь же собственно к sodales Фабиев и Тита Квинкция, отметим, что они в первом случае пошли вместе со своими соратниками на кровавую битву, а во втором – после изгнания своего "товарища" из Рима продолжили его борьбу против плебеев, "равно увенчанные славой и ненавистью" (III.14.4), то есть опять же, видимо, поступили в соответствии с уже упомянутым "обычаем товарищеской солидарности".

Наконец, "товарищи" Персея и Деметрия, сыновей македонского царя, в рассказе Ливия устраивают "потешное сражение" (XL.6.6), победителем в котором выходит младший брат, после чего устраивается пышное пиршество с обильными возлияниями, что очень напоминает ритуальные состязания и трапезы, которые являлись неотъемлемой частью инициационных обрядов у многих архаических народов.

1. *Dumézil G.* La religion romaine archaïque. – Paris, 1974. 2. *Marquardt J.* Römische Staatsverwaltung. – Band 3. – Leipzig, 1878. 3. *Porte D.* Les donneurs de sacré. La prêtre à Rome. – Paris, 1989. 4. *Preller L.* Römische Mythologie. – Berlin, 1865. 5. *Serrao F.* Individuo, famiglia e societa nell'epoca decemvirale // Societa e diritto nell'epoca decemvirale: Atti del Convegno di diritto romano. Copanello 3-7 giugno 1984. – Napoli, 1988. 6. *Serrao F.* Interventi // Societa e diritto nell'epoca decemvirale: Atti del convegno di diritto romano. Copanello 3-7 giugno 1984. – Napoli, 1988. 7. *Wissowa G.* Religion und Kultus der Römer. – München, 1912. 8. *Андреев Ю.В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). – СПб., 2004. 9. *Коптев А.В.* От praepositus celerum к magister equitum: Целер, Брут и проблема наследования царской власти в архаическом Риме // Античность и Средневековье Европы. – Пермь, 1996. 10. *Кофанов Л.Л.* Законы XII таблиц и проблема sodales // Античность Европы. – Пермь, 1992. 11. *Немировский А.И.* Надпись из Сатрика – опорный пункт раннеримской истории // Вестник древней истории. – № 1. – М., 1983. 12. *Нетушил И.В.* Луперк, луперки, луперкалии // Филологическое обозрение. – Т. III. – 1892–1893.

Надійшла до редколегії 13.03.12

Е. Данилов, канд. ист. наук, ассист.
(г. Ярославль, Россия)
О. Цымбал, магистр
(г. Ярославль, Россия)

ПОЛИСНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ТРАКТАТЕ КСЕНОФОНТА "О ДОХОДАХ"

Статья посвящена анализу концепции полисной безопасности, изложенной в трактате Ксенофонта "О доходах". Авторы статьи полагают, что данную трактовку безопасности следует рассматривать в контексте социально-политической обстановки в Афинах IV в. до н.э.

The article is devoted to analyze of conception of state security proposed in Xenophon's treaty "Ways and Means". The authors of the article suggest that this interpretation of security should be considered in the context of social and political situation in Athens in the 4th century B.C.

Трактат Ксенофонта "О доходах" (Πόροι) нередко привлекал внимание исследователей тем, что многие идеи этого произведения не вписывались в контекст политических и философских воззрений историка, известных нам по другим его сочинениям. В частности, призыв Ксенофонта к развитию торговли и ремесла и привлечению метеков в полис, трактуемый как проявление симпатии к демократии, противоречит представлению о Ксенофонте как о стороннике олигархии. Эти несоответствия позволяли исследователям поставить под сомнение вопрос о принадлежности этого трактата данному автору [6, с. 205; 9, s. 292-293]. Впрочем, большинство историков склонны полагать, что сочинение "О доходах" действительно было написано Ксенофонтом в 355 г. до н.э., в самом конце его жизни [6, с. 204-205; 7, с. 199-200].

Не менее необычной для Ксенофонта является изложенная в этом сочинении трактовка полисной безопасности. В трактате проводится мысль о необходимости мира и развитии торговли и ремесла как важнейших условий процветания полиса. Однако она не находит отражения в более ранних трудах афинского писателя. Ксенофонт, военный теоретик и стратег, традиционно видел источник безопасности в развитии вооруженных сил.

В более ранних произведениях Ксенофонта безопасность трактуется, в некотором роде, как одна из категорий полководческого искусства. Настоящий стратег, по мнению древнегреческого историка, должен руководствоваться рядом принципов, связанных с охраной чужой жизни: заботиться о здоровье воинов (*Xen*. Ages. II. 8), гуманно обращаться с пленными (*Xen*. Ages. I. 21), проявлять осторожность в бою (*Xen*. Ages. II. 12, VI. 13; Hell. IV. 3. 19) [2, с. 254-257; 3, с. 50-59; 10, p. 33-66]. Ключевая задача лидера – бдительно охранять безопасность стратиотов (*Xen*. An. V. 7. 10), и личная безопасность полководца имеет смысл лишь в том случае, если она не противоречит чести и справедливости (*Xen*. Ages. I. 36). Для военачальника нет охраны надежнее, чем собственная высокая доблесть (*Xen*. Cyr. VII. 5. 84; An. III. 2. 11). Лучший военачальник тот, кто сумеет внушить подчиненным идти за ним на любую опасность (*Xen*. Oec. XXI. 7; Cyr. III. 3. 51). Соответственно, только о своей безопасности заботятся плохие, варварские полководцы (*Xen*. An. I. 8. 22).

Тема личной безопасности, но уже не полководца, а тирана, прослеживается в диалоге Ксенофонта "Гиерон". По мнению автора, существование тирана небезопасно, он проводит свою жизнь в постоянном страхе (*Xen*. Hier. I. 12; II. 9-10; VI. 6). Выход – добиться любви и поддержки сограждан за счет широкого расходования средств на общественные нужды (*Xen*. Hier. XI. 1). Тогда тиран обретет преданных друзей (*Xen*. Hier. XI. 12) и желанную безопасность (*Xen*. Hier. XI. 10). Иначе говоря, тирания может быть справедливой формой правления, если тиран учитывает интересы определенного круга лиц, пользующихся преимуществами указанного строя (*Xen*. Hell. II. 4. 9; ср. *Pl*. Leg. 710; *Arist*. Pol. 1314a40-1315b10).

По мнению Ксенофонта, изначально любой государственный строй направлен на обеспечение общественной безопасности (*Xen*. Mem. II. 1. 15). Повиновение законам и участие граждан в защите государства от всех опасностей есть первые признаки справедливого правления (*Xen*. Oec. IV. 19). Следовательно, патриот – это честолюбивый гражданин, который трудится ради уважения, подвергается опасностям ради своей общины, проявляет послушание и стойкость (*Xen*. Oec. XIV. 10; Symp. VIII. 32; Cyr. I. 2. 1, III. 3. 8).

Воспитание нравственности укрепляет государственную безопасность (*Xen*. Cyr. I. 2. 9). Ведь порочный человек не способен совершать доблестные и благородные дела, а именно они чаще всего сопряжены с трудами и опасностями (*Xen*. Cyr. II. 2. 23). Обрекать себя на крайнюю опасность можно ради общего спасения и свободы (*Xen*. Hell. II. 4. 20). Государства афинян и лакедемонян достигали наибольшего успеха в пору борьбы за общеэллинское благоденствие (*Xen*. Hell. II. 2. 20; V. 1. 16).

В трактате "О доходах" Ксенофонт делает акцент на иных источниках полисной безопасности. Во-первых, это справедливое отношение к союзникам и поддержание мира (*Xen.* Vect. 1, 5), а во-вторых, развитие торговли и ремесла, способствующее обогащению и процветанию государства (*Xen.* Vect. 2-4). Эти две идеи, совершенно не характерные для более ранних сочинений Ксенофонта, тем не менее, были довольно распространены в политико-философской мысли IV в. до н.э.

Рассуждения Ксенофонта о справедливости близки по своей идейной направленности к размышлениям афинских ораторов о благочестии и мире. Ксенофонт полагает, что справедливо в обеспечении потребностей полиса полагаться на собственные ресурсы, а не на "помощь" союзников (*Xen.* Vect. 1). Мир и дружелюбное отношение к эллинам способствуют обогащению государства, в то время как из-за войны казна полиса только иссякает. Государство, поддерживающее мир с соседями, скорее сможет ответить обидчику, т.к. враг в этом случае не сможет найти союзников (*Xen*. Vect. 5).

Для Демосфена полисная безопасность была неотделима от справедливости (*Dem*. Or. XVI. 10; XIX. 152; XXI. 70; XXIII. 3; XXV. 35) [1, с. 14-16]. По Гипериду следование законам и справедливости обуславливает внутреннюю безопасность (*Hyp*. Eux. 36; Demo. XXXIX; Epit. 25). Эсхин также придерживался общего мнения, что законы полиса должны устанавливаться в полном соответствии со справедливостью (*Aeschin*. In Tim. 178). С требованиями благочестия и справедливости должны соотноситься все внешнеполитические акции государства (*Aeschin*. De falsa leg. 117). Демократия должна избегать долгих и изматывающих войн, так как в них заключена опасность для власти народа (*Aeschin*. De falsa leg. 177). В борьбе за мир достигается безопасность (*Aeschin*. De falsa leg. 183). По мнению Исократа, нравст-

© Данилов Е., Цымбал О., 2012

венная составляющая важнее для общественного блага, чем попечение о военном деле. Граждане должны не пренебрегать добродетелями (I. 9), не искать спасения в ущерб доброй славе и хорошему имени (I. 43; II. 36; VIII. 135; XIV. 39; XV. 60). Наиболее ценными из человеческих и государственных добродетелей являются справедливость и воздержанность (III. 29, 44; VIII. 63, 119-120; XII. 204). Живущие в благочестии и справедливости чувствуют себя в безопасности (III. 49; VIII. 34, 112; XII. 178). Таким образом, идея о связи между полисной безопасностью и поддержанием справедливости, как внутренней, так и международной, довольно распространена в речах эллинских ораторов IV в. до н.э.

Второй аспект полисной безопасности, выделяемый в трактате "О доходах", касается экономического процветания государства как основы его могущества. Зависимость благосостояния полиса от развития торговли и благосостояния граждан также была достаточно распространенным пассажем в речах ораторов конца V-IV вв. до н.э. (*Isocr*. VIII. 19; *Lys*. XII. 20-22, 35, XXVIII. 3; *Dem*. I. 7, XIV. 16). Однако наиболее последовательно эта мысль изложена именно в трактате Ксенофонта. Хозяйство афинской гражданской общины, по мнению Ксенофонта, следовало защитить от двух бедствий – недородов и войны (*Xen.* Vect. 4). Протекционизм в отношении купцов и судовладельцев, более тесная интеграция метеков с полноправными афинянами, разработка серебряных рудников должны, по мысли Ксенофонта, улучшить финансовый климат полиса (*Xen.* Vect. 2-4). Чтобы все доходы поступали в изобилии нужен мир (*Xen.* Vect. 5). Наращивание экономического потенциала напрямую связано с рачительностью в военном деле (ср. *Arist*. Pol. 1328b10), а мирная и, тем самым, мудрая внешняя политика способна реально упрочить гегемонию Афин (*Xen.* Vect. 4-5). Другими словами, процветание полиса, безопасная жизнь его граждан, сила государства, согласно этой концепции, напрямую зависят от финансового состояния.

На наш взгляд, появлению и распространению такой трактовки полисной безопасности способствовали особенности социально-политической обстановки в Греции в IV в. до н.э. Первая из этих особенностей была связана с усилением роли наемнических отрядов в составе полисной армии. Содержание наемников требовало значительных финансовых затрат от государства. Необходимость платить воинам нередко становилась причиной дефицита казны в целом ряде государств IV в. до н.э. Сочинение Псевдо-Аристотеля "Экономика" изобилует примерами того, как различные лица – стратеги, тираны, сатрапы, фараоны – изыскивали средства для того, чтобы выплатить жалование воинам (*Ps-Arist*. Oec. II. B. 11, 16б, 23а, 25, 26, 30а, 29б, 39) [5, с. 168-170].

С задержкой оплаты наемникам и связанным с этим конфликтами сталкивался и сам Ксенофонт. Так, в "Анабасисе" он упоминает о том, что Кир задолжал плату за три месяца воинам, которые приходили к его двору и требовали денег (*Xen*. An. I. 2. 11). Невыплата жалования наемникам и связанная с этим угроза перехода войска на сторону врага были причиной разногласий между Ксенофонтом и Севтом (*Xen*. An. VII. 7. 5-53). О случаях неповиновения наемного войска своему предводителю из-за задержки жалования Ксенофонт сообщает и в "Греческой истории" (*Xen*. Hell. V. 1. 13).

Таким образом, в условиях развития наемничества содержание армии требовало от полиса значительных финансовых затрат. Провести успешную военную кампанию и эффективно отреагировать на внешнеполитическую угрозу было способно лишь государство, обладавшее мощным экономическим потенциалом. Иначе говоря, безопасность и суверенность государства напрямую зависели от его экономического процветания.

Второй причиной появления такой трактовки полисной безопасности стало возрастание роли представителей торгово-ремесленных кругов на политической арене Афин. В связи с обострением экономических трудностей в Афинском полисе особым влиянием стали пользоваться политики, компетентные в экономических вопросах (Демосфен, Диофант, Эвбул, Эсхин, Ликург) [4, с. 61-62; 8, p. 67, 75]. Представители древних аристократических родов постепенно вытесняются с политической арены выходцами из торгово-предпринимательских кругов, которые зачастую были потомками метеков и вольноотпущенников. Многие предложения трактата "О доходах" – призыв предоставлять различные привилегии метекам, поощрять развитие торговли и покровительствовать разработке серебряных рудников – отвечали интересам этой новой политической элиты [6, с. 206-209; 7, с. 201-202].

Именно в данном контексте следует рассматривать и идею Ксенофонта о необходимости сохранения мира и развития экономики как важнейших условий безопасности государства. Любые военные конфликты негативно сказывались на торгово-предпринимательской деятельности, что особенно ярко проявилось во время Пелопоннесской войны. В речах афинских ораторов мы часто встречаем жалобы на то, что в военное время торговля практически невозможна из-за блокады морских путей (*Dem*. XLV. 4; *Lys*. XVII. 3, XIV. 27, XXII. 14). Таким образом, призыв Ксенофонта к сохранению мира полностью отвечал интересам новой политической элиты полиса. Возможно, именно поэтому идея о сохранении мира как важного условия могущества государства стала настолько распространенной в сочинениях IV в. до н.э.

Итак, трактовка полисной безопасности, изложенная в трактате "О доходах", значительно отличается от понимания безопасности государства в более ранних произведениях этого автора. Ксенофонт полагает, что источниками общественной безопасности являются, во-первых, справедливое отношение к другим полисам и поддержание мира, а во-вторых, развитие торговли и ремесла, привлечение метеков в Афины с целью повышения благосостояния полиса. Появление такой трактовки полисной безопасности было следствием социально-политических изменений, произошедших в Афинах в IV в. до н.э. С одной стороны, развитие наемничества привело к зависимости обороноспособности государства от его финансового благосостояния, а с другой стороны, данное понимание безопасности отражало интересы новой политической элиты полиса, состоявшей преимущественно из представителей торгово-ремесленных кругов.

1. *Данилов Е.С.* Полисная безопасность как принцип международного права в концепции Демосфена // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии. Материалы I Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 28-30 октября 2010 г.). – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. – С. 11-18 2. *Деннике Ю.П.* Ксенофонт и начало теории военного искусства // ЖМНП. – 1916, июль. – С. 254-259. 3. *Дорофеева В.А.* Аристократический идеал воина и стратега в трактате Ксенофонта "Анабасис" // Древний Восток и античный мир: Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. – М., 1999. – С. 50-59. 4. *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский: к проблеме кризиса полиса. – М., 1993. – 287 с. 5. *Маринович Л.П.* Греческое наемничество в IV в. до н.э. и кризис полиса. – М., 1975. – 225 с. 6. *Фролов Э.Д.* Политические тенденции трактата Ксенофонта "О доходах" // Проблемы социально-экономической истории Древнего мира. Сборник памяти А.И. Тюменева. – М., 1963. – С. 204-221. 7. *Цымбал О.Г.* Экономические и социально-политические идеи трактата Ксенофонта "О доходах" // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы VI Между-

нар. науч.-практ. конф., 5-6 апреля 2010 г. / редколлегия: П.Б. Уваров (гл. ред.), О.Д. Бугас, И.А. Толчев, Д.В. Чарыков. – Кн. 1. – Челябинск, 2010. – С. 199-203. 8. *Mosse C.* La classe politique a Athe'nes au IVe'me si'ecle // Die Attische Demokratie im 4. – Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. – P. 67-77. 9. *Schütrumpf E.* Politische Reformmodelle im Jahrhundert Grundsätzliche annahmen politischer Theorie und Versuche konkreter Lösungen // Die Attische Demokratie im 4. – Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. – S. 271-301.10. *Wood N.* Xenophon's Theory of Leadership // Classica et mediaevalia. – 1964. – XXV. 1-2. – P. 33-66.

Надійшла до редколегії 13.03.12

В. Дементьева, д-р ист. наук, проф.
(г. Ярославль, Россия)

ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ *PROVINCIAE QUAESTORUM* В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ[1]

В статье рассматриваются правовая норма распределения провинций (сфер деятельности) между римскими квесторами – sortitio provinciarum и практика их получения sine sorte (extra sortem), по сенатскому решению.

The paper deals with legal norm governing the distribution of the provinces (sphere of action) – sortitio provinciarum and practice of its sine sorte (extra sortem) assignment by the decision of the senate.

Квестура являлась коллегиальной магистратурой, поэтому после избрания квесторов вставала задача распределения между ними сфер деятельности (provinciae). Ульпиан (D. 1.13.1.2) сообщает о нормативно регулировавшемся способе распределения квесторских провинций – жеребьевке и связывает его введение с именами консулов Децима Друза и Порцины: Ex quaestoribus quidam solebant prouincias sortiri ex senatus consulto, quod factum est Decimo Druso et Porcina consulibus. Марк Эмилий Лепид Порцина известен как консул 137 г. до н.э. (*Diod.* XXX**.** 27; *App*. Ib. 80-83; *Oros*.V.4.19). В консульских фастах его имя не сохранилось, но сохранилась значительная часть имени другого консула 137 г. до н.э. – Гая Гостилия Манцина: [*c. ho*]STILIVS A F L N MANCI[*nus abd*]. (CIL. I. P. 26). Консулом предыдущего, 138 г. до н.э., в фастах значится Децим Брут: [*d. i*]VN[*ius m*] F M N BRVTV[*s qui postea*] CAL[*la*]ICVS APPEL[*latus est*].

У историков три подхода к датировке названного Ульпианом сенатусконсульта: 1. Датировать по консульству Порцины. 2. Датировать по консульству Децима Клавдия Друза (младшего сына жены Октавиана Августа Ливии, брата Тиберия) – 9 г. до н.э., не учитывая имя "Порцина". 3. Считать, что должен был быть назван не Децим Друз, а Децим Брут, – консул предыдущего 138 г. до н.э., но в результате ошибки у Ульпиана соединились консулы двух смежных лет и исказилось имя одного из них. Нам кажется предпочтительной трактовка, возникшая еще в XIX в. (6, p. 1088): после выдачи нумантинцам Манцина (*Cic*. De off. III. 30.109; *Cic*. De or. I. 40; *Vel. Pat*. II. 1. 5; *App*. Ib. 83 *Plut*. Tib. Gracch. 7; Oros. V. 5.5) был избран консул-суффект, ибо выдача врагам связанного полководца была равносильна преданию его смерти или лишению гражданских прав (*Cic.* De or. I. 40). Этим консулом-суффектом и стал, вероятно, Децим Друз, составивший пару консулу М. Эмилию Лепиду Порцине после выдачи Манцина.

Ульпиан называет правовой акт, по которому распределялись provinciae quaestorum, сенатусконсультом. Цицерон (Pro Mur.18) упоминал в ноябре 63 г. до н.э. закон Тиция по этому поводу: Habuit hic lege Titia provinciam tacitam et quietam, tu illam cui, cum quaestores sortiuntur, etiam adclamari solet, Ostiensem**,** non tam gratiosam et inlustrem quam negotiosam et molestam. Законов Тиция историки знают несколько, два относятся к 90-гг. I в. до н.э. (Lex Iulia Titia 99 г. до н.э. и Lex Titia 91 г. до н.э), один Lex Titia датируется 43 г. до н.э., но содержательно эти законы посвящены совсем иным вопросам. Как правдоподобный вариант этот закон можно связать с именем Секста Тиция, плебейского трибуна 99 г. до н.э. Он был последователем Аппулея Сатурнина, хранил у себя дома бюст Сатурнина, за что и был осужден (13, с. 432); Цицерон характеризует Тиция как человека словоохотливого и довольно проницательного (homo loquax sane et satis acutus – *Cic.* Brut. 62. 225).

П. Виллемс и Л.А. Томпсон относили свидетельство Ульпиана о правовой норме жеребьевки квесторских провинций не к тридцатым годам II в. до н.э., а к I в. н.э. (8, p. 18). На наш взгляд, более вероятно то, что Ульпиан "модернизированно" (в контексте политических реалий своей эпохи) назвал публичный акт, на основании которого жеребьевка между квесторами была введена в римскую "конституцию", сенатусконсультом (вместо "закона"), чем то, что он "удревнил" его. В любом случае, вне зависимости от того, какой правовой акт обеспечивал саму норму жеребьевки, процедура распределения квесторских провинций – как минимум, во II−I вв. до н.э. – начиналась с постановления сената, затем в обычном порядке проводилась sortitio, но иногда провинции давались квесторам прямо по решению сената – extra sortem (*Cic.* Att. VI. 6.4.; *Cic.* Phil. II. 50; *Liv.* XXX. 33.2).

Обратимся к нумизматическому материалу (1, vol. 1, p. 417, 419; vol. 2, p. 176, 309). На монете, датируемой около 104 г. до н.э., так обозначена должность Л. Манлия Торквата – аверс: Roma; реверс: L. Torquat. q. ex s.c. (1, vol. 2, p. 176). Монеты 74 г. до н.э. содержат сведения о Гнее и Публии Корнелиях Лентулах: 1) аверс: g(enius) p(opuli) R(omani); реверс: Cn. Len. q. ex s.c.; 2) аверс: q. s. c.; реверс: P. Lent. P. f. L. n. Монета, датируемая около 66 г. до н.э., дает подобное сокращение обозначения должности на оборотной стороне: аверс – Moneta; реверс – L. Plaetori L. f. q. s. c. Нумизматы обычно считают сокращение ex s.c. (или s.c.) указанием на то, что по сенатскому постановлению производилась чеканка монеты (12, с. 56). Но у нас складывается впечатление, что это указание относится, скорее, к способу наделению сферой деятельности магистрата, упомянутого в монетной легенде. И тогда эта фиксация (такой-то квестор является магистратом на основании сенатского постановления, – когда в других случаях такого уточнения нет), свидетельствует, вероятнее всего, о том, что жеребьевки для него не проводилось.

Основным (похоже, что и единственным) способом распределения функций тогда, когда они касались только Рима и Италии, была sortitio, бросание жребия, – поскольку и в I в. до н.э. сферы деятельности квесторов в пределах Италии распределялись именно по жребию; все примеры, приведенные Цицероном, свидетельствуют об этом.

С выходом экспансии Рима за пределы Италии способов этих было уже два: по жребию (sortitio) и вне жребия

[1] Исследование проводится в рамках Госконтракта № 16.740.11.0104 и при поддержке РФФИ, грант 10-06-00140-а.

© Дементьева В., 2012

(extra sortem или sine sorte). Цицерон (Pro Sest. 8) сообщает о Тите Антистии, что тот по жребию был наделен полномочиями квестора в Македонии: Huius propinquus fuit T. Antistius, qui cum sorte quaestor Macedoniam obtineret neque ei successum esset, Pompeius in eam provinciam cum exercitu venit. Информация о проведении жеребьевки квесторских провинций у Цицерона содержится и в других письмах и речах: *Cic.* Att. VI. 6.4; *Cic.* Pro Mur. 18; *Cic.* Ad Q.f. I. 1.11. Примеры распределения без жребия встречаются у Ливия (XXX. 33.2 – о событиях борьбы с Ганнибалом в Африке и действиях Сципиона: Laelium, cuius ante legati, eo anno quaestoris extra sortem ex senatus consulto...) и Цицерона (Att. VI. 6.4 – о Помпее и Цезаре, получивших квесторов без жребия: Pompeius, eo robore vir, iis radicibus, Q. Cassium sine sorte delegit, Caesar Antonium...).

Последовательность обычной процедуры назначения квесторов в заморские территории (сначала senatus consultum de provinciis quaestorum, затем бросание жребия – sortitio provinciarum (5, S. 175) реконструируется на основе обвинения Цицероном (Phil. II.50) Марка Антония в несоблюдении этих публичных правил: Quaestor es factus: deinde continuo sine senatus consulto, sine sorte, sine lege ad Caesarem cucurristi. В этой фразе Цицерона исследователей смущало, однако, выражение sine lege, – на первый взгляд, означающее "без принятия закона", что и отражено в переводе В.О. Горенштейна. Но в таком случае, если речь идет о законе, возникает подозрение, что провинциальные назначения были переданы от сената народному собранию. Сомнения такого рода были развеяны Е. Линдерски и А. Каминской-Линдерски, которые резонно предложили считать, что sine lege не означает в данном случае "без комициального закона", а имеет смысл "без любого законного оправдания", – ср. выражения nulla lege, nulla pacto (3, p. 220-221; p. 258-259).

Назначение квестора в аппарат наместника провинции без жеребьевки проходило по инициативе последнего. Р. Стюарт подчеркивает, что если поручение extra sortem консулу любых дел было оказанием чести непосредственно ему, то назначение без жребия квестора не рассматривалось как честь квестору, – оно было честью опять-таки для вышестоящего должностного лица (7, p. 354). Проконсулы (пропреторы) стремились получить себе в качестве квестора человека, связанного с ними necessitudo, отношениями близкими (родственными, дружескими), чтобы минимизировать возможные должностные и человеческие конфликты. В этом случае осуществлялась comparatio, взаимное соглашение, которое было в интересах, на наш взгляд, не только носителя империя, но и квестора и, если и не делало последнему особой чести, создавало, тем не менее, в обход жребия ему более комфортные условия службы.

Попытку пересмотреть содержательное наполнение понятия necessitudo применительно к взаимоотношениям квестора, получившего своей провинцией обязанности в штате носителя империя вне Италии, со своим начальником, предпринял Л.А. Томпсон (9, p. 344-348). Он предложил понимать necessitudo между квесторами и держателями империя как "общественный долг", "официальные отношения" (это был, на его взгляд, "вопрос официального этикета") и не включать в это понятия отношения за рамками собственно выполнения служебных обязанностей, поскольку при случайном характере назначения по жребию трудно было ожидать реальной дружбы.

Такая трактовка идет вразрез с тем смыслом, который вкладывали в понятие necessitudo античные авторы при описании отношений квестора и высшего должностного лица на внеиталийской территории. При этом в их представлении не только назначение sine sorte, но и жребий, согласно mos maiorum, предполагал близость и святость отношений между квестором и высшим магистратом (промагистратом) – *Cic*. In Verr. I. 11; Q.f. I. 1.11. Цицерон в письме к М. Юнию Бруту рассматривал отношения между квестором и наместником провинции как самые тесные (Fam. XIII. 10. 1), а в речи против Верреса приравнивал квестора по его положению к члену семьи носителя империя: habitus sis in liberum loco, sicut mos maiorum ferebat (*Cic.* In Verr. II. I. 40). Неоднократно повторенную Цицероном аналогию отношений между сыном и отцом, при помощи которой он характеризовал взаимоотношения квестора и носителя империя, Л.А. Томпсон подверг пристальному рассмотрению (9, p. 339-355). Он не согласился считать адекватным римским реалиям то впечатление, которое складывается на основе слов Цицерона и ряда других античных авторов о том, что связи квестора и держателя империя в провинции выходили за рамки официальных. Если же они выходили, то это были, на его взгляд, патронатно-клиентские связи (8, p. 7-18). Доверительное, личное, почти сыновнее отношение, по мнению Л.А. Томпсона, попадает под описание клиентеллы, но не должностных связей, поскольку такое отношение отличает моральный характер. Мы считаем, что регулирование взаимоотношения по линии квестор – магистрат (промагистрат) с империем обычаем предков (mos maiorum), этим "прецедентным правом" (2, p. 162), придавало им характер нравственных обязательств. Поэтому, на наш взгляд, близость и святость отношений совсем не обязательно была сопряжена с патронатно-клиентскими связями. Конечно, на практике отношения квесторов и носителей империя вне пределов Италии могли складываться и вопреки отмеченной норме mos maiorum, как в случае с квестурой Катона 204 г до н.э. (*Nepos.* Cato I. 3), но в принципиальном (идеальном) плане они должны были быть такими, какими их нарисовал Цицерон.

Л.А. Томпсон полагал также, что не стоит усматривать за жеребьевкой квесторов идею deorum iudicium, божественного решения, которое и предопределяло бы святость уз квестора и высшего должностного лица. По его мнению, жребий здесь означал только воплощение принципа равенства возможностей для коллег, т.е. был чисто политическим инструментом, а sortis religio и deorum iudicium не были для него основополагающими (9, p. 340). Все же нам кажется, что Л.А. Томпсон слишком резко разграничивал сакральное и политическое в римской публично-правовой жизни, эти стороны тесно переплетались и часто были просто неотделимы друг от друга (11, с. 8-17), как и, по нашему мнению, в данном случае. Исторические реконструкции с жестким разделением сакрально-правовых и политико-правовых норм являются, в нашем представлении, не вполне корректными моделями римской республиканской жизни.

Поскольку число кандидатов на должность квестора в провинциальном штате было для наместника ограничено предшествовавшим избранием квесторов на комициях, потенциальные проконсулы и пропреторы во время своих консульских и преторских полномочий могли заранее озаботиться формированием своей будущей когорты и оказать помощь на квесторских выборах желательному для них кандидату, лично или через посредство влиятельных друзей, дав благоприятный отзыв (commendatio). Цицерон в "Филиппиках" (Phil. II. 49) говорил, что Марк Антоний получил от него помощь при соискании квестуры. Во всяком случае (даже с перспективой жребия квесторских провинций) они могли

внимательно отнестись вообще к избранию отдельных лиц в низшую магистратуру.

Можно предположить, что потребность добиваться квесторского назначения extra sortem появлялась, прежде всего, тогда, когда возникали особенно нежелательные для наместника провинции кандидатуры квесторов. Возможно, что особая "желательность" для носителя империя иметь того или иного квестора обуславливалась военными дарованиями и заслугами последнего. Е. Линдерски и А. Каминска-Линдерски объясняют факт того, что Цезарь из всех своих квесторов назвал в "Записках" по имени только двоих – Красса и Антония, тем, что большинство его квесторов были назначены в его штат по жребию, и, видимо, были неопытными в военном отношении. Цезарь не поручал им в ответственных ситуациях командования, и впоследствии у него было немного оснований их упомянуть (3, p. 214−215).

Каково было соотношение жеребьевки и ее обхода при назначении квесторских провинций? Начиная с П. Виллемса в историографии присутствует утверждение, что квесторы получали свою сферу деятельности extra sortem довольно часто и количество таких назначений было гораздо больше, чем число случаев, о которых содержатся сведения в источниках. Те же историки, кто отмечал относительную редкость практики назначения квесторов вне жребия, связывали это либо с тем, что sortitio – аспект "обычая предков", который римляне стремились не нарушать, либо с тем, что квестор, прежде чем получить свою провинцию, должен был быть избран народным голосованием на комициях. Последний вывод сделал Л.А. Томпсон, предложив список квесторов, получивших провинцию, возможно, вне жребия (8, p. 4−25). Этот список включает у него 9 квесторских назначений, относящихся к периоду 190 г. до н.э. – 53 г. до н.э. Л.А. Томпсон считал также, что просьба наместника провинции направить к нему квестора sine sorte удовлетворялась сенатом автоматически.

Р. Стюарт подчеркивает, что назначение sine sorte (extra sortem) следует отличать от способа вручения полномочий extra ordinem (7, p. 354.). При этом она полагает, что первый из названных вариант – редко представленная, но конституционно разрешенная процедура, а второй – нарушение конституционной практики. Не согласимся с последним утверждением и скажем, что в принципиальном плане между понятиями "экстраординарный" и "внеконституционный" применительно к Римской республике нельзя поставить знак равенства. Экстраординарная (чрезвычайная) власть в римской civitas вручалась на легитимной основе, имела правовые механизмы регулирования. К такому выводу мы пришли на основе изучения высших экстраординарных магистратур ранней Республики (10, с. 161-176). Также применительно к магистратам с империем, но для поздней Республики анализировал понятие "экстраординарная власть" Р. Ридли (4, p. 280-296). Он не соглашался со слишком расширительным использованием термина "экстраординарный" (4, p. 287-290) и заключал, что многие из казалось бы не вполне обычных случаев наделения империем в конце Республики все-таки следует признать ординарной властью его носителей (отсюда он ставил под большое сомнение расхожий тезис, что чрезвычайное командование было решающим фактором падения Республики) (4, p. 296). Р. Ридли обсуждает и так или иначе разделяет тезис о том, что чрезвычайные полномочия основывались в Риме на решении комиций (на законе), а постановлением сената можно было наделить только ординарной властью. Заметим, со своей стороны, что закон нужен был однократный, для введения определенной должности в "конституцию", а в конкретном решении для частного случая достаточно было постановления сената. Но применительно к распределению без жребия квесторских провинций речь идет не о полномочиях (они ординарные, т.к. ординарными магистратами являются их носители), речь идет о том, следует ли считать чрезвычайным сам механизм предоставления полномочий квесторам при распределении провинций extra sortem. Ординарный способ (введенный законодательно) – sortitio. А был ли предусмотрен в тех же самых или иных законах (либо других нормативных актах) способ без жребия, по усмотрению сената – мы не знаем. В тех, о которых мы осведомлены по источникам, – скорее нет. Но и характеристику способа extra sortem как нелегитимного никто из античных авторов в имеющихся текстах не дал. А потому мы не можем и точно сказать, было ли отсутствие жребия для квесторов при определении сферы их магистратской деятельности нарушением конституционной нормы или нет. Не исключаем, что "вне жребия" могло означать "чрезвычайным порядком" (extra ordinem), что, однако, автоматически не предполагало для римлян "внеконституционности".

Таким образом, по нашему мнению, жеребьёвка квесторских провинций была оформлена как норма писаного права не позднее 30-х гг. II в. до н.э., отход от которой (степень его легитимности неясна) начинает практиковаться, наиболее вероятно, с конца II в. до н.э., но в любом случае, не ранее появления в Римском государстве "заморских", внеиталийских территорий, т.е. 40-х гг. III в. до н.э.

1. *Babelon E.Ch.F.* Description historique et chronologique des monnaies de la République Romaine. – Vol. 1. – P., 1885. – Vol. 2. – P., 1886. 2. *Badian E.* The Silence of Norbanus. A Note on Provincial Quaestors under the Republic // American Journal of Philology. – 1983. – Vol. 104. – P. 156-171. 3. *Linderski J., Kaminska-Linderski A.* The Quaestorship of Markus Antonius // Phoenix. The Journal of the Classical Association of Canada (Revue de la Sociéte canadienne des Etudes classiques). – 1974. – Vol. 28. – P. 213−223 (*Linderski J.* Roman Questions. Selected Papers. Stuttgart, 1995. P. 251−261). 4. *Ridley R.T.* The Extraordinary Commands of the Late Republic. A Matter of Definition // Historia. – 1981. – Bd 30. – P. 280−297. 5. *Schulz R.* Herrschaft und Regierung Roms Regiment in der Provinzen in der Zeit Republik. – Paderborn−München−Wien−Zürich, 1997. 6. *Smith W.* Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology – L.,1844. www.ancientlibrary.com/smith-bio/index.html. 7. *Stewart R.L.* Sors et provincia: Praetors and Quaestors in Republican Rome. – Michigan, 1987. 8. *Thompson L.A.* The Appointment of Quaestors *extra sortem* // The Proceeding of the African Classical Associations. – 1962. – Vol. 5. – P. 17-25. 9. *Thompson L.A.* The Relationship between Provincial Quaestors and their Commanders-in-Chief // Historia. – 1962. – Bd 11. – P. 339-355. 10. *Дементьева В.В.* Римская чрезвычайная власть эпохи ранней Республики: историко-правовая модель // *Дементьева В.В.* Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н.э. – М., 2003. –С. 161−176. 11. *Дементьева В.В.* Римское божественное право: проблема содержания понятия fas // Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике. – Т. 1. – М., 2003. – С. 8-17. 12. *Мэттингли Г.* Монеты Рима с древнейших времен до падения Западной Империи. – М., 2010. 13. *Стрельников И.П.* Комментарии к трактату "Брут" // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1994. – С. 421-436.

Надійшла до редколегії 13.03.12

В. Діческул, канд. іст. наук, доц. М. Тюкалов, магістр
(м.Київ, Україна)

ВЕДИЧНА МУЗИКА В ІСТОРИЧНОМУ РОЗВИТКУ ІНДІЇ

Стаття присвячена вивченню ведичної музичній культурі як духовного джерела староіндійської цивілізації.
The article represents the study of the musician phenomenon in ancient India as the historical background of Indian civilization.

Сучасні дослідники, відзначають, що в працях давньогрецьких філософів музика сприймалася як "мимезиса", відображення людського життя і космічної гармонії. Визначаючи природу музичного впливу на людину по-різному: як "етос", як "афект", як "волю" та інші, давньогрецькі мислителі визнавали загальна властивість музичного мистецтва, здатного формувати духовне обличчя людини.

Співзвучні цього і думки східних мудреців, які в міркуваннях про музику і її властивості підкреслювали її значимість не тільки у формуванні духовних, моральних якостей особистості, а й її специфічну функціональність в управлінні державою.

У більш пізній період також мали місце гіпотези і наукові здогади з боку багатьох мислителів, які намагалися пояснити суспільно-значиму роль музики в духовному та естетичному вихованні особистості [5,с.298]. Російський дослідник А. Ф. Лосєв вважає, що музика є деякого роду специфічна структура, яка здійснюється в часі, "але сама не є ні час, ні ... темп... темп ... Музика є мистецтво часу, а час у своїй останній основі становлення " [6,с.324]. Таке розуміння музичного феномена А.Ф. Лосев пояснює тим, що музика на відміну від інших видів мистецтва малює людині не образ, а саме походження цього образу, його виникнення і тут же його зникнення. Таким чином, з філософії А.Ф. Лосєва, феномен музики ми розуміємо як саму процесуальність життя.

У сучасній науковій літературі музику розшифровують як мистецтво, яке відображає реальну дійсність в емоційних образах та ідеях, що виражаються через звуки особливого роду і здатне висловлювати " дух свого часу, його ритм, емоційний тонус" [7]. Інакше кажучи, музичне мистецтво - це художньо-образне відображення дійсності, особливий спосіб мислення в образах. Отже, музичне мистецтво відображає дійсність, а значить, соціально функціонує у всіх сферах людської життєдіяльності, естетично переробляючи, пересоздавая життєвий зміст, виражаючи цим виборче людське ставлення до дійсності.

Соціофункціональная роль музики виключно різноманітна, починаючи від символічного втілення суспільно-значущих понять морально-релігійного, політичного характеру до самих конкретних практичних ситуацій. Музика робиться свого роду "хронометром", відмірює години життя. Побут, якому паралельна музика, знаходить художню завершеність. Стародавні китайці, індійці і греки відкрили гармоніки – складні гармонічні коливання, які робить кожен точно налаштований музичний інструмент, а також голосові зв'язки людини. Ці гармоніки безпосередньо пов'язані з усіма природними співвідношеннями частот на нашій планеті і у всьому Всесвіті.

Вивчення ведичної музики як духовного джерела індійської культурної традиції представляє безперечний науковий інтерес для української індології. Предметом цього дослідження є процес впливу доарійської музичної традиції на становлення і розвиток соціально-культурних основ індійської цивілізації. Джерелознавчий метод дозволив проаналізувати сакральні тексти "Самаведи" [3] і прийти до висновку, що в історіографії давньої Індії музика "Самаведи" вважається "золотим віком" у розвитку індійського мистецтва [4].

Витоки зародження індійської музики в давнину доісторичної Індії. До того, як ведичні арії оселилися на землях між Сарасваті і Дрісвадваті, величезні простору доісторичних Мохенджо-дару, Хараппи, Каліваджі були захоплені так званими неарійськими народами, які і є корінними жителями різних міст доісторичної Індії. Вони були освіченими і художньо обдарованими, хоча деякі з них по антропологічного типу були первісними людьми. Це були раси Паніс, Рігіасас, що любили такий тип музики як Гандхарва, абсолютно відмінний від музики, створеної ведичними аріями. Останні створили рігведскіе гімни, що вважається більш високим культурним пластом індійської цивілізації. Ведичні гімни - таїнства, відомі як Яджурведа. Гімни, які були призначені для співу відомі як Самаведа. Їх називають ведичними піснями – Самаганас, які різняться за формою. В індійській історичній літературі розглянуті питання, пов'язані з фактами розширення рігведіческіх гімнів шляхом додавання ведичних нот і встановленням особливої тональності, якою користувалися жерці.

При вивченні ведичної літератури, звернення до "Самаведи", показує, що це найважливіший, істотне джерело індійської музики. Слово "саман" означає текст для співу або "мелодію" гімну. "Самаведа" складається з двох частин - Арчіка або Рурварчіка - "колекція рядків" і "друга колекція рядків". Обидві частини складаються з віршів або гімнів, які з'явилися в "Рігведі".Найсуттєвіше - це мелодія. Метою цих двох частин "Самаведи", особливо Арчікі є заучування мелодій. Перша частина складається з 585 індівітуальних рядків (рік), до яких відносяться різні мелодії – гімни (саманс) [3,s.18-43]. Мелодії до текстів гімнів зберігаються з покоління в покоління усним співом інструменталістів. З давнини музика "Рігведи" передається ударними, духовими та струнними інструментами. Що стосується стилістики "Самаведи", то її можна порівняти з класичною літературою епічних періодів. Але між "Самаведа" і "Упанішадами" існує різниця, хоча останні теж складаються з Вед.

У дослідженні дано джерелознавчий аналіз і синтез текстів "Самаведи", опублікованих у виданнях з індійської класичної санскритської літератури [1, s.230]. За своєю формою вони є церемоніальним ритуалом передачі ведичних гімнів, які дозволяють дати історичну реконструкцію доарийского культурного пласта. Гімни-пісні ділилися на різні школи, що відрізнялися кількістю нот. Наприклад, тамільська школа мала п'ять нот, Мадрасського – сім нот, джаймінская – три ноти, рудрасская – чотири ноти.

У сучасній історіографії Індії існують школи, які вивчають музичну культуру Індії в історичній ретроспекції на сучасну цивілізаційну структуру індійського і південно-азійських суспільств. Основні дослідження присвячені наступним проблемам: історична концепція музичної культури Індії; етнонаціональний характер музичної культури; музиці як емоційного портрету сучасної Індії; культурний контекст давньоарійської музики; історичні факти та фрагменти в індійській музиці [2, s.32].

© Діческул В., Тюкалов М., 2012

Одним з матеріальних джерел духовної культури Стародавньої Індії є музичні інструменти ведичного періоду. Техніка їх виготовлення та техніка гри – це спеціальний напрям у вивченні історії Індостану на основі комплексного підходу – цивілізаційного та технологічного Духові інструменти – вінаси виготовлялися з деревини різних дерев, бамбука і слонової кістки. Барабанні інструменти представляли собою оброблені дупла дерев, порожніх стовбурів. Що стосується струнних інструментів – Вінус, то їх робили з трави – лизни замість сталевих струн і нутрощів тварин – тантрас (корпус інструмента). Інструмент из 100 струн, описаний в Вхахаре, називався і називається сататантра. Це один із сакральних інструментів Стародавньої Індії.

Цікаво відзначити, що в найдавніші часи всі відмінності в музиці визначалися двома видами музичних інструментів, "вина" і "вену". На ведичної і постведіческої мовах це означає Гандхарва, Мачду – класичні типи музики Стародавньої Індії.

Для стародавніх індійців зовсім природно було розслаблятися музикою і відпочивати від монотонної домашньої роботи. Сентиментальність була характерною рисою їх світосприйняття. Природа і людина були єдиним цілим, що могло висловитися тільки в музиці. На початку ведичної цивілізації чоловіки і жінки поклонялися Небу (Варуну) і Сонця (Мітра). Для индийцев, с развитием цивилизации, огонь стал олицетворением поднимающегося Солнца. Для індійців, з розвитком цивілізації, вогонь став уособленням Сонця, яке піднімається. З появою і використанням заліза, з метою полювання на диких тварин, були винайдені лук і стріли. Окрім свого споконвічного призначення лук використовувався як засіб, помахами якого передавали сигнали про наближення ворогів або іншої небезпеки. Для людини ведичного періоду стало технічно звичним ремеслом натягувати струни з кишок розпотрошених диких тварин. Такі "струни" натягалися на цибулю (джібсабда або дхапустрахара). Саме звук, виданий такий струною, і був джерелом музичного сприйняття навколишнього світу стародавніми людьми. Він послужив початком у створенні і дизайні найдавніших музичних інструментів.

Кривизна лука підвела до ідеї створення методу, на основі якого стало можливим сконструювати корпус найдавніших провину і з'єднати струни з кишок. Примітивна форма була зігнутої як і цибуля, так званої найдавнішої лірою. Струни робилися з нутрощів диких тварин. Древние люди, в позе наклоненного тела, касались струны пальцами. Стародавні люди, в позі нахиленого тіла, стосувалися струни пальцями. При цьому видавався монотонний високий звук. Варіації по вдосконаленню форм інструменту "провину" привели до поліпшення тональних особливостей і більшій кількості звуків. Ведичні жителі Індостану іноді з'єднували дві горизонтальні поперечини з бамбука або дерева, прикріплюючи за обидва кінці струну з кишки, тим самим створюючи форму трикутника. Цей найдавніший інструмент нагадує найстаріші грузинські, фінські типи ліри.

Але "вина" Індії це не ліра і не арфа, хоча в перекладі з санскриту на англійську мову означає "ліру". З точки зору філології, як пише професор Паміна "... це ближче до елліністичної китари, але азіатського походження"[4, s.233]. Цей тип музичного інструменту датується 7 в. до н.е.

Вивчаючи історію техніки виготовлення та користування першими музичними інструментами є важливим зробити наступний висновок. У доісторичної цивілізації Індостану, за виявленими видами "вину" різних типів (труб, барабанів з бронзовими танцівницями, датованими 3500-3000 рр.. до н.е. – 4000-3500 рр.. до н.е.) була унікальна цивілізація музично-інструментальної культури. Ведичний період історії Індії був ознаменований високим рівнем технології виготовлення музичних струнних інструментів, що дійшли до сьогоднішніх днів.

1. Krishnamachariar. A History of Classical Sanskrit Literature. – Poona,1927. 2. Radhavan V. History of Indian Music on my request. – Madras, 1970; The Vedic Music in Historical Development of Indian Music. – Calcutta, 1970. 3. Samaveda. – Calcutta, 1970. 4. The Form and Function of Music in Ancient India (A Historical Study). – Calcutta,1920. – Vol.2; The History of Aryan Rule in India. – London,1920. 5. *Борев Ю.* Эстетика // Учебное пособие. – М.,1988. 6. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. – М., 1991. 7. Философские аспекты роли музыки в духовной жизни человека и социума // Жоробекова Э.Ж., Дуйшеналиева К. Вызовы современности и философия. – Бишкек, 2001.

Надійшла до редколегії 13.03.12

О. Жданович, канд. іст. наук
(м. Київ, Україна)

"ТРАДИЦІЇ ТА ЗВИЧАЇ ТЮРКІВ ОЧИМА РОМЕЇВ (НА ОСНОВІ ПЕРЕКЛАДУ ФРАГМЕНТУ "ІСТОРІЇ" МЕНАНДРА ПРОТЕКТОРА"[7])

Стаття присвячена аналізу сприйніття візантійцями деяких звичаїв і обрядів тюрків на основі дослідження фрагменту "Історії" Менандра Протектора.

The article represents the analysis of the Turk's customs and ceremonies on the basis of research the fragment of Menander's book.

В середині VI ст. на півдні Алтая сформувалось нове державно-політичне утворення, відоме в історії під назвою Великого тюркського каганату. Свій родовід тюрки ведуть від легендарних "п'ятиста сімейств ашина", які до кінця 30-х років V ст. перебували у політичній залежності від гунів. Після того як плем'я тоба підкорило останніх, князь ашина зі своїми "п'ятиста сімействами" тікав від них на південь Алтаю, де потрапив під владу жужанів (жуань-жуань). Відомо, що основним заняттям тюрків у той час був видобуток в Алтайських горах заліза [6, p. 80].

545 р. вождь тюрків Бумин (Тумен) встановив дипломатичні відносини з Китаєм, через рік він розгромив і підкорив уйгурів, котрі воювали проти жуан-жуанів. Тюрки отримали підтримку у Тоба, які мешкали на північному заході Китаю [6, p. 81]. Протягом 551-555 рр. Жуан-жуанське царство було розбите. Для закріплення дружніх стосунків з Китаєм 551 р. Бумин одружився з китайською принцесою.

Таким чином, територія Монголії, підконтрольна колись жуан-жуаням, потрапила до тюрків. Правитель тюрків Бумин створив степове державне об'єднання, сам він почав іменуватися титулом "каган". Після смерті Бумина держава була розподілена між його сином Муган-каганом і рідним молодшим братом Істемі. Муган з титулом "каган" (553–572) отримав територію Монголії, де утворився східно-тюркський каганат. Істемі іменувався титулом "ябгу" (Менандр Протектор передає його як "Дізабул") і став на чолі західно-тюркського каганату. До його володінь увійшла країна Джунгарія, території в басейні річок Йолдуза, Ілі, Таласа і Чу [6, p. 82].

© Жданович О., 2012

В середині 50-хроків VI ст. тюрки з'явились на кордоні країни ефталітів, племені, яке воювало з сасанідським Іраном. Після того, як шах Хосров I Ануширван отримав звістку про прихід тюрків, він побачив у них союзників у боротьбі проти ефталітів [1, с. 132]. Досить швидко цей народ був розгромлений спільними зусиллями персів з тюрками [2, с. 126]. Захоплена територія була поділена між ними: тюркам дісталася Согдіана, а персам – Бактрія.

Маючи тепер у складі своєї держави Согдіану, розташовану на перетині караванних шляхів, тюрки прагнули здобути право вільної торгівлі між Китеєм і Візантією. Такі наміри протирічили інтересам сасанідів, які монопольно контролювали Великий шовковий шлях і не бажали втрачати своїх позицій.

Після відмови персів тюркам у вільному доступі до торгівлі останні почали обдумувати можливості створення дипломатичної блокади навколо Сасанідського Ірану. У цих планах їм мала допомогти Візантія.

Візантійська імперія в другій половині VI ст. перебувала у кризовому стані. Імператор Юстиніан I (527–565) залишив після себе економічний занепад держави. Сільське господарство страждало від розвитку великого феодального землеволодіння, як світського, так і церковно-монастирського, що активно підтримувалось і заохочувалось владою. Одночасно з цими процесами скорочувалась чисельність населення і зростала кількість спустошених необроблюваних земель. Інститут колонату перестав відігравати колишню роль провідного фактора розвитку сільського господарства імперії. Таким чином, поступово зникало соціальне підґрунтя для зміцнення дрібного селянства, що призводило до послаблення індивідуального селянського господарства і занепаду земельної власності міської общини та до подальшої кризи невеликих міст.

У військовому плані імперія теж була виснаженою: не вистачало коштів на утримання армії, це викликало невдоволення і призводило до повстань; бракувало професійних солдатів, відсутність дисципліни і засилля варварів-легіонерів підривало військо з середини. Усі ці фактори негативно позначалися на завнішньополітичній ситуації, яка була доволі складною.

Візантія поступово втрачала свої території на Заході. Так, 568 р. лангобарди захопили значну частину Апеннінського півострова, в Іспанії хозяйнували вестготи. На сході в цей час тривала війна з Персією за вплив на Вірменію, Лазіку, за вплив на Південно-аравійські землі та на північноарабських кочовиків. Ця боротьба мала вагоме економічне підґрунтя. Торгівельні інтереси обох держав тісно перетинались: Іран виступав найважливішим посередником у торгівлі Візантії з країнами Сходу. Тому більш вигідні для ромеїв умови торгівлі і посередництва були одними з пріоритетних завдань у цих відносинах.

У 568 р. до Візантії було відправлене посольство від тюркського кагана на чолі з Маніахом, результатом чого стало ухвалення угод між Великим тюркським каганатом і Візантійською імперією. Вона дозволяла тюркам здійснювати контроль над Великим шовковим шляхом. Під час тюрксько-візантійських переговорів були здійснені домовленості про спільні військові дії проти Ірану й аварських племен.

Для підтвердження і закріплення цих ухвалень у серпні 568 року імператор Юстин II відправив посольство до тюрків, яке очолив кілікієць Земарх. Його супроводжував посол тюркського кагана Маніах, який, однак, не був етнічним тюрком, а походив з племені согдійців. Представники цього племені виступали посередниками у дипломатичних взаєминах тюрків з іншими народами. Знання різних мов і психологічних особливостей різних народів, а також переслідування власних комерційних інтересів давало можливість їм разом із тюркськими послами вести переговори з Візантією, Персією та іншими сусідніми державами. Ймовірно, що саме согдійські купці були ініціаторами скликання посольства до Візантії після того, як отримали відмову від Персії [1, с. 135].

Причина такого авторитету представників цього народу у суспільстві і при владі крилася у економічній площині. Плем'я согдійців опинилося під владою тюрків після того, як вони стали новими володарями у Середній Азії після розгрому ефталітів. Согдійці мешкали у Середній Азії поблизу головних караванних шляхів і цим обумовлювалось їх економічне життя. Стратегічне розташування цього народу позначалось і на культурно-релігійному світогляді населення. Так, цікавим є той факт, що серед согдійців було поширене маніхейство – синкретичне релігійно-філософське вчення дуалістичного характеру. Ім'я тюркського посла Маніаха (дослівно перекладається як "брат Мані") яскраво відображає активне розповсюдження маніхейства у согдійців [4].

У фрагментах "Історії" Менандра Протектора зберігся цікавий опис подорожі Земарха до резиденції тюркського кагана на Алтай. Період, який описує автор, охоплює останні роки правління імператора Юстиніана I. та часи Юстина II і Тиберія I (558-582 рр.). Праця Менандра збереглася у кількох фрагментах, які є досить цінними для нас, тому що дають можливість досліджувати відносини Візантії з сусідніми їй кочовими народами.

На даному етапі дослідження нас цікавить власне сама подорож Земарха на Алтай в баченні візантійського історика і державного службовця, сучасника тих подій. Суб'єктивність суджень Менандра дає змогу подивитись на звичаї, побут і дипломатичні церемонії двору Тюркського каганату очима ромеїв.

В основу даного перекладу було покладено видання грецькою мовою, опубліковане у збірнику "Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae" у 1829 р. [5] У 1860 р. у Санкт-Петербурзі був опублікований російський переклад цього тексту [3]. Автор перекладу, письменник-елліністі Спірідон Юрійович Дестуніс (1782–1848), розпочав роботу над збіркою "Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae" ще 1838 р. Він переклав чотири частини, але за життя перекладача друком вийшов лише один невеликий фрагмент праці. Усі інші частини перекладу, у тому числі й праця Менандра, були опубліковані сином С. Дестуніса вже після його смерті. Російський переклад фрагментів праці Менандра Протектора містить деякі неточності, а подекуди є досить довільним.

Опис Менандром обряду очищення візантійських гостей перед тим як допустити їх до кагана наштовхнув нас на цікаві міркування. Сам текст перекладу:

"Інші якісь із цього племені [турків], які самих себе називали і про яких говорили, що вони виганяють порчу, поряд із Земархом стрибали і, отже усі речі [посольства] перенесли з молитвою за звичаєм на середину. На вогні з молодих паростків ладанового дерева просушили їх, шепчучи скіфською мовою якісь варварські слова, били у дзвони і бубни. Зверху над речами підносили палаючі листя ладанового дерева, викрикуючи і разом із тим скаженіючи й сердячись, так що здавалося, ніби погане проганяли. Оці ж, хто відводить нещастя, вважаються заступниками від нечистих сил. Обернувши дійсно, немов яйце, усі нещастя, вони і самого Земарха перевели крізь полум'я, таким чином гадаючи, що виконали священний обряд".

Релігійні вірування ранніх тюрків, очевидно, складалися з симбіозу різних культів, як то культ предків, культ Неба, поклонялись вони й Духу Гори. Враховуючи те, що неабияким авторитетом в суспільстві користувались согдійці, а вони, як ми знаємо, були маніхеями, то культ Мані теж був тут у пошані. Однак дослідження релігійного світогляду тюрків не є предметом нашого дослідження.

Тож повернемось до Менандра. Нам здається, що обряд очищення, описаний ним, був своєрідним показовим виступом, метою якого було надати серйозності (а може й залякати) і значимості самому каганом, а також показати ромеям, що, незважаючи на їх "цивілізованість", могутність і важливість, вони все жтаки повинні коритися місцевим правилам і нормам. Це доводило самодостатність і впевненість тюрків.

Проведення обряду, який передував зустрічі ромеїв з каганом, було своєрідним психологічним тиском на Земарха і його супутників. Однак, як це видно з джерела, тиск цей не справив очікуваного враження і візантійці продовжували далі усі церемоніальні процедури.

1. *Артамонов М. И.* История Хазар. – Ленинград, 1962. 2. *Вернадский Г.* Древняя Русь. – М.: Аграф, 1999. 3. Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом. – СПб., 1860. 4. *Пигулевская Н.* Византия на путях в Индию. Из торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. – М.-Л., 1951. 5. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae / Ed. B.G. Niebuhrii. – Pars I.: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi,.Nonnosi et Theophanis Historiarum Beliquiae, Procopii et Prisciani Panegyrici. – Bonnae, 1829. 6. *Grousset R.* The Empire of the Steppes. A History of Central Asia. New Brunswick: Rutgers University Press, 1970. 7. Menander Protector. Fragmenta. // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae / Ed. B.G. Niebuhrii. – Pars I.: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis Historiarum Beliquiae, Procopii et Prisciani Panegyrici. – Bonnae, 1829. – P. 380-386. (Переклад з грецької – О.П. Жданович).

Надійшла до редколегії 13.03.12

А. Зелінський, канд. іст. наук
(м. Київ, Україна)

ХРОНОЛОГІЧНА ЛОКАЛІЗАЦІЯ РОЗШИРЕННЯ ЗАХІДНИХ КОРДОНІВ ПТОЛЕМЕЇВСЬКОЇ КИРЕНАЇКИ

Згідно з розповіддю Страбона, за часів Птолемея сина Лага кордон між Киренаїкою і Карфагеном знаходився значно західніше від традиційного рубежа – Філенових жертовників. Співставлення свідчень Діодора, Арріана, Страбона і тексту т.зв. Киренської конституції у сукупності з аналізом історії діадохів дозволяє датувати розширення західних кордонів Киренаїки 308/307 роком до Р.Х.

According to Strabo, at the time of Ptolemy I the border between Cyrenaica and Carthago was located to the west from the traditional boundary, Arae Philaenorum. Comparison of the sources such as Diodorus, Arrian, Strabo and the text of so-called constitution of Cyrene, together with analysis of the Successors' history, allows to date of the expansion of the western borders of Cyrenaica 308/307 year B.C.

Страбон, розповідаючи про географію Киренаїки, говорить наступне: "...далі [на схід – прим. автора] здіймається Євфрантова вежа – кордон колишніх володінь Карфагена і Киренаїки при Птолемеї; потім іде інше місце під назвою Харакс, яке слугувало карфагенянам портом; вони привозили сюди вино, отримуючи взамін сільфій і його сік від торговців, які потай поставляли ці продукти з Кирени. Далі слідують жертовники Філенів, а за ними – фортеця Автомали..." [45, XVII, III, 20].

Цей невеликий пасаж страбона дозволяє припустити, що протягом певного періоду, під час правління одного з представників династії Птолемеїв, до складу елліністичної Киренаїки входила частина карфагенської берегової смуги, яка простягалась на захід від т.зв. Філенових жертовників (давнього киренсько-карфагенського кордону [41, 109; 37, III. 39, X. 40; 18, 19, 79; 45, II. 20; 50, V. 6e; 39, I. 33, 38; 34, V. 4; 13, Iv. 3-4; 21, p. 95-96, 103] і сягала вежі Євфранта.

Оскільки на момент початку II Пунічної війни (218 Р. – тут і далі – до Р.Х. [24, S. 419]) кордоном між Карфагеном і Киренаїкою знову служили Філенові Жертовники [37, III. 39; 28, S. 232 Anm. 2; 24, S. 294] *, дослідники одностайно відносять короткочасне розширення західного кордону зазначеної області на період правління Птолемея I Сотера [31, S. 351-352, 411-412, 522 Anm. 80; 28, S. 231-232; 21, p. 103 not. 28; 24, S. 101-103]. Дійсно, зазначена подія не могла відбутися ні до початку II Пунічної війни, ні у проміжок часу між її завершенням (201 р.[12, S. 12]) і інкорпорацією Киренаїки до складу римської держави (96-75/74 р. [19, II. 40-41; 26, XXXIX. 5; 23, p. 210]). На користь першого говорять рівні безконфліктні відносини, що мали місце між Єгиптом і Карфагеном за часів царювання другого та третього представників династії Птолемеїв 7, I; 17, V. I. P. 152-153, 522, V. II. P. 264-265 not. 165-171, 751 not. 13; 23, p. 54; 24, S. 293-294, 422, 426]; на користь другого свідчить факт проходження західного кордону Киренаїки по Філеновим жертовникам, зафіксований на момент закінчення II Пунічної війни [37, X. 40], у період Югуртинської війни (112-105 р. [29, p. 29-30]) [18, 19, 79] і після входження Киренаїки до складу римської держави [45, II. 20; 50, V. 6e; 39, I. 33, 38; 34, V. 4; 13, Iv. 3-4].

Якщо ідентифікація Птолемея, згаданого Страбоном, не викликає сумнівів [див. вище; також пор. 45, XVII. I. 5], то час і обставини тимчасового збільшення киренської території й досі залишається невизначеним. Нечисленні дослідники, котрі звернули увагу на цей епізод птолемеївської зовнішньополітичної історії, відносять зазначену подію на проміжок часу між першим включенням Кирени до числа володінь Птолемея (322-321 р.) і моментом повернення цієї області під владу єгипетського сатрапа після загибелі бунтівного намісника Киренаїки [див., н-д: 4, с. 28-37; 3, с. 353, 440-443 прим. 1], Офелли (308/307 р.) [31, S. 351-352, 411-412, 522 Anm. 80; 28, S. 231-232; 22, p. 103; 24, S. 102 Anm. 38; 30, p. 66-67, 69]. При цьому, як правило, науковці схильні приписувати завоювання відповідної ділянки карфагенського узбережжя саме Офеллі, котрий дійсно, після відпадіння від Єгипту планував розширити власні володіння за рахунок західного сусіда [31, S. 351-352, 411-412, 522 Anm. 80; 30, p. 66-67, 69; 24, S. 102 Anm. 38; пор. 15, XX. 40-42, 70; 23, p. 20; 24, S. 179-180]. По іншому до вирішення цієї проблеми поставився W. Huss. У низці своїх робіт він розглянув дві

* Я схиляюсь до точки зору дослідників, котрі пов'язують повернення карфагенянами зазначеної берегової смуги з подіями I Сирійської війни [31, S. 411-412; 24, S. 268 Anm. 110, 294]. В усякому разі, якщо взяти до уваги свідчення Ератостена про Автомали як західний кордон Киренаїки [45, II. V. 20; 24, S. 294 Anm. 326], то за terminum ante quem для відновлення традиційного киренсько-карфагенського кордону можна сміливо прийняти середину III ст. [24, S. 294].

© Зелінський А., 2012

альтернативні можливості датування зазначенної події: 1. приєднання до Киренаїки карфагенської території було здійснено Птолемеєм у 322/321 р.; 2. відповідне територіальне надбання єгипетський сатрап здійснив у 308/307 р. під час вищезгаданого повторного завоювання Кирени. При цьому, німецький дослідник надав безсумнівну перевагу першому з вищевказаних варіантів [25, S. 172; 24, S. 102-103 Anm. 38-39].

На користь власної точки зору W. Huss, на відміну від більшості своїх попередників, навів низку аргументів. Так, згідно з його міркуваннями, Птолемей у 308 р. не мав можливості зазіхати на карфагенські володіння оскільки він був зайнятий справами у Балканській греції [див. нижче], а крім того єгипетський сатрап не мав ніякого відношення до західної експедиції Офелли [24, S. 102 Anm. 38]. Вагомим же аргументом на користь датування розширення західних кордонів Киренаїки 322/321-м р. німецький дослідник вважає певний пасаж з "Історії діадохів" Арріана. Згідно зі свідченням античного історика, під час відомого перерозподілу сатрапій у Трипарадісі за сином Лага було закріплено "...Єгипет, і Лівію, і дуже велику частину земель по інший її бік, і усі інші західні землі, які згодом будуть здобуті списом" [9, 156. f. 9. 34; 24, S. 102-103].

Проте, не зважаючи на всі аргументи та контраргументи, наведені зазначеним науковцем, я дотримуюсь думки, згідно з якою все відбувалося з точністю до навпаки. А саме: розширення західних кордонів Киренаїки могло мати місце лише під час другого підкорення Птолемеєм цієї області у 308/307 р.

Почнемо з найвагомішого й до того ж єдиного розгорнутого аргументу, що W. Huss навів на користь більш раннього датування цієї події. Перш за все, варто зазначити, що інтерпретація пассажу Арріана, запропонована німецьким дослідником не є незаперечною. Так, ще I. Droysen, хоча також ототожнював Лівію з Киренаїкою [2, S. 106], проте під "дуже великою частиною земель по інший бік" він розумів область т.зв. Аравії, котра відійшла Птолемею в ході першого розподілу сатрапій [2, с. 106 пор. 9, 156. f.1. 5]. M. Austyn пропонує наступний переклад зазначеного пасажу: "Птолемей повинен був управляти Єгиптом, Лівією і усіма територіями, що знаходились поза цим разом з подальшими завоюваннями, які він робив на заході" (Ptolemy was to control Egypt, Libya and all the expanse of territory beyond it together with any further conquests he made to the west [22, p. 71 #30]). У свою чергу, згідно з інтерпретацією, яку запропонував G. Weber, цей фрагмент виглядає наступним чином: "Власне Єгипет, Лівію і загальний обсяг територій, виходячи з того, що ще завойовувалося на заході, повинен був контролювати Птолемей" (Aegypten naemlich, Libyen und die gesamte Ausweitung des Territoriums darueberhinaus, was nach Westen hin noch erworben wurde, sollte Ptolemaios kontrollieren [42, #3]).

Також слід мати на увазі, що хоча у античних джерелах т.зв. Лівія, дійсно, нерідко ототожнювалася з Киренаїкою [24, S. 102 Anm. 40], проте це не було загальноприйнятим правилом [н-д: 13, IV. 5]. Найбільш значущим прикладом, котрий у нашому випадку підтверджує подібний стан речей може служити інший уривок з того ж твору Арріана. Говорячи про перший розподіл сатрапій, який відбувся у Вавилоні після смерті Александра, давній письменник зазначає: "...Птолемей син Лага був призначений управляти Єгиптом і Лівією і частиною Аравії, що прилягає до Єгипту..." [9, 156. f. 1. 5]. Не має жодного сумніву, що у зазначеному проході термін "Лівія" не міг поширюватися на область Кирени. За часів Александра вищезгаданий поліс отримав статус формально незалежного союзника македонської держави [15, XVII. 49; 43, IV. VII. 9; 8, VII. 15; 2, с. 93; 32, S. 86; 44, S. 102-103; 108-109; 6, с. 148, 159; 23, p. 10, 15; 24, S. 70; 1, с. 86] і згодом потрапив під владу Птолемея за ініціативи й на власний розсуд останнього [14, 155. f. 1. 3; 26, XIII. 6; 2, с. 93; 44, S. 102-103, 108-109].

І, нарешті, ми маємо недвозначні свідчення інших джерел, згідно з якими західний приморський кордон Кирени, а отже й усієї Киренаїки [45, II. V. 20, XVII. III. 20; 13, IV. 4; 47, IX. 1. 3], протягом 321-309 р. обмежувався фортецею Автомали, і таким чином проходив по Філеновим жертовникам [див. вище]. Перше таке свідчення міститься у т.зв. Киренській конституції, наданій полісу Птолемеєм приблизно у 321/320 р [47, IX. 1; 11, p. 29; 23, p. 15, 30 not. 25; 24, S. 100-101]. Як видно з цього документу, громадянами Кирени могли вважатися діти киренців від киренянок і лівійських жінок, що проживали на території між Катабатмом на сході [45, XVII. I. 5, 13, III. 22; 34, V. 5; 13, IV. 4-5] і Автомалами на заході [47, IX. 1, 3]: тобто, між двома крайніми точками Киренаїки, котрі, з огляду на цей документ, входили до складу головного полісу області. Друге свідчення ми знаходимо в одному епізоді з "Історичної бібліотеки" Діодора Сицилійского, запозиченому з твору Дуріса Самоського або ж іншого сучасника описуваних подій [32, S. 458 Anm. 2; 49, p. 38-39; 27, p. 70-80]. Розповідаючи про похід Офелли супроти Карфагену [див. вище], Діодор зазначає, що військо киренського династа почало потерпати від голоду і спраги одразу за Автомалами [15, XX. 41-42]. На мій погляд, це свідчення античного автора дозволяє прийти до висновку, що саме Автомали були останнім населеним пунктом, підконтрольним офеллі. Якби кордони Киренаїки на той момент сягали Вежі Євфранта, то династ міг би підготувати належне забезпечення для проходження армії та просування колоністів на додатковому відрізку шляху довжиною, як мінімум, у 150 кілометрів [30, P. 69, 78; 24, S. 101]. Це ж значно полегшило б перехід війська й обозу Офелли під стіни Карфагену.

Залишилося вказати ще на дві обставини, котрі, на мій погляд, тією чи іншою мірою суперечать датуванню, що запропонував W. Huss. По-перше, захоплення карфагенської території у 322/321 р. іде в розріз з тодішньою ростановкою сил у північній Африці. Як відомо, Птолемей вперше захопив Киренаїку, користуючись загостренням соціальної боротьби у місті, а також виступаючи в ролі рятівника всього Пентаполісу від зазіхань військового авантюриста Тіброна [15, XVIII. 19-21; 9, 156. f. 9. 16-19]. При цьому, Карфагеняни у зазначеній ситуації виступили як союзники Киренців проти вищезгаданого Тіброна, але не проти Птолемея [15, XVIII. 21]. За такого стану речей єгипетський сатрап навряд чи став би без нагальної потреби загострювати стосунки з новим сусідом, не зміцнивши своїх позицій у самій Киренаїці. По-друге, зі слів Страбона ми знаємо про морську експедицію, здійснену Офеллою з метою обстеження атлантичного узбережжя Африки [45, XVII. III. 3]. На мою думку, якщо ця експедиція дійсно мала місце [32, S. 457 Anm. 5], то організована вона могла бути Офеллою лише за часів його намісництва у Киренаїці [28, S. 231 Anm. 4; 30, p. 65-84]. При цьому, на мій погляд, варто погодитися з тим, що подібна експедиція мала конкретну практичну мету: налагодження власних торгівельних шляхів до глибинних областей чорної Африки [30, p. 68-69]. Ця ж обставина, у свою чергу, непрямим чином говорить про непідвладність киренському наміснику берегової смуги між Філеновими жертов-

никами і Вежею Євфранта, яка служила кінцевим пунктом одного з таких торгівельних шляхів [див. нижче].

Якщо ж говорити про інший варіант датування, який відкинув W. Huss, а саме про 308/307 р., то він видається мені набагато вірогіднішим аніж попередній. Перш за все, не витримують жодної критики контраргументи, запропоновані німецьким науковцем [див. вище]. Згідно зі свідченням, яке міститься у візантійському лексиконі Суда, Птолемей повернув собі контроль над Киренаїкою одразу після згортання своєї балканської кампанії 308 р. Так, після розповіді про балканську експедицію Птолемея автор лексикону пише наступне: "...він [Птолемей – прим. автора] приплив до Єгипту, [перед цим – прим. автора] встановив Леоніда керівником грецьких справ: і заволодів усією Лівією після того, як Офелла, киренський династ, загинув в наслідок підступності Агатокла з Сицілії" [46, delta. 431; пор. 11, p. 20; 24, S. 179-180; 5, с. 41 прим. 23]. До висновку, згідно з яким єгипетський сатрап знову заволодів Киренаїкою саме під час повернення з Греції до Єгипту також підштовхує наявність кількох киренських проходів, розміщених Афінеєм поряд зі згадкою про бенкет Птолемея, присвячений щасливому поверненню останнього з середземноморської експедиції 309-308 р. [10, III. 100f-101f, VI. 244b-d; пор. 5, с. 41 прим. 23].

З іншого боку, ніщо не могло завадити синові Лага, скористатися дуже скрутною ситуацією, у яку на той момент потрапив Карфаген, навіть з урахуванням того, що єгипетський сатрап не стояв за карфагенською експедицією Офелли. Остання обставина аж ніяк не завадила б Птолемею заволодіти прибережною смугою, і навіть примусити західного сусіда визнати її анексію, як порівняно невелику плату за відмову сина Лага від заключення наступального військового союзу з Агатоклом. Варто також зазначити, що з огляду на напружену, виснажливу боротьбу, що на той момент тривала між Карфагенянами і сиракузьким тираном, посилену внутрішніми негараздами у самому Карфагені [37, VII. 2; 15, XX. 29-34, 38-39, 43-44, 54-61, 63-70, 38, XXII; 26, XXII. 7-8; 33, IV. VI. 28, 31-32], синові Лага Важко було б знайти більш сприятливий момент для розширення західних кордонів Киренаїки.

І нарешті, слід враховувати, що саме після тривалої малоазійсько-балканської експедиції 310-308 р. [48, #390; 15, XX. 19, 27, 37; 35, 7, 15; 36, VIII. 58; 16, II. 115; 40, 260. f. 42; 44, S. 183-188; 20, p. 193-198; 23, p. 19; 24, S. 175-178], єгипетський сатрап був особливо зацікавленний у здобутті контроля над береговою смугою між Філеновими жертовниками і Вежею Євфранта. Тривала експедиція, а особливо балканська кампанія сина Лага, не принесла відчутних територіальних надбань [15, xx. 37; 24, S. 178], проте суттєво спустошила єгипетську скарбницю. Варто лише згадати, що однією з причин, які змусили Птолемея полишити Грецію, стала відмова еллінів забезпечити єгипетського сатрапа певною кількістю фінансів і продовольства [15, XX. 37]. Оволодіння ж вищезгаданою частиною карфагенської берегової смуги дозволило б Птолемею протягом порівняно короткого проміжку часу покращити фінансове становище своєї сатрапії. Завдяки зазначеній військовій акції під контролем сина Лага опинявся кінцевий пункт караванного шляху, що вів з глибин африки до узбережжя середземного моря. Саме цим шляхом до античного світу потрапляли такі коштовні товари, як золото, дорогоцінні камені, слонова кістка, страусове пір'я та чорношкірі невільники [24, S. 103-104; 30, p. 69, 77].

Отже, саме у 308/307 р., на відміну від 322/321 р. або періоду намісництва Офелли, єгипетський сатрап мав не лише найбільш сприятливі умови для розширення західного кордону Киренаїки, але й нагальну потребу скористатися зазначеною можливістю. Непрямі ж свідчення низки античних авторів у сукупності з даними т.зв. Киренської конституції, дозволяють мені прийти до висновку, що Птолемей не приминув цією можливістю скористатися.

1. *Бриан П.* Александр Македонский. – М., 2007. 2. *Дройзен И.* История эллинизма: В 3 т. – Т. 2. – Ростов-на-Дону, 1995. 3. *Зелінський А.Л.* Александрійські фараони та їхні піддані. Зміцнення влади перших Птолемеїв. – К., 2010. 4. *Зелінський А.Л.* До питання про гіпотетичну лояльність Офелли Киренського // Сходознавство. В. 44 (2008). 5. *Зелінський А.Л.* Три примітки до історії діадохів // Східний світ. – 2007. – №1. 6. *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. – М., 1984. 7. Appianus. Sicelica // Appiani Historia Romana: In 2 v. – V. 1. – Lipsiae, 1962. 8. *Arrianus Flavius*. Anabasis. – Lipsiae, 1899. 9. *Arrianus Flavius*. Historia successorum Alexandri // Die Fragmente der griechischen Historiker: In 3 Bd. – Bd. 2. – Berlin–Leiden, 1923–1958.10. Athenaeus. Deipnosophistae: Libri XV: In 2 v. – Lipsiae, 1887. 11. *Bagnall R.* The Administration of the Ptolemaic Possessions Outside Egypt. – Leiden, 1976. 12. *Bengtson H.* Die Hellenistische Weltkultur. – Stuttgart–Wiesbaden, 1988. 13. Claudius Ptolemaeus. Geographia. – Hildesheim, 1966. 14. De historia diadochorum (Epitome heidelbergensis) // Die Fragmente der griechischen Historiker: In 3 Bd. – Bd. 2. – Berlin–Leiden, 1923–1958. 15. Diodorus Siculus. Bibliotheca Historica: In 4 v. – V. 4. – Lipsiae, 1884. 16. Diogenus Laertius. Diogeni Laertii Vita Philosophorum. – Oxford, 1922. 17. *Fraser P.* Ptolemaic Alexandria: In II v. – Oxford, 1972. 18. G. Sallustius Crispus. Bellum Iugurthinum. – Diesterweg, 1974. 19. G. Sallustius Crispus. Historia: Orationes et epistulae de Historiarum libris excerptae. – Patron, 1967. 20. *Garlan Y.* Alliance entre les iasiens et ptolemee Ier // Zeitschrift fuer papyrologie und epigraphik. – Bd. 18 (1975). 21. *Goodchild R.* Arae Philaenorum and Automalax // Papers of the British School at Rome. – V. 20 (1952). 22. The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest. – Cambridge, 2006. 23. *Hoelbl G.* A History of the Ptolemaic Empire. – London, New-York, 2001. 24. *Huss W.* Aegypten in hellenistischer Zeit: 332-30 v.Chr. – Muenchen, 2001. 25. *Huss W.* Geschichte der Karthager. – Muenchen, 1985. 26. *Justinus M.* Junianis. Pompeius Trogus "Historiae Philippicae" Epitome. – Lipsiae, 1911. 27. *Kebric R.* In the Shadow of Macedon. Duris of Samos. – Wiesbaden, 1977. 28. *Kornemann E.* Die letzten Ziele der Politik Alexanders des Groszen // Klio. – Bd. 16 (1920). 29. *Lintott A.* The Roman empire and its problems in the late second century // CAH. – V. 9 (1992). 30. *Martin A.* El periplo norteafricano de Ofelas // Gerión. 2006. #1. 31. *Meltzer O.* Geschichte der Karthager: in III bd. – Bd. I. – Berlin, 1879. 32. *Niese B.* Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. – Gotha, 1893. 33. *Orosius Paulus.* Historiarum adversus paganos libri VII. – Lipsiae, 1889. 34. *Plinius Secundus*. Historiae Naturalis: In 5 v. – Lipsiae, 1871–1874. 35. Plutarchus. Demetrius // Plutarchus. Vitae Parallelae: Demetrii et Antonii. – Lipsiae, 1875. 36. Polyaenus. Strategmata. – Lipsiae, 1899. 37. Polybius. Historiae: In 2 v. – Lipsiae, 1882. 38. Pompeius Trogus. Prolegomena ad Historiam Philippicam // Pompei Trogi fragmenta. – Lipsiae, 1956. 39. Pomponius Mela. De Chorographia. – Ann Arbor, 1998. 40. Porphyrius. Fragmenta // Die Fragmente der griechischen Historiker: In 3 Bd. – Bd. 2. – Berlin–Leiden, 1923–1958. 41. Pseudo-Scylax. Periplus // Geographi graeci minores: in 2 v. – V. 2. – Paris, 1882. 42. Quellen zur Vorlesung "Geschichte des Hellenismus". – Eichstaett, 1999. 43. Quintus Curtius Rufus. Historiarum Alexandri Magni Regis Macedonum; Libri qui supersunt // Курций Руф. История Александра Македонского (сохранившиеся книги. – М., 1963. 44. Seibert J. Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. – Muenchen, 1969. 45. Strabo. Rerum Geographicorum. – Libri 17. – Halle, 1899. 46. Suda. Lexicon: In 4 v. – Leipzig, 1928–1935. 47. Supplementum Epigraphicum Graecorum: In 30 v. – Leiden, 1923–1980. 48. Sylloge inscriptionum Graecarum: In 4 v. – Lipsiae, 1915–1924. 49. Ullman B. History and Tragedy // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. v. 73 (1942). 50. Valerius Maximus. Factorum et dictorum memorabilium libri novem. Cambridge (Mass.), 2000.

Надійшла до редколегії 13.03.12

А. Ильин-Томич, асп.
(г. Москва, Россия)

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА, ИНДИКАТОРЫ СТОЛИЧНОГО ИЛИ ФИВАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

Было предпринято исследование древнеегипетских личных имен, встречающихся в источниках позднего Среднего царства, чтобы выявить имена, указывающие на фиванское или столичное происхождение владельца. Было найдено шесть имен (групп имен), указывающих на происхождение из Фив или соседних областей Верхнего Египта, и 12 имен, указывающих на происхождение из Столичного региона или соседних областей.

A study of Egyptian private names in the late Middle Kingdom sources was undertaken to pinpoint the personal names indicating either Theban or residential origin. Six names (or groups of names) were found to indicate an origin from Thebes or the neighboring regions and 12 names were attributed to the residence or the neighboring regions.

Этот доклад продолжает серию работ, посвященных географической атрибуции частных памятников Среднего царства [2; 3; 7].

Исследователи эпиграфики Среднего царства уже давно пытаются определять происхождение семей, члены которых названы на поминальных памятниках, по их именам. У. К. Симпсон писал, что если не считать немногочисленные случаи, когда происхождение владельцев абидосских стел отражено в их титулах, основным показателем происхождения владельцев являются имена [10, p. 4, n. 27]. Нередко индикаторами места происхождения людей считаются имена, связь которых с определенным регионом кажется исследователю очевидной: имена, образованные от имен местных богов (см., например, [11, p. 161]), или имена местных князей. Многие исследователи считают все имена, производные от имени Амона, фиванскими [8, p. 232–233], хотя уже У. К. Симпсон указал на то, что это не всегда так [10, p. 4, n. 27]. Приводятся также результаты изучения имен на памятниках отдельных регионов. Д. Франке выделил типичные элементы элефантинских имен: *ḥqꜣ-jb, ṯnj, sṯt, ꜥnqt* и предложил отличать по таким именам установленные на Элефантине памятники местных жителей от памятников заезжих чиновников [5, S. 91]. О. Д. Берлев отмечал, что имя mmj в эпоху Среднего царства было характерно для некрополя Саккары [1, с. 95].

Распространение личных имен в разных регионах Египта в эпоху Среднего царства никогда систематически не исследовалось. Попытка такого исследования на материале поздней XII и XIII династии (от правления Сенусерта III до конца XIII дин., 1872–1645 гг. до н. э.) делается в настоящем докладе. В его основу положен корпус памятников этого периода с надежной географической атрибуцией, составленный по приведенным ниже принципам.

Задача состоит прежде всего в том, чтобы выявить имена, по которым можно различить памятники чиновников из двух важнейших центров Египта того времени: Мемфисско-Файюмского региона, где находилась царская резиденция, и Фиванской области. Именно из этих двух регионов происходит наибольшее число источников. Хронологические рамки данного исследования обусловлены тем, что частные памятники из Нижнего Египта и Мемфисско-Файюмского региона после XIII династии почти не известны.

Учитывались все категории источников, которые могут содержать личные имена. Было отобрано 647 источников поздней XII и XIII династии, для которых достоверно известно или достаточно надежно устанавливается происхождение упомянутых в них лиц. В их числе 239 стел, 101 статуя, 22 жертвенных столика, 15 наосов и пьедесталов, 4 наскальные надписи, 20 гробниц и гробничных блоков, 61 саркофаг, 164 печати, 14 иератических документов и групп документов и 7 прочих памятников.

По происхождению эти источники были разделены на 10 регионов: Элефантина (11 источников), II–III номы Верхнего Египта (19 источников), Гебелейн и Ризейкат (20 источников), Фиванская область (включая Армант и Тод, 151 источник), V–VII номы Верхнего Египта (сюда же я отнес единственное свидетельство об именах из Ахмима, всего 23 источника), VIII ном Верхнего Египта (37 источников), Антеополь (55 источников), Средний Египет (XI–XVI номы Верхнего Египта, 49 источников), Мемфисско-Файюмский регион (259 источник), Дельта (14 источников).

Были исключены памятники чиновников, которые известны по надписям из разных частей Египта: как правило, это обладатели высших титулов: *ṯꜣtj* "визирь", *jmj-rꜣ pr wr* "распорядитель великого хозяйства", *jmj-rꜣ ḫtmt* "распорядитель казны".

Помимо памятников с установленным происхождением были привлечены источники, которые можно надежно атрибутировать по данным просопографии, содержанию надписей, титулам или по характерным признакам, но только тем, которые были установлены без опоры на данные ономастики. Памятники, географическая атрибуция которых основана на употреблении характерных личных имен, не учитывались во избежание логической тавтологии.

При отборе памятников Мемфисско-Файюмского региона привлекался обоснованный мной иконографический признак – расположение глаз на поперечине ложной двери или в нижней части стелы [7]. Для стел Антеополя использован весь комплекс признаков и свойств антеопольских памятников, описанный в моей статье [3]. Особое внимание было уделено отбору источников, упоминающих жителей регионов, где располагались крупные культовые центры, привлекавшие выходцев из разных областей Египта, которые устанавливали там свои памятники. Из абидосских источников к VIII верхнеегипетскому ному были отнесены лишь те поминальные памятники, на которых была явно обозначена связь с Абидосом (местные жреческие и административные титулы), а также печати и скарабеи из прихрамового города Сенусерта III Уахсут. Из элефантинских памятников были взяты только те, на которых явно обозначена связь владельца с Элефантиной (памятники князей Элефантины и их родственников). Памятники, найденные в остальных регионах, рассматривались как местные, если не было признаков, заставляющих в этом сомневаться.

Всего было расписано 3265 имен; повторные упоминания одного и того же имени в одном источнике не учитывались. Таким образом, речь идет о 3265 уникальных парах "имя – памятник".

В результате были найдены имена, распространенность которых в отдельных регионах значительно была значительно выше, чем в среднем по выборке. Собранный материал позволил выявить 18 имен или групп имен, которые были широко распространены только в

© Ильин-Томич А., 2012

одном или нескольких регионах (разумеется, установленные закономерности не обходятся без исключений, потому что египетские чиновники были весьма мобильны). Такие имена можно использовать для географической атрибуции памятников.

В таблице приводятся имена, для которых есть не менее десяти примеров употребления в Фиванском или Мемфисско-Файюмском регионе. Указывается число упоминаний имени в источниках из каждого региона; в скобках указывается доля таких имен среди имен, зафиксированных в данном регионе (только для регионов, в которых насчитывается более 100 имен).

Имя	Элефантина	II–III номы В. Е.	Гебелейн	Фиванская Область	V–VII номы В. Е.	VIII ном В. Е.	Антеополь	Средний Египет	Мемф.-Файюмский регион	Дельта
Имена, указывающие на происхождение из Фив										
sꜣ-jmn и *sꜣt-jmn*	0	0	0	27 (2,7%)	2	0	0	0	2 (0,1%)	0
ḫnsw и производные	0	0	0	17 (1,7%)	0	0	0	0	1 (0,1%)	0
Имена, указывающие на происхождение из Фив или Верхнего Египта южнее Ахмима										
Имена с элементом *nbw**	0	5 (4,7%)	4	38 (3,8%)	6	1	3 (0,9%)	0	2 (0,1%)	0
jꜥ-jb, jb-jꜥ, jꜥt-jb	0	1 (0,9%)	1	19 (1,9%)	0	0	0	1 (0,9%)	8 (0,6%)	1
nfrw	0	2 (1,9%)	0	11 (1,1%)	0	0	0	1 (0,9%)	1 (0,1%)	0
rn.f-rs и *rn.s-rs*	0	1 (0,9%)	1	11 (1,1%)	0	1	0	0	0	0
Имена, указывающие на происхождение из Мемфисско-Файюмского региона										
Производные от тронных и Хоровых имен царей XII дин.**	2	0	0	6 (0,6%)	2	3	1 (0,3%)	4 (3,6%)	60 (4,2%)	2
snfrw и производные	0	0	0	0	0	0	1 (0,3%)	0	38 (2,6%)	0
mkt и производные	0	0	0	1 (0,1%)	0	0	0	0	17 (1,2%)	0
(*j*)*kkj* и *kkw*	0	0	0	1 (0,1%)	0	0	0	0	15 (1,0%)	0
ḫntj-ḫtjj и производные (в т. ч. с одним элементом *ḫntj*)	0	0	0	0	0	0	0	0	14 (1,0%)	2
sꜣ-sbk и *sꜣt-sbk*	1	0	1	0	0	1	1 (0,3%)	0	11 (0,8%)	0
jpj и производные	0	0	0	2 (0,2%)	0	1	0	1 (0,9%)	11 (0,8%)	0
Имена, указывающие происхождение из Мемфисско-Файюмского региона или областей севернее Ахмима										
jmnjj и производные	3	0	0	7 (0,7%)	1	5	3(0,9)	1 (0,9%)	28 (1,9)	3
*ppj, pjpj**** и производные	0	0	0	1 (0,1%)	0	1	0	2 (1,8%)	19 (1,3%)	0
s-n-wsrt-ꜥnḫ; s-n-wsrt-snb; jmn-m-ḥꜣt-ꜥnḫ; jmn-m-ḥꜣt-snb	0	0	0	2 (0,2%)	0	0	1 (0,3%)	2 (1,8%)	17 (1,2%)	0
ḥtp, ḥtpt	0	0	0	2 (0,2%)	0	0	9 (2,8%)	1 (0,9%)	12 (0,8%)	0
rn.f-ꜥnḫ и *rn.s-ꜥnḫ*	0	0	0	2 (0,2%)	0	1	7 (2,2%)	0	11 (0,8%)	0

*Кроме *nbw-kꜣw-rꜥ* — имени Аменмехета II и производных от него, а также имен *nbw* без дополнений и *njt-nbw*, которые были распространены преимущественно в Мемфисско-Файюмском регионе.

**В ономастике Среднего царства засвидетельствованы производные от имен Аменемхета I (*sḥtp-jb-rꜥ*), Сенусерта I (*ḫpr-kꜣ-rꜥ, ꜥnḫ-mswt*), Аменемхета II (*nbw-kꜣw-rꜥ*), Сенусерта II (*ḫꜥ-ḫpr-rꜥ*), Сенусерта III (*ḫꜥ-kꜣw-rꜥ*), Аменемхета III (*nj-mꜣꜥt-rꜥ*) и Аменемхета IV (*mꜣꜥ-ḫrw-rꜥ*).

***Чтение имени как pjpj в эпоху Среднего царства подтверждается вариантом со стелы Stockholm NME 29: . Отсутствие подобного полного варианта написания в надписях Старого царства заставило Г. Дж. Фишера выступить против такого чтения [4].

Среди имен, характерных для Мемфисско-Файюмского региона, обращают на себя внимание производные от имен чтимых там царей, как Старого царства (Снофру, Пепи), так и XII династии, в частности образованные от тронных и Хоровых имен царей XII династии, а также некоторые производные от личных: *s-n-wsrt-ꜥnḫ; s-n-wsrt-snb; jmn-m-ḥꜣt-ꜥnḫ; jmn-m-ḥꜣt-snb*. К этой группе примыкает и имя *jmnjj*. Хотя некоторые исследователи рассматривали его как теофорное имя, связанное с культом Амона [11, p. 161], особенности его географического распространения заставляют интерпретировать его в эпоху Среднего царства исключительно как басилеофорное, образованное от личного имени четырех царей XII династии *jmn-m-ḥꜣt*.

На основании собранного материала можно выдвинуть гипотезу, что граница распространения имен, характерных для Фив, и имен, характерных для столицы, проходила по VIII–IX номам Верхнего Египта (что совпадает с северной границей региона *tp rsj* "крайнего Юга", который управлялся из Фив [9, p. 114–118]). Но этот вопрос требует дальнейшего изучения

Удалось выявить 6 имен или типов имен, указывающих на происхождение из Фив или Верхнего Египта южнее Ахмима, 12 имен или групп имен, указывающих на происхождение из Мемфисско-Файюмского региона, Дельты или Верхнего Египта севернее Ахмима.

Некоторые из этих имен уже привлекали внимание исследователей. П. Верню доказывал, что имена с компонентом nbw наравне с титулами *wr-mḏw-šmꜥw* "великий десяток Юга", *sꜣb rꜣ-nḫn* "судья, уста Иераконполя", *ḥrj-tm* (значение неизвестно), *ḫkrt nsw* "украшение царево" (женский почетный титул) и *bꜣkt nt ḥkꜣ* "невольница правителя" (женский почетный титул) могут служить датировочными признаками памятников XIII династии и II Переходного периода [12]. Собранный здесь материал показывает, что часть найденных Верню признаков не столько хронологические, сколько географические. Их большая распространенность на памятниках II Переходного периода объясняется тем, что большинство надписей этого периода происходит из Верхнего Египта. Среди памятников позднего Среднего царства, отобранных для исследования, титулы, выде-

ленные Верню, как и имена с nbw, преобладают в надписях из Фив и Верхнего Египта южнее Ахмима. В таблице ниже собраны сведения о географическом происхождении памятников с рассматриваемыми титулами (в скобках указан процент памятников с тем или иным титулом от общего числа памятников региона):

Титул	Элефантина	II–III номы В. Е.	Гебелейн	Фиванская область	V–VII номы В. Е.	VIII ном В. Е.	Антеополь	Средний Египет	Мемф.-Файюмский регион	Дельта
wr-mḏw-šmʿw	0	2	2	16 (11%)	1	1	0	0	6 (2%)	0
sꜣb rꜣ-nḫn	0	1	1	6 (4%)	1	0	0	0	0	0
ḥrj-tm	0	2	1	10 (7%)	1	0	0	0	2 (1%)	0
ḫkrt nsw	0	0	1	6 (4%)	2	0	0	0	1 (0%)	0
bꜣkt nt ḥkꜣ	0	2	2	1 (1%)	1	0	0	0	0	0

Таким образом, употребление этих титулов может рассматриваться как один из индикаторов происхождения владельца из Верхнего Египта.

У. Хэйс предполагал, что имена, образованные от имени бога *ḫntj-ḫtjj*, которые часто встречаются в записях папируса Brooklyn 35.1446, лишенных географических отсылок (в данной работе использованы лишь те записи этого папируса, в которых происхождение людей указано явно), можно связать с Гебель-эс-Сильсилой [6, p. 16]. Помимо этого папируса никаких иных сведений о широком распространении подобных имен в Верхнем Египте нет. В 1970 году П. Верню собрал имена с элементом *ḫntj-ḫtjj*, встречающиеся в источниках Среднего царства. Проанализировав их географическое происхождение, он пришел к выводу, что они были распространены прежде всего в Среднем и Нижнем Египте [11, p. 162, 165–166] (мои наблюдения это подтверждают). Их распространение в этом регионе было связано с культом Хентихети в Атрибисе (южная Дельта) [13, p. 367–416].

В заключение хотелось бы отметить, что полученные в работе результаты не позволяют безусловно относить обладателей выделенных имен к тому или иному региону. Для получения надежных атрибуций требуется сочетание нескольких характерных имен или иных признаков на одном памятнике.

1. *Берлев О. Д., Ходжаш С. И.* Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Каталог. – М., 2004. 2. *Ильин-Томич А. А.* Имя Хахеперрасенеба // Проблемы истории и культуры Древнего Востока. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Григория Максимовича Бонгард-Левина. – М., 2010. – С. 45–48. 3. *Ильин-Томич А. А.* Памятники жителей Антеополя в Абидосе конца XII–XIII династии: признаки и общие черты // Петербургские египтологические чтения 2009–2010. Доклады. – СПб., 2011 (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 55). – С. 92–102. 4. *Fischer H. G.* The Transcription of the Royal Name Pepy // Journal of Egyptian Archaeology. – 1989. – Vol. 75. – P. 214–215. 5. *Franke D.* Das Heiligtum des Heqaib aus Elephantine: Geschichte eines Provinzheiligtums im Mittleren Reich. – Heidelberg, 1994 (Studien zur Archäologie und Geschichte Altägyptens. 9). 6. *Hayes W. C.* A Papyrus of the Late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum. Papyrus Brooklyn 35.1446. – S. l., 1955. 7. *Ilin-Tomich A. A* Twelfth Dynasty Stela Workshop (Possibly from Saqqara) // Journal of Egyptian Archaeology (в печати). 8. *Postel L.* Notes sur les proscynèmes à Amon-Rê dans la nécropole thébaine au Moyen Empire // Memnonia. Bulletin édité par l'Association pour la Sauvegarde du Ramesseum. – 2000. – T. 11. – P. 227–240. 9. *Quirke S.* Titles and Bureaux of Egypt 1850–1700 BC. – London, 2004 (Golden House Publications. Egyptology. 1). 10. *Simpson W. K.* The Terrace of the Great God at Abydos: The Offering Chapels of Dynasties 12 and 13. – New Haven–Philadelphia, 1974 (Publications of the Pennsylvania-Yale Expedition to Egypt. N. 5). 11. *Vernus P.* Sur une particularité de l'onomastique du Moyen Empire // Revue d'égyptologie. – 1970. – T. 22. – P. 155–169. 12. *Vernus P.* Une formule des shaouabtis sur un pseudo-naos de la XIIIe dynastie // Revue d'égyptologie. – 1974. – T. 26. – P. 100–114. 13. *Vernus P.* Athribis. Textes et documents relatifs à la géographie, aux cultes et à l'histoire d'une ville du Delta égyptien à l'époque pharaonique. – Le Caire, 1978 (Bibliothèque d'étude. T. 74).

Надійшла до редколегії 13.03.12

С. Карпюк, д-р ист. наук, вед. научн. сотр.
(г. Москва, Россия)

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В "ИСТОРИИ" ФУКИДИДА

В статье рассматривается влияние жизненного пути Фукидида на описание исторических событий.
The article deals with the influence of Thucydides' biography upon his description of historical events.

Влияние перипетий жизненного пути на труд историка – обычная, можно сказать, тривиальная тема научных исследований, причем не только тех, которые посвящены изучению античной исторической традиции. Фукидид – не исключение: ученые многократно и пытались восстановить (насколько это возможно) его биографию, и стремились найти следы ее влияния в тексте "Истории" Фукидида. Впрочем, поиск этих следов был сконцентрирован на двух темах: (1) Фукидид и Перикл и (2) Фукидид и Клеон [9, с. 204–209; 6, с. 455–458; 11, с. 220–237; 7; 12]. Можно разве что добавить еще (3) личный опыт историка, пережившего эпидемию чумы [4; 10, с. 87–108]. Важность всех этих тем сомнению не подлежит: очевидно, что в молодости будущий историк испытал огромное влияние и личности, и идей Перикла [8]. Также не подлежит сомнению, что изгнание Фукидида из родного полиса, очевидно, инициированное Клеоном, наложило неизгладимый отпечаток на описание деятельности этого демагога в "Истории". Но этими темами биографический фактор в труде Фукидида не исчерпывается. В настоящей статье будет сделана попытка обратиться к другим моментам и деталям биографии великого историка, которые отразились в его труде. Это: (1) фракийское происхождение Фукидида; (2) тот факт, что стратег Фукидид потерпел неудачу под Амфиполем именно в зимнее

© Карпюк С., 2012

время. Характерно, что оба этих момента специально исследователями творчества Фукидида не рассматривались.

(1) Сначала остановимся на общеизвестных фактах о происхождении Фукидида. Фукидид, сын Олора (Thuc. IV, 104, 4), из Галимунтского дема – таково полное имя знаменитого историка. Само имя его отца может свидетельствовать о его фракийском происхождении, причем происхождении из царского рода (Hdt. VI, 39). Отец Фукидида был назван в честь фракийского царя Олора. Конечно, в значительной части случаев иноземные имена афинских граждан вовсе не предполагали иноземных предков, а были, скорее, свидетельством ксенических отношений родителей. Однако в данном случае это очевидно не так: никакие ксенические отношения не могут объяснить того, что Фукидид владел во Фракии наследственным правом на аренду рудников, и, вместе с тем, пользовался определенным политическим влиянием в этом регионе (Thuc. IV, 105, 1). Кроме того, наблюдения Фукидида об экономике Фракии (Thuc. II, 97), мифах фракийцев (Thuc. II, 39) и дикости фракийцев (Thuc. VII, 29, 3), о поражении, которое потерпели греческие поселенцы от фракийцев под Драбеском (Thuc. I, 100, 3) совсем не похожи на домыслы стороннего наблюдателя, поверхностно знакомого с предметом.

Посмотрим на "генеалогическое древо" великого историка. Наряду со знаменитыми афинскими политическими деятелями-аристократами (Мильтиадом Младшим, Кимоном, Фукидидом, сыном Мелесия) мы обнаруживаем фракийского царя Олора, пра-правнуком которого он и являлся. Этот факт можно счесть и совершенно незначащим для характеристики жизненного пути и взглядов историка, если бы не другие факты его биографии, не менее существенные. Поздний биограф Маркеллин сообщает о том, что его мать звали Гегесипилой (Marcell. Vita Thuc. 2) и что женой Фукидида была тоже фракиянка (Marcell. Vita Thuc. 19). Пусть это поздняя версия, придумка биографа, чьи сведения не вызывают доверия современных исследователей. Хотя косвенные подтверждения факту "фракийского брака" историка найти можно – его дочь после смерти отца, возможно, жила во Фракии.

Каков же был источник богатства семьи Фукидида и самого историка? Очевидно, этот источник не находился в самих Афинах: после обвинительного приговора 423 г., сопровождавшегося изгнанием из родного города, и, как можно обоснованно предположить, конфискацией имущества, Фукидид никаких материальных затруднений не испытывал. В изгнании он разъезжал по Греции, отдав всё свое время написанию труда.

В вытеснении персов из Северной Эгеиды афинским флотом и силами афинян и союзников большая роль принадлежала Кимонидам (вспомним и неудачную экспедицию Мильтиада Младшего после Марафонской победы) и, прежде всего, самому Кимону, которому историк Фукидид приходился внучатым племянником. В своем труде Фукидид, сразу после успеха Кимона при Евримедонте, описывает отпадение Фасоса от Афин (в 466/5 г.) и его подчинение афинянами (в 463/2 г.) (Thuc. I, 100, 1–2; 101, 3), а также неосуществленную попытку спартанцев помочь фасосцам (Thuc. I, 101, 1–2).

Неудивительно, что после утраты персами контроля над Фракией Кимон смог через свое влияние и лично-династические связи установить контроль над рудниками. Не исключено, что Фукидид в какой-то мере мог выступать как "наследник" влияния Кимона, и право аренду фракийский рудников – результат этого влияния. Другая возможность – через жену историка, тоже фракиянку, о которой сообщает Маркеллин: "Женился Фукидид на фракиянке из Скаптегилы, женщине очень богатой и владевшей во Фракии приисками" (Marcell. Vita Thuc. 19).

Так что источник богатства Фукидида – право на аренду золотых рудников во Фракии, которую Фукидид, возможно, делил с фракийскими вождями. Сам историк с определенностью утверждает о принадлежавшем наследственном праве на аренду фракийских рудников (возможно, Пангейских) и вытекающем из этого политическом влиянии во фракийском регионе (Thuc. IV, 105).

Фукидиду не пришло в голову вкладывать речи в уста фракийский вождей, он был хорошо осведомлен (как и Ксенофонт) о дикости нравов фракийцев. Этим, возможно, объясняется особо эмоциональное описание резни, которую устроили фракийские наемники в греческом городе Микалессе (Thuc. VII, 30). Однако породниться с фракийской знатью зазорным Фукидид не считал.

(2) Обратимся теперь к тем сложным чувствам, которые историк питал к зиме (подробнее: [1, с. 14–22]). Слово *kheimon* ("зима") – одно из наиболее часто встречающихся в труде Фукидида, который делил год на лето (*theros*) и зиму (*kheimon*), считая подобное деление важным усовершенствованием традиционной хронологии и своим личным вкладом в развитие исторической мысли (Thuc. V, 20, 2–3). В "Истории" Фукидида не содержится четкого определения лета или зимы; нет там и развернутой критики традиционной системы хронологии по годам [5, с. 1]. Однако, если присмотреться повнимательнее, фукидидовская *kheimon* обозначает скорее не время года, а период военных действий, зимнюю кампанию, в противоположность летней. Собственно говоря, *kheimon* – это период неблагоприятных погодных условий с частыми дождями и более редкими снегопадами, характерный для средиземноморского климата с ноября по февраль, "низкий сезон" военных действий. Оно зафиксировано в так называемом "втором вступлении": "Вернее исследовать события по периодам времени, не отдавая предпочтения перечислению имен лиц должностных или иных, облеченных теми или иными почетными должностями в каждом государстве, по которым обозначаются прошлые события. Такое исчисление неточно, так как то или иное событие имело место в начале, середине или в какой-нибудь другой срок службы такого лица. Напротив, ведя счет по летним и зимним кампаниям (*kata there de kai kheimonas arithmon*), как это сделано у меня, и считая каждую из этих кампаний за половину года, можно насчитать десять летних и столько же зимних кампаний (*deka men there, isous de kheimonas*) в этой первой войне" (Thuc. V, 20, 2–3) (использован русский перевод [2], с некоторыми изменениями).

Несмотря на провозглашаемую точность усовершенствованной историком хронологии, в действительности она не слишком точна. Из приведенного выше "теоретического" пассажа следует, что зима составляет половину года (шесть месяцев), в других местах она представляется как треть года (четыре месяца): так, афинский полководец Никий жаловался, что экспедиционный корпус в Сицилии на четыре зимних месяца будет отрезан от Афин (Thuc. VI, 21, 2). Соответственно и весна (*ear*), и осень (*phthinoporon*) для Фукидида – часть лета, точнее, летней кампании (*theros*) [5, с. 6]. Граница между двумя "основными" временами года достаточно была условна и часто сдвигалась историком, исходя из стилистических либо композиционных соображений.

При этом, несмотря на частое упоминание зимы, описание самих зимних холодов – крайне редкое явле-

ние в "Истории" Фукидида. В этой связи можно разве что упомянуть косвенное упоминание о трудностях афинян при осаде Потидеи (Thuc. II, 70, 1–2), зимнее отступление фракийского вождя Ситалка из Халкидики (II, 101, 5–6), прорыв пелопоннесской блокады платейским отрядом зимой (Thuc. III, 22, 1 sqq.), успешный зимний марш-бросок Брасида на Амфиполь (Thuc. IV, 101, 1 sqq.) и, в какой-то мере, описание грозы во время зимнего сражения в Сицилии (Thuc. VI, 70, 1). Знаменательно, что историк, несмотря на явную приверженность гомеровской лексике, ни разу не употребил слова *khion* ("снег"), и только дважды – глагол *hyponeiphein* ("[немного] снежить, идти [о снеге]") [3, s.v.].

Можно с полной уверенностью утверждать, что Фукидид, сын Олора, у которого были немалые связи во Фракии, который обладал правом разработки золотых рудников на Фасосе и долгое время жил на греческом севере ("в зимней стране"), неоднократно сталкивался с зимними холодами и морозами. И нельзя сказать, что они были совершенно несущественных фактором при ведении военных действий. Уж, во всяком случае, афинские демократы под водительством Фрасибула должны были благодарить судьбу или Зевса за тот восхитительный снегопад зимой 404/3 г., который не позволил ополчению "тридцати правителей" отбить захваченную Фрасибулом Филу (Xen. Hell. II, 4, 3). В чем же тогда причина почти полного умолчания о холодах и морозах в труде Фукидида?

Нужно обратиться к анализу фукидидовского описания стремительного наступления Брасида на Амфиполь, который привел к сдаче города спартанцам зимой восьмого года войны (424/3 г.). Это событие резко повлияло как на политическую карьеру, так и на всю биографию Фукидида.

Итак, двигаясь от Халкидики к Амфиполю, Брасид "…после обеда продолжал путь ночью. Была зима, и шел снег; ввиду этого Брасид и продвигался быстрее (*kheimon de en kai hypeneiphen he kai mallon hormese…*)" (Thuc. IV, 103, 1–2). Сам Фукидид сразу после этого смог поспешно (*kata takhos*) передислоцировать свою эскадру с острова Фасос в Эйон при отсутствии какой-либо бури на море (Thuc. IV, 104, 5).

Соответственно в пятом параграфе той же главы, вопреки мнению большинства переводчиков, речь идет о зиме, а не о буре: "…Ему [Брасиду. – *С.К.*] способствовала и измена, и зимняя пора (*hama de kai kheimonos ontos*), и неожиданность штурма" (Thuc. IV, 103, 5). Фукидид не ожидал столь быстрого зимнего броска Брасида на Амфиполь. Хотя именно от Брасида афинский стратег мог бы ожидать подобного пренебрежения "правилами игры". За пять лет до рассматриваемых событий в начале зимы третьего года войны (429/8 г.) Брасид в числе других пелопоннесских военачальников планировал нападение на Пирей; и, хотя оно не достигло цели, спартанцам удалось опустошить остров Саламин (Thuc. II, 93–94).

Возможно, афинский стратег Фукидид хорошо запомнил зимнюю неудачу Ситалка, но не зимнюю попытку Брасида. Потому-то он и оставался на Фасосе, в непозволительном отдалении от театра военных действий; активные военные действия зимой, под снегом, в "суровой стране" Халкидике (Thuc. II, 70, 2) представлялись ему маловероятными.

Афинский историк Фукидид стремился, если не оправдать, то объяснить оплошность стратега. Введение "зимней кампании" как хронологической единицы было как раз к месту: стратег действовал правильно, согласно традиции, а Брасид нарушил ее, отступив от обычного порядка ведения войны. Как отступили от него и оказавшиеся в безвыходном положении платейцы, прорвавшие пелопоннескую блокаду города именно зимой, под снегом и по тонкому льду, когда холодная вода во рву доходила им до горла (Thuc. III, 22–23). При этом не стоит подозревать Фукидида в необъективности, в злонамеренной "подгонке" описания событий под некую абстрактную схему: в своем повествовании он неоднократно упоминал военные действия именно в зимний период.

Фукидидовское деление года на зимнюю и летнюю кампании было достаточно искусственным, и не прижилось в древнегреческой историографии. Показательно, с какой легкостью избавляется от этого деления продолжатель Фукидида Ксенофонт в своей "Греческой истории". Вначале ученик еще как-то пытался следовать мэтру: "На другой год афиняне окружили стеной Форик…" (Xen. Hell. I, 2, 1); "и вот пришла зима (*kai kheimon epeei*)", в течение которой сиракузские военнопленные бежали из заточения (Xen. Hell. I, 2, 14). Лексические различия между Фукидидом и Ксенофонтом очевидны: понятие "летней кампании" Ксенофонт не использует изначально, заменяя "лето" "годом", да и зима в дальнейшем быстро исчезает из датировочных характеристик.

Из всего вышесказанного напрашивается вывод о том, что биографический фактор играл большее значение в труде Фукидида, чем обычно предполагают исследователи, сконцентрировавшиеся по большей части на изучении враждебного отношения основателя научной историографии к демагогу Клеону. Объективность Фукидида, как и объективность любого другого историка, не могла быть абсолютной. Однако Фукидид сумел сделать так, что его собственные личные побуждения и пристрастия не превалировали в описании событий. Но от их проявлений он избавиться, как и любой другой представитель античной историографии, да и любой другой историк вообще, он избавиться не смог (или не хотел?).

Субъективный импульс Фукидид использовал для написания первого научного (по большому счету, и в современном понимании) исторического труда, и тем подал пример многим поколениям историков. "Великая война", современником которой он стал, стала несчастьем для всей Греции, но побудила историка собирать факты; крах военно-политической карьеры привел его к мысли написать исторический труд; неготовность стратега-Фукидида воевать зимой, под снегом, привела к отходу от анналистической схемы описания событий и выделения летних и зимних кампаний. Т.е. субъективизм Фукидида парадоксальным образом стал фундаментом его объективности.

1. *Карпюк С.Г.* Зима и зимние кампании в "Истории" Фукидида // Вестник древней истории. – 2006. – № 3. – С. 14–22. 2. *Фукидид.* История / Пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева под ред. Э.Д. Фролова. – СПб., 1999. 3. *Bétant E.A.* Lexicon Thucydideum. – Vol. 1–2. – Hildesheim, 1961. 4. *Connor W.R.* The New Politicians of Fifth-century Athens. – Princeton, 1971. 4. *Craik E.M.* Thucydides on the Plague: Psychology of Flux and Fixation // Classical Quarterly. – 2001. – 51.1. – P. 102–108. 5. *Gomme A.W.* A Historical Commentary on Thucydudes. – Vol. II. – Oxford, 1956. 6. *Gribble D.* Individuals in Thucydides // Brill's Companion to Thucydides / Ed. A. Rengakos, A. Tsakmakis. – Leiden–Boston, 2006. –P. 439–468. 7. *Nikolai W.* Thukydides und die perikleishe Machtpolitik // Hermes. – 1996. – Bd 124. – S. 246–281. 8. *Podlecki A.J.* Perikles and His Circle. – London, 1998. 9. *Raaflaub K.* Thucydides on Democracy and Oligarchy // Brill's Companion to Thucydides / Ed. A. Rengakos, A. Tsakmakis. – Leiden–Boston, 2006. – P. 189–222. 204–209 – о Перикле и Клеоне 10. *Thomas R.* Thucydides' Intellectual Milieu and the Plague // Brill's Companion to Thucydides / Ed. A. Rengakos, A. Tsakmakis. – Leiden–Boston, 2006. – P. 87–108. 11. *Vogt J.* The Portrait of Pericles in Thucydides // Thucydides (Oxford Readings in Classical Studies) / Ed. J.S. Rusten. – Oxford–New York, 2009. – P. 220–237. 12. *Westlake H.D.* Individuals in Thucydides. – Cambridge, 1968.

Надійшла до редколегії 13.03.12

Т. Корниенко, канд. ист. наук, доц.
(г. Воронеж, Россия)

"ТОТЕМНАЯ КОЛОННА" ИЗ СЕКТОРА L9 – 46 II-ГО СЛОЯ ГЁБЕКЛИ ТЕПЕ В КОНТЕКСТЕ СВИДЕТЕЛЬСТВ СИМВОЛИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ ЭПОХИ ДОКЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА

В X-VIII тыс. до н.э. в Верхнем Двуречье существовала широко распространенная система символов, где вертикально установленным плитам, специально оформленным столбам и пилястрам отводилось центральное место. Статья рассматривает "Тотемную колонну" из сектора L9 – 46 II-го слоя Гёбекли Тепе в контексте свидетельств символического содержания Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита

In the X-VIII millennium BC in Upper Mesopotamia there was a widespread system of symbols where the standing stones, specially decorated pillars and pilasters were allotted a central place. The article examines the "Totem Pole" from Area L9 – 46 of Layer II of* Göbekli Tepe *in the Context of Symbolic Evidence of Northern Mesopotamia of Aceramic Neolithic Period

Особая концентрация и наибольшее количество свидетельств символического содержания эпохи докерамического неолита в Северной Месопотамии отмечается при исследовании материалов Гёбекли Тепе. Т-образные стелы К. Шмидт, автор раскопок, однозначно называет главным определяющим символом данного комплекса [11, s. 116]. На сегодняшний день уже обнаружено <50 стел, общее предполагаемое количество не менее 200. Среди их изображений самые популярные – мотивы змеи и других рептилий, а также букрании, фигуры лис, кабанов, водоплавающих птиц и насекомых; значительно реже встречаются антропоморфные мотивы.

Композиционное размещение рельефов, горельефов и скульптурных фигур на стелах Гёбекли Тепе формально можно разделить на несколько групп:

1) Изображения рук, выполненные на передней и боковых гранях стелы, придающие ей черты антропоморфного существа (стелы типа Невали Чори – столбы 18 и 31 слоя III, а также вмурованный в стену столб из "Здания с львиными стелами" слоя II).

2) Одиночные фигуры, которые могут находиться как на боковых гранях стержня или навершия столба, так и на его "груди", "лбу", "животе" или "затылке" (букрания на "груди" столба 2, 31, 38, змея на "животе" столба 5, змея на "лбу" столба 19, кабан на "лбу" столба 26, лис на правой стороне столба 9, лис на левой стороне столба 10 и др.).

3) Фигуры животных, расположенные друг над другом в ряд. В некоторых случаях они взаимодействуют между собой (как, например, надвигающаяся сверху вниз на быка змея на передней грани стержня столба 20), а иногда изображены статично, в так называемом геральдическом стиле (три фигуры животных на левой грани столба 21, три фигуры животных на правой стороне столба 2 и др.).

4) В отдельную группу стоит выделить ряды абстрактных знаков и соответствующих им по размеру миниатюрных фигурок животных (передняя грань стержней столбов 18 и 33). В случае со столбом 33 такой ряд, идущий по всей передней грани стержня стелы, оформлен особым образом с двух сторон. В целом он оставляет впечатление специально выстроенной длинной последовательности символов, судя по контексту, несомненно, сакрального содержания. В связи с чем К. Шмидт считает тут допустимым говорить о "неолитических иероглифах", именно как о "священных знаках" без стоящей за ними фонетизации, что являлось бы уже характеристикой настоящей письменности [11, s. 178-187, 221-225].

5) Следует отметить сценические рельефные композиции, участники которых изображены вместе и взаимодействуют между собой. Пропорции фигур в таких сценах редко соблюдаются (левая сторона столба 1, боковые стороны столба 33, правая сторона стержня столба 38, правая сторона столба 12, правая сторона столба 43).

6) Наконец, в самостоятельную группу выделяются состоящие из нескольких фигур скульптурно оформленные столбы, т.н. "тотемные колоны". Фигуры там странным образом соединены, как будто прорастают одна из другой, представляемые ими существа часто имеют смешанную зооантропоморфную природу, а скульптурные и рельефные детали читаются неоднозначно. В Невали Чори фрагменты подобных столбов были неоднократно встречены. В Гёбекли Тепе обнаружен один такой объект, полностью сохранившийся (сектор L9 – 46, слой II) [7].

Выделенные нами композиционные группы рельефов и горельефов стел Гёбекли Тепе не являются строго разграниченными между собой. Наоборот, в большинстве случаев они совмещаются. Наиболее казалось бы простые, с точки зрения построения композиции, примеры – одиночные фигуры лис на столбах 9 и 10, которые формально относятся к группе 2, в общем архитектурном контексте Сооружения В представляют собой пару одинаковых, расположенных друг напротив друга, синхронно прыгающих на посетителя из центра помещения животных. То же самое можно сказать и о рельефах кошачьих хищников на парных столбах в "Здании с львиными стелами". Кроме того, все показанные на боковых гранях идущих по кругу Т-образных столбов крупные животные, как правило, повернуты/смотрят в центр помещения (Сооружения A-D). Т.е. по заложенному в такие композиции значению их следует относить скорее к группе 5. Сценические композиции (пункт 5), покрывая боковые стороны, иногда соседствуют с расположенными друг над другом в ряд фигурами животных (пункт 3), выполненными ниже на боковой поверхности стержня (столб 12), или же гармонично переходят на переднюю грань (столб 33), окаймляя с двух сторон последовательность "иероглифов" (пункт 4). Рельеф стел типа Невали Чори – столбы 18 и 31 (пункт 1) совмещен с единичными фигурами животных (пункт 2) и рядом абстрактных знаков (пункт 4). Рельеф стел типа Невали Чори (пункт 1) неоднократно повторен в "тотемной колоне" ГТ (пункт 6) и т.д.

Таким образом, стелы Гёбекли Тепе представляют собой сложные многоплановые и многоуровневые, а значит и многозначные памятники для понимания. Их, как правило, Т-образная форма дает несколько полей для передачи и восприятия информации. Передняя грань – "лоб", "грудь", "живот", нижний уровень. Боковые грани (отдельно левая и правая) – боковые стороны навершия, три вертикальных регистра (верхний, средний, нижний) боковых сторон стержня. Задняя грань – "затылок", три вертикальных регистра (верхний, средний, нижний) тыльной стороны стержня. Кроме того, в от-

© Корниенко Т., 2012

дельное поле нужно выделить верхнюю плоскость навершия Т-образной стелы. Отмеченные поля размещения рельефов на столбах Гёбекли Тепе хорошо различаются. И на минимальном локальном уровне понимание рельефа укладывается в эти пространства. Однако также оно должно распространяться на всю грань той или иной стороны столба, а потом уже выходить на уровень восприятия стелы в целом. При этом следует учитывать, что сама стела является одной из нескольких в конкретном сооружении культового назначения, занимая там совершенно определенное место, от чего изначально зависят ее размеры и оформление. В случае с Гёбекли Тепе мы имеем дело с хорошо организованным сложнейшим архитектурным комплексом, состоящим из многих подобных сооружений, где каждому архитектурному элементу отведено свое место. Строительство данного комплекса осуществлялось несколькими поколениями проживающих в округе племен.

Симптоматично, что многие из названных мотивов изображений стел Гёбкли Тепе и других ранненеолитических площадок Верхнего Двуречья встречаются в виде вырезанных рисунков, рельефов или скульптурного оформления на иных категориях объектов самого Гёбекли Тепе и одновременных ему памятников Северной Месопотамии: Кёртык Тепе, Телль Карамеля, Невали Чори, Халлан Чеми, Чайёню Тепеси, Телль 'Абра 3, Жерф эль Ахмара, Мурейбита, Немрик 9, Гермез Дере. К таким категориям относятся каменные сосуды и пестики, поперечно-желобчатые изделия ("утюжки"), каменные плитки и плиты, собственно скульптуры. В целом эта коллекция археологических материалов подтверждает существование на данной территории единой системы информационного пространства, участники которой хорошо понимали значение отмеченных последовательностей знаков, единичных и композиционных изображений фигур, преимущественно зооморфного и зооантропоморфного вида. За такими картинами стоит мифологическое восприятие и объяснение мироустройства сообществами Северной Месопотамии ранненеолитического периода, в жизнедеятельности которых охота и умение взаимодействовать с дикой природой продолжали играть важнейшую роль.

Помимо главного культового центра племен, проживавших в периоды PPNA, PPNB в рассматриваемом регионе, присутствие Т-образных стел, как основных маркеров сакрального пространства, зафиксировано стационарными раскопками в Невали Чори и, кроме того, разведочными работами в Хамзан Тепе, Зефер Тепе и Карахан Тепе. То есть на памятниках расположенных наиболее близко к Гёбекли. Все они находятся в границах современного вилайета Шанлыурфа с центром в городе с одноименным названием на территории Юго-Восточной Турции. При этом надо иметь в виду, что бóльшая часть данного региона, пока не затронутая сооружением дамб и связанными с ними интенсивными археологическими исследованиями речных долин, до сих пор остается плохо изученной.

К сожалению, лишь краткие сведения опубликованы о присутствии Т-образных столбов в культурном слое Хамзан Тепе. Памятник находится в 10 км южнее г. Шанлыурфы [1, p. 3-4, fig. 4]. В 70 км восточнее г. Шанлыурфы расположен Зефер Тепе. На поверхности этого небольшого холма хорошо сохранившимися, стоящими in situ на расстоянии 1,5–2 м друг от друга зафиксированы 16 Т-образных столбов. Их вершины на 30–40 см выступают над поверхностью земли. Еще одна пара Т-образных стел (высотой около 2 м) была случайно обнаружена и выкопана крестьянами в юго-восточном участке телля. На одном из этих столбов просматривается мотив букрании [3, p.23-24, fig. 2-3]. Карахан Тепе находится в 63 км на юго-восток от г. Шанлыурфы. Памятник открыт в 1997 году. На северном и восточном склонах холма выявлено приблизительно 266 (!) столбов, Т-образные вершины которых на 50–60 см возвышаются над поверхностью земли. Среди изображений на стелах Карахан Тепе фиксируются зооморфные мотивы, в частности изображения змеи, зайца, газели и других животных. Столбы располагаются на расстоянии 1,5–2 м друг от друга и связаны с остатками архитектурных конструкций. Стелы Карахан Тепе, по определению Б. Челик, сопоставимы со стелами Хамзан Тепе, Невали Чори и верхних уровней Гёбекли Тепе [2, p. 6-7, fig. 1-3]. К. Шмидт отмечает, что одиноко лежащие на почти незаселенном "лунном" ландшафте в районе гор Тектека Зефер Тепе и Карахан были обнаружены случайно. "Если Зефер Тепе скрыт от наблюдателя в широкой долине и уступает по многим показателям Гёбекли Тепе – его можно распознать как ранненеолитический объект с Т-образными столбами высотой 1,5–2 м лишь стоя на самом холмике, то Карахан уже издали представляет собой почти сюрреалистический вид, напоминающий картину Сальвадора Дали. Причудливо выступает множество Т-образных наверший из нетронутого в течение тысячелетий пологого склона холма. Тут, несомненно, речь идет об интереснейшем крупном объекте, отличное состояние которого и имеющиеся признаки монументальной архитектуры в любом случае оправдают намечающиеся исследования" [11, s. 201-202]. Сколько еще неоткрытых памятников подобного рода может находиться в предгорных и горных районах Южного Тавра?

Важно заметить, что среди материалов различных регионов Ближнего Востока традиция установления каменных блоков, стел, столбов, а также определенного вида пилястр, как и само возведение типичных, специальным образом оформленных общественных сооружений культового назначения, наиболее характерна и ярко представлена именно в Северной Месопотамии периода PPNA и PPNB. Отдельные случаи фиксации вертикально установленных каменных плит в общественных постройках культового назначения или на открытых пространствах отмечаются для территории Центрального и Южного Леванта в PPNB и переходный PPNB/PPNC периоды [см., напр.: 6; 9; 10; 4]. Появившиеся позднее, такие объекты Восточного Средиземноморья в целом выглядят гораздо скромнее, чем северомесопотамские, где традиция установления моделированных стел в постройках общественного назначения известна с этапа PPNA. Истоки ее прослеживаются в обычае возведения парных моделированных стел (соединенных между собой глиняной перемычкой) в центральной части круглоплановых "жилищ-святилищ" Гермез Дере и Немрик IX раннего PPNA времени на территории Северного Ирака [13; 14; 8, p.93].

Продолжение раскопок на упомянутых и еще пока не открытых памятниках докерамического неолита, несомненно, увеличит количество обнаруженных стел. Будет получена более точная информация об их размерах, размещении, оформлении и сопутствующих материалах. Вместе с тем, уже сейчас господствующей является трактовка данной группы объектов ранненеолитического времени как антропоморфных изображений. Для Невали Чори, Гёбекли Тепе, Зефер Тепе, Карахан Тепе и Хамзан Тепе характерны Т-образные навершия стел, что само по себе символизирует главу/голову. Объяснение таких столбов как человекоподобных фигур было предложено еще при исследовании Невали Чори [5, p. 48-51, fig. 9-12, 16]. И до последнего

времени в качестве убедительных доказательств антропоморфности стел приводились нанесенные на них изображения рук и кистей с пальцами. Контуры рассматриваемых в профиль наверший Т-образных столбов повторяют в стилизованном виде профиль человеческой головы, в соответствии с пропорциями которой "лицевая" часть наверший у экземпляров Невали Чори заметно длиннее по сравнению с "затылком". В Гёбекли Тепе изображения рук обнаружены только у некоторых стел, а "лицо" и "затылок" Т-образных столбов Гёбекли Тепе приблизительно одинаковых пропорций.

К. Шмидт высказывал убеждение, что все столбы исследуемого им памятника должны пониматься как изображения неких антропоморфных существ – божеств или духов предков [11, s. 116–122]. Недавнее открытие (2009–2010 гг.) "тотемной колоны" в Гёбекли Тепе ослабило подобную аргументацию. На этой стеле обнаружено изображение существа с согнутыми в локтях руками/лапами и сложенными на животе пятипалыми кистями, как и у стел типа Невали Чори, однако голова его оказалась звериной. Тут уместно вспомнить центральные стелы общественной постройки культового назначения ЕА 100 в Жерф эль Ахмаре. Они имеют хорошо моделированные головы и шеи, при этом изображения рук отсутствуют. Исходя из оформления верхних частей стел, авторы раскопок трактуют эти изображения как зооморфные, представляющие грифов (по определению Л. Гуришона) или хищников (по определению Д. Стордэр) [12, p.40, fig. 8-11]. Учитывая отмеченные находки Жерф эль Ахмара, а также открытие "тотемных столбов" в Невали Чори и Гёбекли Тепе следует допускать возможность зооморфной и/или зооантропоморфной природы персонажей, запечатленных в некоторых стелах Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита.

Как широко распространенный символ того времени на территории Верхнего Двуречья, вертикально установленные в сакральных зонах плиты, столбы и пилястры своим специальным оформлением во многих случаях несли многоплановую информацию мифологического содержания. Олицетворенные в стелах Верхнего Двуречья сверхъестественные силы, вероятно, были защитниками живущих коллективов, посредниками в их отношениях с окружающим миром. Судя по рассмотренным материалам, среди них встречаются антропо-, зоо- и зооантропоморфные представители.

Оформление "тотемного столба" из сектора L9 – 46, исследовавшегося в 2009 и 2010 гг., дает дополнительные данные для общей интерпретации материалов сакрального комплекса Гёбекли Тепе. В изображениях этого объекта угадываются три, возможно, четыре фигуры, расположенные одна над другой. Голова верхней, по сохранившимся деталям – ушам и глазам – трактуется авторами раскопок как голова хищника (медведя/льва/леопарда?) [7, p. 74]. Ее передняя часть была уничтожена в древности. Выделена шея. Дальше по бокам идет знакомый мотив согнутых в локтях рук/лап с пятипалыми кистями, сложенными на животе, из которого выступает голова следующей фигуры, тоже со сбитым лицом. Одновременно этот выступ может обозначать фаллос/пупок/живот верхнего существа (такой прием уже известен по стеле из провинции Адиаман, Юго-Восточная Турция, сопоставимой с рассматриваемым объектом). Под второй фигурой, имеющей согнутые в локтях руки/лапы, обозначена голова и руки/лапы третьей, показанные теперь спереди, сложенные на животе/фаллосе/голове (?) следующего изображения. Под этим выступом находится скол, и далее изображения отсутствуют. Ниже рук/лап двух верхних существ, по бокам этой колонны с каждой стороны рельефно выступают изображения крупных змей. Они могут обозначать также ноги/задние лапы большого существа при рассмотрении его в профиль. Уточним, что каждая идущая ниже фигура меньше предыдущей, выступая, соответственно, из ее живота (или фаллоса). Этот удивительный прием, в скульптуре достигающий "эффекта матрешки", вероятно, передает, как и в случае с русской игрушкой, идею родства и преемственности.

Заключение К. Шмидта о посвящении сооружений Гёбекли Тепе культу мертвых [11, s. 138-140], на наш взгляд, не вполне убедительно, о чем приходилось писать раньше, когда данные о "тотемном столбе" опубликованы еще не были [15, с. 55; 16, с.214]. Ни одного захоронения на памятнике до сих пор не выявлено. Зато неоднократно встречены скульптурные и рельефные изображения фаллосов и итифаллических протом. Известен весьма выразительный процарапанный на плите, лежавшей рядом с центральными столбами в Здании с львиными стелами, рисунок сидящей на корточках обнаженной женщины с гипертрофированными половыми органами. Такие данные, как и некоторые другие материалы памятника, не соотносятся с базовым предположением К. Шмидта о том, что Гёбекли Тепе посвящен исключительно культу мертвых. Судя по имеющимся свидетельствам, осуществлявшиеся здесь культовые практики были гораздо шире поклонения мёртвым и, помимо прочего, включали в себя продуцирующие обряды, способствовавшие рождению и плодородию в широком смысле этих понятий. Они должны были обеспечивать развитие и процветание совершавших их коллективов, а также будущих поколений, что, естественно, в значительной степени зависело от непрерывности связей между живыми и умершими родственниками, но в целом было направлено на поддержание настоящего и будущего благополучия обслуживающих этот ритуальный центр племен.

1. *Çelik B.* A New Early Neolithic Settlement in Southeastern Turkey: Hamzan Tepe // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. – 2004. – № 2. 2. *Çelik B.* A New Early Neolithic Settlement: Karahan Tepe // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. – 2000. – № 2–3. 3. *Çelik B.* A New Pre-Pottery Site in Southeastern Turkey: Safer Tepe // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research.– 2006. – № 1. 4. *Fujii S.* Two Petroglyphs from Wadi Abu Tulayha, a PPNB Agro-pastoral Outpost in the Jafr Basin // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. – 2008. – № 1. 5. *Hauptmann H.* Ein Kultgebäude in Nevali Çori. In: Frangipane, M. et al. (Hrsg.) // Between the rivers and over the mountains. – Roma, 1993. 6. *Kenyon K.* Digging up Jericho. – London, 1957. 7. *Köksal-Schmidt Ç., Schmidt K.* The Göbekli Tepe "Totem Pole". A First Discussion of an Autumn 2010 Discovery (PPN, Southeastern Turkey) // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. – 2010. – № 1. 8. *Kornienko T.V.* Notes on the Cult Buildings of Northern Mesopotamia in the Aceramic Neolithic Period // Journal of Near Eastern Studies. – 2009. – Vol. 68. – № 2. 9. *Rollefson G.O.* 'Ain Ghazal (Jordan): ritual and ceremony III // Paléorient. — 1998. – Vol. 24. – № 1. 10. *Rollefson G.O.* Ritual and Social Structure at Neolithic 'Ain Ghazal // Life in Neolithic Farming Communities: Social Organization, Identity, and Differentiation / Ian Kuijt (ed.). – New York, 2000. 11. *Schmidt K.* Sie bauten ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. – München, 2006. 12. *Stordeur D., Brenet M., Der Aprahamian G. et J.-C. Roux.* Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syria) // Paléorient. – 2001. – Vol. 26. – № 1. 13. *Watkins T.* The Beginning of the Neolithic: Searching for Meaning in Material Culture Change // Paléorient. – 1992. –Vol. 18. – № 1. 14. *Watkins T.* The Origins of House and Home? // World Archaeology. – 1990. – Vol. 21. – № 3. 15. *Корниенко Т.В.* Гёбекли Тепе – неординарный археологический памятник Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита: к вопросу об интерпретации // Древность: историческое знание и специфика источника. / Отв. ред. А.С. Балахванцев.– Вып. IV. –М., 2009. 16. *Корниенко Т.В.* Рецензия на кн.: *K. SCHMIDT.* Sie bauten die ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München: C.H. Beck, 2006. 282 S. // Вестник древней истории. – 2010. – №2.

Надійшла до редколегії 13.03.12

Т. Кудрявцева, д-р ист. наук, доц.
(Санкт-Петербург, Россия)

ОБВИНЕНИЯ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ МАГИИ В АФИНСКИХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ V–IV ВВ. ДО Н.Э.

В статье рассматриваются несколько процессов в Афинах в конце V–IV вв., в которых можно выделить "магическую составляющую"; особенно процесс "колдуньи" Теориды с Лемноса.

Some legal cases with "the magical component" are discussed, especially the trial of "Lemnian witch" Theoris.

Античная магия, как известно, прошла весьма длительный путь исторического развития [5, с. 24]. Опуская упоминания о ворожбе у Гомера и архаических поэтах, магическое содержание некоторых религиозных обрядов, в особенности связанных с земледелием [4, с. 31–57], заметим, что с началом классической эпохи в Древней Греции широкое распространение получили различные магические практики, прежде всего, tabellae defixionum – таблички с магическими заклятиями (проклятиями) [подробнее – 9, p. 116–150; 19, p. 3–90; 3, с. 31–65].

В Афинах рост популярности агрессивной черной магии приходится на годы Пелопоннесской войны и сразу после, в чем немалую роль сыграл кризис "наследственной системы верований" и реакция на рационализм "просвещения" Перикловой эпохи [1, с. 199–200, 209]. Афиняне особенно преуспели в судебной магии – не последнюю роль здесь сыграла всё возрастающая роль и активность афинского народного суда (гелиэи), что выразилось в использовании заклятий, изготовлении табличек с проклятиями и "кукол вуду" против противников по тяжбе, свидетелей, помощников-синегоров [2, с. 203–206]. При этом до нас не дошли сведения о каких-либо "антимагических" законодательных мерах или запретах. Подобных законов в Афинах, скорее всего, не было. Очевидно, не существовало и четкого определения понятия "магия" а афинском праве. Тем не менее, растущая популярность различных магических практик, заклинаний, зелий и т.п. вызывала определенную обеспокоенность в обществе: эта проблема обсуждалась и афинскими интеллектуалами (например, Plat. Rep., 364b-c; Leg. 932e–933e), и на театральных подмостках (например, Aristoph. Neb. 749–755; Vesp., 946–48; Soph. Trach. 545–601; Eur. Hipp., 509–515 etc.), не могла она пройти мимо и афинских судов. Процессов, в которых занятия магией стали бы предметом обвинения, а практикующие ворожбу – обвиняемыми, нам неизвестны, но определенная магическая составляющая в некоторых звучащих в гелиэе и Ареопаге классических Афин обвинениях может быть выделена; на этом мы и намерены остановиться в нашей статье.

Чаще всего это касалось обвинений в изготовлении и применении "φάρμακα" в смысле "вредоносное магическое снадобье". Первый пример процесса, на котором речь шла о таком снадобье (любовном зелье, оказавшемся ядом), дает речь Антифонта "Против мачехи" (Ant., I), датируемая второй половиной V в. до н.э. Молодой человек, для которого написана речь, обвиняет в суде мачеху в отравлении отца; защищает ответчицу её сын, сводный брат обвинителя; дело, как и положено обвинению в предумышленном убийстве, слушалось в суде Ареопага [13, p. 136, 150–152]. По словам обвинителя, женщина, не отрицая, что приготовила мужу снадобье, оправдывалась тем, что оно предназначалось не для убийства, а в качестве приворотного зелья (φίλτρον) (I, 9, 2). (См. упоминание о таких зельях в трагедии: Eur. Hipp., 509–516; Soph. Trach., 1148–1150). Чем окончился процесс, неизвестно, хотя большинство исследователей полагают, что обвиняемая была оправдана. В качестве одного из аргументов в пользу благоприятного для ответчицы исхода указывают на похожую историю, может, даже ту же [21, p. 48–49; 7, p. 244; 12, p. 115], изложенную в одном из перипатетических текстов, составленному, по меньшей мере, век спустя после речи Антифонта ([Aristot.] Magna Moralia, 1188b29-38 = I, 16, 2, 1–8): женщина дала мужчине испить любовное зелье (φίλτρον) и была впоследствии оправдана Ареопагом на том основании, что она действовала без злого умысла (οὐκ ἐκ προνοίας) – из-за любви, но потерпела неудачу (ἔδωκε μ ν γὰρ φιλίᾳ, διᾳμαρτεν δ τούτου). Посему её действие не было предумышленным (οὐχ ἑκούσιον) – она не давала зелье с намерением убийства. Правда, М. Гагарин вопреки расхожему мнению считает, что "мачеха" всё же была наказана. Он отвергает как аргумент историю из Magna Moralia на том основании, что доводы в защиту обвиняемой, которые там приводятся, весомые у философов и ученых, едва ли нашли бы отклик у афинских судей [13, p. 149]. По нашему мнению, в суде гелиастов шансов бы у женщины не было, а вот ареопагиты могли и оправдать её: всё же уровень образования и рефлексии у среднестатистического бывшего архонта в V в. до н.э. был выше, чем у "народного судьи"…

Однако трагический "побочный" эффект любовного зелья не всегда сходил с рук той, кто желала лишь приворожить и не имела умысла свести любимого в могилу; многое зависело от статуса обвиняемой. У почтенной дамы с хорошей репутацией и многочисленными родственниками (самый близкий из которых будет выступать за неё в суде) шанс избежать наказания был, а вот у той, кому ни посчастливилось родиться афинянкой, – нет. В той же речи Антифонта приводится история рабыни, конкубины (παλλακή) афинянина Филонея (друга мужа мачехи). Эта рабыня по версии обвинителя (который, кстати, не представляет ни свидетелей, ни доказательств) также оказалась жертвой коварной мачехи. Та убедила рабыню, что Филоней скоро бросит её (кажется, он действительно собирался отправить надоевшую любовницу в бордель), и предложила свою помощь: они обе вернут себе возлюбленных, если те изведают приворотного зелья, что она приготовила. Конкубина согласилась и подмешала зелье в напиток мужчин: Филонею она дала б**о**льшую дозу, чем было рекомендовано, в надежде, что любимый будет любить её еще дольше. Тот умер сразу же в отличие от отца обвинителя, который занемог и скончался двадцать дней спустя. Родственники Филонея немедленно передали бедную женщину коллегии Одиннадцати, по приказу которых она была казнена (колесована) в тот же день без суда (Ant., I, 14–20).

Следующий процесс, на котором мы остановимся, относится к более позднему времени. Среди обвинений, выдвинутых против Нинос, жрицы Сабазия, казненной за приобщение афинян к чужеземным культам, было обвинение и в наведении любовных чар (Dem., XIX, 281 XXXIX, 2; XL, 9; schol. in Dem., 19. 281; Ios. C. Ap. II, 37, 267). Демосфен вспоминает её процесс, состоявшийся, вероятно, не ранее середины IV в. до н.э., в следующем контексте: в речи "О преступном посоль-

© Кудрявцева Т., 2012

стве" (343 г. до н.э.) оратор, насмехаясь над родителями Эсхина (своего противника по тяжбе), говорит, что мать последнего, Главкофея, была жрицей некоего мистического культа и собирала вокруг себя его приверженцев – из-за чего была казнена раньше другая жрица (XIX, 281). Оратор не называет здесь казненную по имени, но в других речах приводит её имя – Нинос (Dem., XXXIX, 2; XL, 9). Схолиаст (in Dem., 19. 281) уточняет: Нинос готовила приворотное зелье (называемое одновременно φάρμακα□ и φίλτρα) и давала его молодым людям (τοῖς νέοις). Но далее из текста схолий следует, что основное обвинение против Нинос – всё же не снадобья, а именно "религиозные инновации": жрица была казнена, т.к. таинства, в которые она посвящала, были сочтены оскорбительными для подлинных мистерий (ε ναι καὶ ὕβριν κατὰ τῶν ὄντως μυστηρίων [ὅτι] τὰ τελούμενα ταῦτα <νομίζοντες>) ([10, p. 224–233] – подробное обоснование данной подоплеки обвинений против Нинос). Другой наш источник, Иосиф Флавий, замечает, что Нинос была осуждена за приобщение афинян к мистериям чужеземных богов (ὅτι ξένους ἐμύει θεούς): на различных примерах из истории других народов он показывает, что не только евреи ревностно защищали свои религиозные традиции, и приводит казнь жрицы как пример нетерпимости афинян в вопросах религии (C. Ap. II, 36–37). Нинос выступает у Флавия в компании Сократа, Анаксагора, Диагора Мелосского и Протагора (Ibid., 263–266), т.е. казненных или осужденных на смерть философов, чьи воззрения вступали в противоречие с общепринятыми религиозными представлениями или в чем-то им не соответствовали. При этом историк восклицает: стоит ли удивляться тому, что афиняне поступили так с достойнейшими мужьями, если не пощадили даже женщину (Ibid., 267)!

Демосфен сообщает, что осуждения Нинос добилась "шайка сикофантов" во главе с известными Мнесиклом и Менеклом" (XXXIX, 2 – ...ἐργαστήριον συκοφαντῶν, Μνησικλέα τε, ὃν ἴσως γιγνώσκετε πάντες, καὶ Μενεκλέα τὸν τὴν Νῖνον ἑλόντ᾽ ἐκεῖνον; XL, 9). Очевидно, жрица – фигура видная в тогдашнем афинском обществе, не захудалая деревенская знахарка, раз привлекла внимание снискавших известность профессиональных доносчиков. Кстати, через какое-то время сын Нинос будет обвинять Менекла в суде, отомстив таким образом за мать (Dion. Hall. Din., 11, 20–21).

Еще одно "женское" магическое дело, слушавшееся в Афинах, – дело Теориды с Лемноса – пожалуй, самое обсуждаемое в историографии [15, Sp. 384; 23, Sp. 2237-8; 17, p. 197; 22, p. 118; 6, p. 117; 14, p. 250–251; 8, p. 477–493]. Теорида была обвинена то ли в использовании заклинаний и изготовлении магических снадобий (Dem., XXV, 79), то ли в религиозном нечестии (асебии) (Philochor. FgrHist. 382 F 60; cp. Plut. Dem., 14, 6), то ли в убийстве (отравлении) [8, p. 488]. Процесс "знахарки" (φαρμακίς) состоялся не позже 338 г. до н.э.: terminus ante quem устанавливается по речи Демосфена "Против Аристогитона" (вскоре после 338 г.), в которой упоминается данное дело. Оратор вспоминает о нём так: "Вы предали смертной казни мерзкую знахарку Теориду с Лемноса и всю её семью" (ὑμεῖς τὴν μιαρὰν Θεωρίδα, τὴν Λημνίαν, τὴν φαρμακίδα, καὶ αὐτὴν καὶ τὸ γένος ἅπαν ἀπεκτείνατε). В чем обвинялась Теорида, понятно из контекста, ибо брат Аристогитона Эвном (против последнего оратор и приводит здесь "компрометирующий материал") унаследовал через служанку знахарки её дело: *снадобья и заклинания* (ταῦτα λαβὼν *τὰ φάρμακα καὶ τὰς ἐπῳδὰς* παρὰ τῆς θεραπαίνης αὐτῆς – XXV, 79–80). Кстати, именно эта рабыня, возлюбленная Эвнома, донесла на свою госпожу. Брат Аристогитона "заявляет, что может исцелять людей, страдающих падучей болезнью" (Ibid., 80) – очевидно, с помощью тех методов, которые применяла знахарка. Т.е. можно предположить, что часть деятельности Теориды была вполне "легальной" – целительство. Кстати, о различных "магах, очистителях, обманщиках и шарлатанах" (μάγοι τε καὶ καθάρται καὶ ἀγύρται καὶ ἀλαζόνες), использующих заклинания и прочие магические практики при лечении эпилепсии, с возмущением писал автор трактата "О священной болезни" из Гиппократова сборника (I, 22–23) [8, p. 483–486].

Другой наш источник, Филохор (FgrHist., 382 F 60), сообщает о процессе следующее: "прорицательницей была Теорида: привлеченная к суду за асебию, была казнена" (μάντις ἦν ἡ Θεωρίς, καὶ ἀσεβείας κριθεῖσα ἀπέθανεν). Судя по "прорицательнице" (μάντις), Теорида предсказывала будущее, может, не брезговала и гаданием, т.е. предлагала клиентам широкий спектр магических услуг. В связи с этим можно вспомнить, как Платон писал о прорицателях-шарлатанах (ἀγύρται δ καὶ μάντεις), рекламирующих перед богатыми заказчиками свои услуги по составлению заклятий и вымогающих плату (Rep., 364b-c).

Из Плутарха (Dem., 14, 6) мы узнаем, что обвинителем Теориды был Демосфен: "Привлек он к суду и жрицу Теориду (κατηγόρησε δ καὶ τῆς ἱερείας Θεωρίδος), обвинив её, помимо множества других нечестивых действий, еще и в том, что рабов она обучала искусству вводить в обман хозяев (ὡς ἄλλα τε ῥᾳδιουργούσης πολλὰ καὶ τοὺς δούλους ἐξαπατᾶν διδασκούσης), и, требуя для неё смертного приговора, добился этой казни" (перевод Э. Юнца). Отметим в этом пассаже любопытные подробности: во-первых, то, что Плутарх называет Теориду "жрицей" (τῆς ἱερείας) – возможно, ошибочно (высказывалось предположение, что греческий историк спутал её с Нинос [8, p. 491]), а может, как и Нинос, Теорида была причастна к неким чужеземным культам. Во-вторых, упоминание о том, что "жрица" учила рабов обманывать хозяев. Л. Цийен, автор небольшой статьи о Теориде в Realencyclopädie, толковал текст Плутарха так: Теорида учила рабов, как использовать отраву [23, Sp. 2237]. Р. Баумэн полагал, что процесс Теориды надо понимать более широко, имея в виду, что "её обучение дестабилизировало экономику, основанную на рабском труде, как учение Сократа дестабилизировало традиционные ценности" [6, p. 117]. Обе эти интерпретации фразы Плутарха представляются неубедительными. Д. Коллинз винит в путанице самого херонейского историка: дескать, тот переосмыслил пассаж из речи против Аристогитона, связав служанку Теориды, деятельность Эвнома, одурачивающего эпилептиков, а потом сделал вывод: Теорида учила свою служанку, а равно и других рабов, как обманывать [8, p. 492]. Однако, едва ли Плутарх мог перепутать клиентов брата Аристогитона с простодушными хозяевами. По нашему мнению, в магическом арсенале Теориды (судя по всему, она была ворожеей "широкого профиля") могли найтись и заклинания для "отвода глаз", отвращения гнева; были ли среди её клиентов рабы, или это домыслы досужих сплетников, наветы недоброжелателей – трудно сказать.

Теорида, скорее всего, принадлежала к метекам; её чужеземное происхождение и социальный статус были весьма уязвимы для той деятельности, которой она занималась. Как и в случае с Нинос, Теорида, видимо, была фигурой заметной в афинском обществе – не только благодаря нашумевшему делу, но и из-за разнообразия предоставляемых магических услуг и многочисленности клиентуры. Во всяком случае, оратор,

произносящий речь "Против Аристогитона", уверен, что слушающие его дикасты это дело помнят и знают. Очевидно также, "бизнес" Теориды приносил неплохой доход: складывается впечатление, что она содержала семью; у неё была служанка. М. Дики даже сравнивает Теориду (по степени независимости и самостоятельности) с "великими куртизанками", а именно – Неэрой, Гликерой и т.п. [11, p. 81-84].

Возможно, что женщина из сборника басен, приписываемых Эзопу (№ 56, основной сборник), – это Теорида [14, p. 274, n. 56; 11, p. 51-52]. Первый сборник басен Эзопа был составлен афинским политиком и философом Деметрием Фалерским в конце IV в. до н.э. (Diog. Laert., V, 5, 80). Давно признано, что некоторые басни имеют афинский колорит [16, S. 369-370]. В вышеупомянутой басне идет речь о зажиточной ворожее (γυνὴ μάγος), которая, предлагая заговоры и заклинания для отвращения гнева богов (ἐπῳδὰς καὶ καταθέσεις θείων μηνιμάτων), хорошо на этом зарабатывала (διετέλει πολλὰ τελοῦσα κἀκ τούτων οὐ μικρὰ βιοποριστοῦσα). Против неё некие люди подали иск в суд, обвинив "в посягательстве на богопочитание" (ὡς καινοτομοῦσαν περὶ τὰ θεῖα εἰς δίκην ὑπῳγαγον). Она была осуждена и приговорена к смерти. "И, видя, как вели её на суд, кто-то сказал ей: "Как же ты бралась отвращать гнев божества, а не смогла унять даже гнев людей?" (перевод М.Л. Гаспарова).

Подавляющее большинство исследователей полагают, что Теорида была обвинена именно в нечестии [10, p. 12; 17, p. 197; 22, p. 118; 6, p. 117; 14, p. 250; 11, p. 51]. Особое мнение – у Дерека Коллинза: Теорида была казнена не за ворожбу, а только за отравление (т.е. от её снадобий кто-то умер). В этом случае её должен был судить Ареопаг за предумышленное убийство путем отравления (к такому выводу Коллинз и приходит) [8, p. 477–478]. Действительно, Аристотель указывает: дела об отравлении ("если кто причинит смерть, давши яду") находились в ведении ареопагитов (Ath. pol. 57, 3). Закон просто упоминает φάρμακα, не различая "обычные" снадобья и магические; ясно, что упор делается именно на летальный исход, а не на магию.

Выскажем сомнение в правоте Коллинза: те отрывочные сведения, которые до нас дошли о процессе Теориды (считая и басню из Эзопова сборника) рисуют картину, мало похожую на торжественное судилище Ареопага. К тому же, Филохор (живший во второй половине IV – нач. III вв. до н.э., т.е. теоретически могущий общаться с очевидцами процесса) определенно указывает на то, что к суду Теорида была привлечена за асебию. Скорее всего, обвинение в нечестии, выдвинутое против неё, включало в себя и использование вредоносных снадобий ("знахарка"), и приверженность чужеземным культам ("жрица"), и некие "нетрадиционные" заклинания ("ворожея") – предположим, в том числе для отвода глаз и умиротворения хозяйского гнева. Всё это вместе, по совокупности, можно было понять как нечестивое поведение, вызов традиционным полисным божествам и религии. Заметим, что под асебию – обвинение в нечестии – подпадало большое количество преступлений от веры в новых богов до кражи священного имущества [10, p. 9–12]. Конкретного определения понятия "асебия" и тех правонарушений, которые карались как нечестие, не было, как и не было официального перечня того, что в это понятие входило. Немецкий исследователь Э. Рушенбуш выдвинул касательно афинских законов заслуживающую внимания теорию "правовых пробелов" (Die Lückentheorie): они не были всеобъемлющими; в них не давалось определений "состава преступления"; "провалы в законах" (Rechtslücken, Gesetzlücken) закрывались судейским суждением [20, S. 263–267]. Поэтому, например, развращение юношества могло стать частью обвинения в нечестии, как то было на процессе Сократа. Graphe asebeias также часто использовалась как средство борьбы с нежелательными религиозными новшествами [10, p. 230-234; 22, p. 114-131; 14, p. 250]. Наконец, обвинение в нечестии идеально подходило для кровожадных намерений обвинителя, ибо стандартное наказание – смерть (или изгнание).

Почему Теорида была казнена вместе с семьей? Нам известен похожий жуткий случай из афинской истории (Hdt., IX, 5, 1-3), когда один булевт был казнен вместе с семьей (точнее, был устроен самосуд – закидали камнями и его, и жену с детьми), но там речь шла о предательстве в условиях тяжелой войны с персами (479 г. до н.э., перед битвой при Платеях). О причинах же жестокого приговора в отношении родственников Теориды можно только гадать. Возможно, как-то её семья была вовлечена в её "бизнес". Такое предположение можно сделать исходя из текста теосского закона. Надпись V в. до н.э. из малоазийского г. Теоса гласит, что тамошние должностные лица должны были ежегодно зачитывать проклятия (т.н. dirae Teorum), в которых запрещалось изготовление вредоносных зелий (φάρμακα δηλητηρία); если они использовались против любого лица, будь то частного или должностного, изготовитель и его (её) семья подлежали казни [18, (n. 39), 63, no 30 A1]. Однако, неясно, имелись ли в виду именно магические снадобья. Если всё-таки речь шла о такого рода зельях, но этот теосский закон – единственный антимагический акт, известный нам из греческой истории.

Подведем некоторые итоги. Антимагического законодательства в классических Афинах не было, однако обвинение в использовании магии (чар, снадобий с магическим эффектом) фигурировало в качестве дополнительного при выдвижении "главного" обвинения (прежде всего, асебии). Магические услуги (в том числе, врачевание оккультными методами) могли становится поводом или стимулом к обвинению и были весьма опасны для практикующих их, когда добавлялись "отягчающие обстоятельства": чужеземное происхождение, поклонение экзотическим иностранным культам, обширная клиентура и, как следствие, хороший заработок, могущий вызвать жадность сикофантов. Наиболее подходящим объектом для обвинения в нечестии был именно тот (та), кто имел, так сказать, устойчивую магическую репутацию, т.е. занимался магией постоянно и профессионально; идеально для обвинителей, когда эти занятия включали изготовление зелий – как лекарственных, так и приворотных.

Складывается впечатление, что упоминание о магических манипуляциях использовалось для очернения противника по тяжбе, настраивало судей против обвиняемого, приводило и к обвинительному вердикту, и к выбору самого беспощадного способа наказания. Обращает на себя внимания и гендерный аспект: все известные нам жертвы обвинений – женщины. У нас мало информации, чтобы делать выводы о большей толерантности афинского общества к практикующим колдунам, чем к ведьмам, но на определенные размышления она всё же наводит. Женщины-колдуньи на беме (судебных подмостках) были, с одной стороны, следствием всеобщей (мужской, разумеется) убежденности в зловещей власти ворожеи, присущей именно женскому полу (вспомним Цирцею и Медею; см. также Eur. Hipp., 478–81; Quint. Inst. 5, 10, 25), с другой, – своим примером обвиняемые еще более укрепляли это расхожее мнение. В общественное сознание внедрялся и стано-

вился, можно сказать, архетипичным образ женщины-колдуньи, знахарки и ворожеи – тем самым уже в античности была подготовлена почва для той охоты за ведьмами, которая развернется в средневековье.

1. *Доддс Э.* Греки и иррациональное / Пер. М.Л. Хорькова. – М.; СПб., 2000. 2. *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. – СПб., 2008. 3. *Кудрявцева Т.В.* Судебная магия в классической Греции // Вестник РГГУ. – 2010. – № 10(53). – С. 31-63. 4. *Нилльсон М.* Греческая народная религия. – СПб., 1998. 5. *Петров А.В.* Феномен теургии. Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период. – СПб., 2003. 6. *Bauman R.* Political Trials in Ancient Greece. – L.; N.Y., 1990. 7. *Carawan E.* The Tetralogies and Athenian Homicide Trials // American Journal of Philology. – Vol. 114. – No. 2 (Summer, 1993). – P. 235-270. 8. *Collins D.* Theoris of Lemnos and the Criminalisation of Magic in Fourth-Century Athens // ClQ. – Vol. 51. – 2001. – P. 477-493. 9. Curse Tablets and Binding Spells from the Ancient World / Ed. J.G. Gager. – N.Y., 1998. 10. *Derenne E.* Les procès d'impiété intentés aux philosophes à Athènes au V-me et au IV-me siècles avant J.-C. – N. Y., 1976. 11. *Dickie M.* Magic and Magicians in the Greco-Roman World. – L.; N.Y., 2001. 12. *Faraone C.* Ancient Greek Love Magic. Cambr. – Mass, 2001. 13. *Gagarin M.* Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. – Austin, 2002. 14. *Gordon R.* Imagining Greek and Roman Magic // Witchcraft and Magic in Europe. Ancient Greece and Rome / Eds. B. Ankarloo, S. Clark. – Philadelphia, 1999. 15. *Hopfner T.* Mageía// Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. – Bd. 14. – 1928. – Pt. 1. 16. *Keller O.* Untersuchungen über die Geschichte der griechischen Fabel // Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik. Supplementband 4. – Leipzig, 1862. – S. 307-418. 17. *MacDowell D.M.* The Law in Classical Athens. – L., 1978. 18. *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. – Oxford, 1971. 19. *Ogden D.* Binding Spells: Curse Tablets and Voodoo Dolls in the Greek and Roman Worlds // Witchcraft and Magic in Europe: Ancient Greece and Rome / Eds. B. Ankarloo and S. Clark. – Philadelphia, 1999. 20. *Ruschenbusch E.* Δικαστήριον πάντων κύριον // Historia. – Bd. 6. – 1957. – S. 257–274. 21. *Sealey R.* Women and Law in Classical Greece. – Chapel Hill, 1990. 22. *Versnel H.S.* Ter unus: Isis, Dionysos, Hermes. Three Studies in Henotheism // Studies in Greek and Roman Religion. – Vol. 6. – Leyden, 1990. 23. *Ziehen L.* Θεωρίς // Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. – Bd. 5. – 1934.

Надійшла до редколегії 13.03.12

И. Ладынин, канд. ист. наук, доц.
(г. Москва, Россия)

ЗАМЕЧАНИЯ О СХЕМЕ ЕГИПЕТСКОЙ ИСТОРИИ В ТРУДЕ МАНЕФОНА СЕВЕННИТСКОГО

Статья представляет опыт интерпретации концепции истории Египта в ее знаменитом очерке, созданном Манефоном Севеннитским (III в. до н.э.), с особым вниманием к переходным периодам между ее крупными эпохами, соответствующими частям этого труда ("томосам").

The article is an essay of interpreting the concept of Egyptian history in its famous outline by Manetho of Sebennitos (3rd century B.C.), with special attention to the periods of transition between its major epochs correlating with the parts of this composition (its tomoi).

Одним из вариантов восприятия египтянами македонского завоевания их страны стала отразившийся в т.н. "Романе об Александре" (о его связи с египетской традицией: [8; 12]) мотив уподобления Александра древнему царю по имени Сесонхосис (Hist. Alex. Magni, rec. A. I. 34. 2). Этим именем обозначается великий завоеватель (аналог Сесостриса Геродота: Herod. II. 102-110) и устроитель египетского общества, царствование которого, согласно греческим репликам египетской традиции кон. IV в. до н.э., было отнесено ко времени непосредственно после царей-богов (цитата Дикеарха Мессенского в Schol. Apoll. Rhod. IV. 272-274 согласно codex Laurentianus XXXII.9; см. [4, с. 204-205]). При этом, согласно этим данным античной традиции, уже при жизни Сесонхосиса/Сесостриса созданное им миродержавие перешло к победившим его скифами [4, с. 208 сл.], а далее к ассирийцам и персам (См., например, извод этой традиции в одном из самых обобщающих и масштабных по своему замыслу исторических произведений – в Historia Philippica Помпея Трога, известной в эпитоме Юстина: Iust. I. 1.13, 6.17; II. 3.8-18.), при которых Египет утратил не только внешние владения, но и саму независимость. Тем самым в "Романе…" Александр являлся в Египет не только как его освободитель от чужеземцев, но и как восстановитель исконного египетского миродержавия (коль скоро далее он наносит поражение Дарию III уже будучи египетским царем).

Этот идеологический конструкт обнаруживает свою египетскую основу прежде всего в самой идее восстановления легитимным царем исконной нормы, присущей устроению мира в начале времен, но затем пошатнувшейся вплоть до полного ее исчезновения. В чисто египетском изводе эта идея прописана наиболее четко в среднеегипетском "Пророчестве Неферти": в нем, в форме предсказания, обращенного мудрецом Неферти к первому царю IV династии Снофру, описываются бедствия Египта в I Переходный период [14, p. 21-60; 3, с. 44-49]. В этом тексте и в примыкающем к нему "Речении Ипувера" [3, с. 29] это время характеризуется как крушение социально-политического и даже природного порядка, своего рода тотальное иссякание существующей в мире нормы. Представление о норме, совмещающей как природные, так и социальные законы, представлено в египетском мировоззрении понятием *маат* [1, с. 19 сл.]: *маат* возникает на самой заре творения мира как свойство его упорядоченного состояния, но ему неизменно сопутствует и ее противоположность – своего рода "антинорма"-*исефет*. Ослабление в Египте и в мире в целом *маат* и соответственное нарастание *исефет* было неизбежно в течение правления каждого царя и каждой династии; при этом его негативные результаты "гасились" почти автоматически вступлением на престол молодого царя-наследника после смерти его предшественника или нового царского дома на смену предыдущему. "Пророчество Неферти", таким образом, описывает аналогичный исторический цикл, который, однако, гораздо протяженнее во времени (он охватывает не правление отдельного царя или династии, а все III тыс. до н.э.) и тяжелее по степени предстоящих Египту бедствий (в конце него наблюдаются не "отдельные недостатки" в поддержании в стране и мире нормы-*маат*, а ее тотальное крушение). При этом, согласно "Пророчеству Неферти", все бедствия Египта будут прекращены вступлением на престол нового легитимного царя Амени – исторического основателя XII династии Аменемхета I. Очевидно, что историческая схема, в рамках которой осмыслялось завоевание Египта Александром, тоже обрисовывает подобный цикл: в ней исходной нормой, согласной с *маат*, считается политическое господство Египта над всем миром; далее эта норма искажается, когда миродержавие переходит к азиатским народам; наконец, она терпит тотальный крах, когда сам Египет оказывается под чужеземным владычеством; и в конце концов восстанавливается, когда Александр восходит на египетский престол и обретает миродержавие (собственно, этим и мотивируется его уподобление Сесонхосису).

Как видно, эта схема сводится к одному циклу, который поглощает всю египетскую и мировую историю и представляет ее детерминирующим фактором принад-

© Ладынин И., 2012

лежность миродержавия Египту либо чужеземным народам и династиям. Закономерно, что в ней прямым преемником царей-богов (само представление о них – еще одна египетская черта: [9, pl. I]; cf. Manetho, ed. W.G. Waddell, frgg. 1-5; ниже фрагменты Манефона цитируются по этому изданию) оказывается именно великий завоеватель Сесонхосис/Сесострис. Между тем в традиции о I Переходном периоде мы сталкиваемся с еще одним циклом, который детерминирован не внешней активностью, а внутренним развитием Египта. В ходе него Египет пребывал в благополучии вплоть до Снофру, традиционно считавшегося благим царем; наследовавшие ему Хуфу и его преемники подвели страну к бедствиям, сооружая свои пирамиды в ущерб почитанию богов в храмах (Herod. II. 124-129; [3, с. 92]). В итоге в финале Древнего царства разражается катастрофа, вызванная утратой царями этого времени способности к полноценному совершению ритуала и поддержанию тем самым *маат*; возвращение страны к норме происходит только при Амени/Аменемхете I, который вновь оказывается "полноценным" царем-ритуалистом. Как видно, "цикл Снофру-Амени" состоял из тех же этапов, что и "цикл Сесонхосиса-Александра": благополучие страны при относительном доминировании маат – "надлом" благополучия – тотальное крушение *маат* – ее восстановление в новых исторических обстоятельствах; однако он не поглощал всю египетскую историю, а заведомо включал в себя лишь ее часть. В "цикле Сесонхосиса-Александра", помимо придания ему универсального характера, были другие натяжки, прежде всего помещение пресловутого царя-миродержавца на то место, которое в обычной династийной схеме было отведено Менесу; натяжки эти, очевидные для образованной элиты Египта, побуждают считать эту схему искусственным пропагандистским конструктом, рассчитанным на массовую и менее сведущую аудиторию. Однако, учитывая сугубо египетскую специфику "циклического" построения этой схемы, естественно поставить вопрос: не были ли "упорядочены" события всего прошлого Египта по циклам и в "академичной", специализированной исторической традиции египтян, в которой надлежащее им место заняли бы и Менес, и события I Переходного периода?

Прежде чем отвечать на него, надо сказать, что выделение египтянами бóльших, чем отдельные династии, периодов своей истории хорошо известно. При Рамсесе III в его храме в Рамессеуме появляется изображение своего рода процессии статуй великих царей – его предшественников, в которых начало египетской государственности III тыс. до н.э., Среднего и Нового царств маркировано соответственно образами Менеса, Ментухотепа II Небхепетра и Яхмоса I [15, S. 11]. Еще ранее, в царском списке Туринского папируса – самом полном из подобных египетских памятников, относящемся к началу XIX династии, – "маркером" исторических эпох служило суммирование лет царствований по нескольким династиям сразу: такие суммы применительно к III тыс. до н.э. выводятся от Менеса до последнего царя V династии Унаса и от Менеса до конца правления т.н. "дома Тети" (VI-VIII династия), т.е. до катастрофы I Переходного периода; [9, pls. III-IV]); тем самым конец V династии – время Унаса – выделен как своего рода "промежуточный итог" истории древнейшей государственности Египта III тыс. до н.э., понятой как единая эпоха (сам принцип ее выделения – явно тот же, что в литературных произведениях о I Переходном периоде). К сожалению, аналогичных суммарных цифр для крупных периодов II тыс. до н.э. в Туринском папирусе не сохранилось; вместе с тем понятно, что наиболее адекватным отражением "циклов египетской истории" в восприятии самих египтян должны быть не лаконичные царские списки, а труд Манефона Севеннитского, в котором перечисление царей сопровождалось комментарием об их деяниям, предполагающим их концептуальное осмысление. Существенно и то, что это произведение было создано в раннеэллинистическое время, при Птолемее I Сотере и Птолемее II Филадельфе [11, p. 191-193] – когда его автор имел возможность обобщить события не только III и II, но в значительной мере и I тыс. до н.э. и, кстати, когда, видимо, уже сложилась фикция, "редуцирующая" все течение египетской истории до "цикла Сесонхосиса – Александра".

Деление Манефоном египетской истории на крупные периоды заложено в самой структуре его произведения, состоящего из трех т.н. томосов. В свете того, что мы уже успели сказали, очевиднее всего принцип выделения Манефоном его первого томоса. В последних его фрагментах (frgg. 31-32a-b) речь идет о 43 годах правления XI фиванской династии и 16 годах правления Аменеммеса, названного ее преемником, но не "подключенного" ни к ней, ни к следующей XII династии, хотя ее основатель Сесонхосис и называется его сыном (frgg. 34-36). Соответствие Аменеммеса историческому Аменемхету I и Амени "Пророчества Неферти" совершенно очевидно; но при этом интересно его помещение вне какой-то определенной египетской династии. Коль скоро, по всем соображениям династической и исторической логики, его следовало бы причислить вместе с его сыном к XII династии, как делают современные египтологи, то его место в труде Манефона можно объяснить лишь стремлением поместить его непременно в первый томос, хотя бы и вне династической последовательности. Объяснить это стремление можно лишь исходя из того, что для Манефона Аменеммес находился не в началом второго цикла египетской истории, а как раз в конце первого, соответствующего первому томосу; при этом ряд признаков в сообщениях Манефона о египетских династиях с VIII-й по XI-ю (крайняя их скупость и отсутствие в них полных царских списков: frgg. 23-32 (Ср. с восприятием ряда царей I Переходного периода как неполноценных в отношении способности совершать ритуал, что побуждало их современников "стыдиться" упоминать их по имени в своих текстах [3, с. 46, прим. 3].); сообщение, что VII династия "состояла из семи царей-мемфисцев, правивших 70 дней": frgg. 23-24a-b; крайне негативная характеристика основателя IX гераклеопольской династии Ахтоя как жестокого правителя, обрушившего на Египет несчастья, в конце концов обезумевшего и убитого крокодилом: frgg. 27-28a-b) показывает, что их время было в восприятии Манефона сплошной чередой бедствий. Подобная картина прямо соотносится с представлением о тотальном крушении *маат* в кон. III тыс. до н.э., зафиксированном "Пророчеством Неферти" и другими литературными текстами. В таком случае правление Аменеммеса – и, исходя из сообщения "Пророчества Неферти" об Амени, восстановление при нем *маат* – завершает для Манефона первый цикл египетской истории (начавшийся с первого царя I династии Менеса). Мы не станем затрагивать сейчас вопрос о том, какой могла быть в схеме Манефона "точка надлома" этого цикла, – достаточно трудный и заслуживающий отдельного исследования.

Второй томос Манефона начинается с XII династии, первым царем которой оказывается сын Аменеммеса по имени Сесонхосис - исторический Сенусерт I (frg. 34-

36). В действительности именно Сенусерт I впервые за долгое время обнаружил, с точки зрения египтян, качества полноценного царя-ритуалиста [3, с. 48-49]; кроме того, он создал систему распределения трудового населения Египта на профессиональные разряды, сформировавшую организацию египетского общества на все II тыс. до н.э. Очевидно, именно поэтому Сесонхосис явно оказывается у Манефона "основоположником" исторического периода его второго томоса [ср.: 2, с. 33]. Выше мы говорили, что в греческой традиции кон. IV в. до н.э. Сесонхосис совмещает черты великого завоевателя и устроителя общества; Манефон эти качества явно разводит, поскольку великим завоевателем он представляет Сесостриса, соответствующего в его списке Сенусерту III, и повторяет применительно к нему хорошо известные сведения Геродота (*loci cit.*). Судя по всему, именно это царствование должно было соответствовать пику могущества Египта во временных границах второго томоса Манефона. "Надлом" же могущества Египта в этом диапазоне связан, несомненно, с гиксосским завоеванием Египта. Благодаря двум пространным цитатам Иосифа Флавия, именно эти фрагменты труда Манефона известны нам лучше всего (frg. 42 = Ios. C. Ap. I. 14. §§ 73-92; frg. 50 = id. 15-16. §§ 93-105; см., с отсылками к литературе: [11, p. 213-223]). Сюжет изгнания гиксосов у Манефона вбирает в себя войны в Азии царей XVIII династии от Яхмоса I и до Тутмоса IV [7, с. 132-135]; при этом Манефон подключает к этому дому и царей исторической XIX династии (frgg. 52-53) и не говорит ни слова о таких могущественных врагах Египта при обоих этих домах, как Митанни и Хеттское царство. Это, во-первых, оттеняет качество Сесостриса как единственного царя-завоевателя во втором томосе Манефона (и в целом в истории Египта согласно его изложению!) и, во-вторых, имплицитно делает "постгиксосское" царство с центром в Иерусалиме единственным врагом Египта в Азии в это время, причем именно ему суждено было подстегнуть тотальный кризис Египта на исходе второго томоса Манефона.

Этот кризис, согласно Манефону, был связан с захватом Египта при царе Аменофисе египетскими прокаженными в союзе с "постгиксосами" (frg. 54 = Ios. C. Ap. I. 26-31. § 227-287; см. наше отдельное исследование: [5]). В реальной истории данный сюжет соответствует борьбе царей конца XIX - начала XX династий с "народами моря" (этот пока не опубликованный вывод принадлежит А.А. Немировскому), и тем самым его можно считать соотнесенным (хотя крайне неявно) с формальным завершением второго томоса Манефона - царствованием Туориса (frgg. 55-56), т.е. исторической Таусерт, царствовавшей на исходе XIII в. до н.э. в период между двумя волнами нашествия "народов моря". Выделим сейчас в этом сюжете важнейшее с точки зрения механизма движения исторических циклов согласно Манефону: если сам этот кризис времени Аменофиса был спровоцирован его действиями, то его преодоление оказывается делом рук того же Аменофиса и его сына Сетоса-Рамессеса, которому в значительной мере свойственны черты основоположника последующей исторической эпохи. Таким образом, фигуры Аменофиса и Сетоса-Рамессеса, завершая, по сути дела, историческое развитие Египта в рамках второго томоса Манефона, оказываются, как и Аменеммес и Сесонхосис на стыке первого и второго томосов парой "царь-отец/избавитель Египта от великого бедствия – царь-сын/основоположник эпохи, следующей за великим бедствием". Как видно, этот конструкт служит в схеме Манефона принципиально важной "связкой" между большими эпохами истории Египта. Его истоки обнаруживаются, судя по всему, необычайно рано – еще в финале I Переходного периода, когда подобное же "распределение ролей" между отцом и сыном намечается в "Поучении царю Мерикара" между его автором царем Хети III Уахкара и его сыном и адресатом поучения (pHerm. 1116A. 143: "говорят о тебе: "прекративший время болезни""). Религиозные коннотации этого конструкта стоит, вероятно, искать в мифологии Осириса и Хора – самых знаменитых отца и сына египетской религии; однако этот вопрос еще не рассмотрен нами подробно.

Таким образом, рубеж между вторым и третьим томосами труда Манефона соотносится с отражением "народов моря" в кон. XIII – нач. XII вв. до н.э. – очевидно, благодаря тому, что египтяне сохранили представление о тяжести этого кризиса и масштабности вызванной им перестройки их общества на долгое время. Третий томос начинается с упоминания XX-XXI династий: однако эпитоматоры не приводят их списков, и первым царем третьего томоса, названным по имени, является основатель XXII ливийской династии Сесонхис (frg. 60) ("Сесонхосис" во frg. 61 – скорее всего, искажение.) – исторический Шешонк I. Очевидно и, несомненно, неслучайно сходство с его именем формы имени исторического Сенусерта I "Сесонхосис": как и он, Шешонк I был основоположником своей – специфической египетско-ливийской – государственности I тыс. до н.э. [13] и в этом качестве делил с Сетосом-Рамессесом роль царя-устроителя в начале третьего томоса. "Надлом" в развитии Египта на третьем цикле его истории соотнесен (причем не только у Манефона – frgg. 64-65, – но и в эллинистических "Пророчестве ягненка" и "Пророчестве горшечника": [6]) с царствованием Бокхориса: при этом царе "заговорил ягненок", который возвестил грядущие бедствия Египта, связанные с чужеземным завоеванием. Что касается дальнейшего, то в наших реконструкциях схемы Манефона мы несколько связаны тем, что его труд, по самому его замыслу, был доведен до царствования Нектанеба II (frg. 6) – последнего египтянина на престоле фараонов. Поскольку тяжелого кризиса Египта, за которым следует новая историческая эпоха, в третьем томосе мы не видим, можно предположить, что Манефон отнес его к лежащему вне его рамок второму персидскому владычеству (343-332 гг. до н.э.) (XXXI династия Манефона, включающая Артаксеркса III, Арсеса и Дария III, - вставка эпитоматоров: [11, p. 193, n. 12].), за которым следовало избавление Египта от бедствий Александром Великим. В таком случае в схеме, которой руководствовался Манефон, финальной фигурой третьего цикла египетской истории должен был быть именно Александр; при этом т.н. "Демотическая хроника" дает основания полагать, что качество его преемника (хотя и не сына) – основоположника новой, македонской, эпохи истории Египта (уже четвертого ее цикла) – ассоциировалось бы в ней с Птолемеем I [10, S. 78-79, 108-109].

В заключение обратим внимание еще на несколько моментов. Во-первых, конструкт "отец-сын", служивший "связкой" между первым и вторым и вторым и третьим циклами истории Египта у Манефона, реализуется в полном объеме применительно к финалу третьего цикла в "Романе об Александре": как известно, в нем Александр представлен сыном Нектанеба II; при этом вступление Александра в Египет является отчасти и возвращением сюда воплощенного в нем Нектанеба, так что и в этом сюжете, сообразно закономерностям данного конструкта, "царь-отец" участвует в возвращении страны к норме. Во-вторых, понятие об исторических циклах обнаруживается в антимакедонском по

своей направленности тексте "Пророчества горшечника": в нем македонское владычество – это не отнюдь не счастливое начало четвертого, а бедственный финал третьего цикла истории Египта, за которым последует его освобождение царем-египтянином; при этом обетование подобного завершения этих бедствий оказывается отнесено к ключевым моментам истории Египта, актуальным и для ее "академичной" версии Манефона, – в "Пророчестве ягненка" ко времени Бокхориса, в "Пророчестве горшечника" ко времени Аменофиса. Оба эти момента красноречиво показывают, что схема исторического развития, которой руководствовался Манефон, была всеобщей в осмыслении (как "академичном", так художественном и пропагандистском) египтянами исторического развития своей страны. Наконец, характерно, что и Манефон, и многие других "версии" рассмотренной нами исторической схемы в значительной мере связывают бедствия Египта во времена его кризисов с наступлением господством чужеземцев. Подобный акцент вводил в данную схему долю предостережения против вовлечения Египта в активные контакты (хотя бы и экспансионистские) с окружающим миром. "Неизоляционистская" версия цикличной концепции истории Египта, представлена, по сути дела, лишь рассматривавшимся нами "циклом Сесонхосиса-Александра"; однако эта схема была, без сомнения, слишком специфична и очевидно фиктивна, чтобы стать базовой для восприятия египетского прошлого.

1. *Ассман Я.* Египет: Теология и благочестие ранней цивилизации. – М., 1999. 2. *Берлев О.Д.* Древнейшее описание социальной организации Египта // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. Сб. ст. – М., 1984. 3. *Демидчик А.Е.* Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. – СПб., 2005. 4. *Иванчик А.И.* Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. – М.; Берлин, 2005 (Pontus septentrionalis, 3). 5. *Ладынин И.А.* Легенда о царе Аменофисе (Manetho, ed. W.G. Waddell, frg. 54, Chaeremon, FGrHist. 618. F. 1) и финал второго томоса труда Манефона // Петербургские египтологические чтения 2007-2008: памяти О.Д. Берлева. К 75-летию со дня его рождения: Доклады. – СПб., 2009 (Труды Государственного Эрмитажа, 45). 6. *Ладынин И.А.* "Отплатят за наосы богов Ниневии, в округе аморитов…": Об исходе бедствий Египта в "Оракуле ягненка" // Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVI Сергеевских чтений. – М., 2010. 7. *Немировский А.А.* Гиксосы: вопросы именования и происхождения // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций. Сб. ст. – М., 2001. 8. *Berg B.* An Early Source of the Alexander Romance // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 1973. – Vol. 14. 9. *Gardiner A.H.* The Royal Canon of Turin. – Oxford, 1997. 10. *Felber H.* Die Demotische Chronik // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten. – Leuven, 2002 (Orientalia lovanensia analecta, 107). 11. *Gozzoli R.* The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millennium B.C. (ca. 1070–180). Trends and Perspectives. – L., 2006 (Golden House Publications, Egyptology, 5). 12. *Jasnow R.* The Greek Alexander Romance and Demotic Egyptian Literature // Journal of Near Eastern Studies. – 1997. – Vol. 56. 13. *Ladynin I.A.* Sesostris–Sesonchosis–Sesoosis: The Image of the Great King of the Past and Its Connotations of the Lybian Time in Egypt // Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient. –Vol. 5. – Moscow, 2010. 14. *Posener G.* Littérature et politique dans l'Égypte de la XIIe dynastie. – P., 1956. (Bibliothèque de l'école des hautes études, 307). 15. *Wildung D.* Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt. – Bd. 1. B., – 1969 (Münchner ägyptologische Studien, 17).

Надійшла до редколегії 13.03.12

О. Малюгин, канд. ист. наук, доц.
(г. Минск, Беларусь)

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БРИТТОВ (ПО "ИСТОРИИ БРИТТОВ" НЕННИЯ)

Статья посвящена рассмотрению представлений жителей кельтских районов Британских островов о римской истории и культуре и их влиянии на политическую ситуацию того времени (VIII–IX вв.)

The article deals with representations of the inhabitants of the Celtic regions of the British Isles about Roman history and culture and their influence on the political situation at that time (VIII–IX cc.)

Произведение, известное в науке как "Historia Brittonum" и приписываемое Неннию [16], является одним из важнейших источников по истории Британских островов в раннем средневековье. Оно посвящено тому периоду в истории, который получил название "темных веков" и, соответственно, крайне слабо освещен в источниках. Историки располагают, прежде всего, материалами Гильдаса [5] и Беды Достопочтенного [2], которые в совокупности с археологическими данными составляют остов наших знаний о Британии в те смутные времена. В данной ситуации крайне важно вовлекать в научный оборот сведения, которые имеются в других работах, созданных в период раннего средневековья. Труд "Historia Brittonum" как раз и является таким произведением, которое привлекает к себе пристальное внимание исследователей, но по сей день не получило однозначного толкования. Вполне можно согласиться с Н. Чадвик, которая отметила еще 50 лет тому назад: "Можно с уверенностью сказать, что ни одна из проблем раннегосредневековья не представляет больших трудностей, чем история происхождения и истории текста "Истории бриттов" [4, с.37]. До конца не ясно ни точное время составления произведения, ни имя его автора (условно принято считать его автором уэльского клирика Ненния, жившего в первой половине IX века), ни точные источники сведений, на которых базируется рассказ "Historia Brittonum".

"История бриттов" - произведение синхронизирующей истории, в рамках которой автор (или компилятор) попытался создать историю Британии, опираясь на широкий круг источников, как островных (кельтские и англо-саксонские хроники, королевские родословные, народные предания), так и континентальных (труды Павла Орозия, Проспера Аквитанского, Иеронима). Мало кто сомневается, что в утерянных к нашему времени источниках, использованных Неннием, содержалась важная информация. Однако автор "Historia Brittonum" пересказывает без особого критического отношения все, что он читал, слышал от других или видел собственными глазами, допуская при этом огромное количество ошибок. Именно эти ошибки дали возможность ряду историков обвинять его в полной некомпетентности, а его произведению отказывать в маломальской исторической достоверности. Но даже его ошибки, когда мы внимательно посмотрим на них, дают в распоряжение исследователей уникальный материал – они проливают свет на то, как именно представлял себе историю своего народа и страны один из образованных представителей одного из темнейших и запутанных периодов британской истории.

В данной работе речь пойдет преимущественно о рецепции римской культуры в раннесредневековом Уэльсе, где и был создан первоначальный текст произведения, и об отражении этого процесса в "Historia Brittonum".

© Малюгин О., 2012

"Historia Brittonum" и латынь. Прежде всего, стоит помнить, что "История бриттов" была написана на латыни – языке науки и культуры того времени. Общеизвестно выражение Гильдаса применительно к латыни – "наш язык". Гильдас писал на грамматически правильной и риторически отточенной латыни, с помощью которой обличал грехи и прихоти бриттских королей и священнослужителей [12]. И в последующие века на кельтских территориях существовало минимум две группы ученых, чьим основным языком была латынь, хотя они и пользовались валлийским языком для составления глосс и marginalia (надписей на полях рукописей) [13].

Ситуация в IX веке не изменилась, что видно по произведению Ненния и трудам еще одного уэльсца – Ассера, автора биографии Альфреда Великого. Они оба показывают хорошее знание латыни, гораздо лучшее, чем у многих из их английских современников [3, с.171-174]. Более того, Д. Дамвилл отмечает "uniform Latinity" труда Ненния. Любой читатель оригинального текста будет удивлен, насколько легче читать произведение Ненния, чем, например, труд Гильдаса, Беды или "Житие св. Самсона", написанное в VIII в. [10, с.925].

Восприятие римской культуры и истории в "Historia brittonum".Первую часть своего труда Ненний посвятил размышлениям о происхождении народов, населявших Британию, а также краткому изложению истории римского владычества на острове (HB, ch. 1-31). Этот материал можно разделить на три части:

- эпонимические легенды и генеалогии, включая два основных варианта происхождения бриттов (HB, ch. 10-11 и 17-18);
- перечень римских императоров, которые посещали Британию, наряду с некоторыми историческими фактами (HB, ch. 19-27);
- отношения между бриттами и римлянами в конце IV – начале V века и конец римского господства на острове (HB, ch. 28-31)

Описание Британии было заимствовано преимущественно у Гильдаса (De Exc., 3), хотя Ненний дополнил его некоторыми новыми сведениями, из которых наиболее важна "троянская легенда" о происхождении бриттов и рассказ об их эпонимическом основателе Бритте (HB, ch. 10-11). В этом разделе Ненний предпринимает попытку свести воедино британские и римские мифологические сюжеты. При этом стоит отметить, что он имел доступ к хорошей анналистической традиции – точно определяет время правления Энея в Лации тремя годами и знает, что всех королей Альбы после сына Энея звали Сильвиями. Но сама легенда – кельтская по духу, она делает ранее неизвестного внука Энея по имени Бритт (или Брут) родоначальником жителей далеких островов, куда он был вынужден бежать после смерти Сильвия и его супруги (ch. 10). В главе 11 синхронизация римской и бриттской истории Неннием продолжена: он называет преемником Сильвия и, соответственно, братом Бритта, Постума. Это имя не появляется ни в одном из римских династических списком и означает "родившийся после смерти своего отца". Согласно Ф. Барбьери, этот текст попал в руки Ненния в готовом виде – как перевод на латинский язык кельтской поэмы о страданиях и странствиях Бритта [1].

Из собственно римской истории у Ненния приведены только отрывочные факты. В главах 19-21 повествуется о вторжениях на остров Юлия Цезаря и Клавдия, а в главе 23 речь идет о деятельности на острове Септимия Севера. Упоминает автор сюжет о крещении короля бриттов Луция в 167 г. – наиболее вероятно, что этот факт Ненний почерпнул из труда Беды Достопочтенного (см.: HE, I, 5).

Он всячески пытается связать историю бриттов с римской историей, хотя тут трудно отделить его желанием от элементарных ошибок при передаче письменной традиции. Так, в главе 19 он упоминает Долобелла, которого называет "proconsul regi Brittannico" (стоит отметить, что в русском переводе А.С.Бобовича Долобелл превращается из проконсула в военачальника короля бриттов Беллина). Все исследователи единодушны, что в данном случае это имя попало в "Историю бриттов" ошибочно, а под именем Долобелла следует понимать Публия Корнелия Долабеллу, известного деятеля эпохи Поздней республики в Риме. Но откуда Ненний вычитал его имя? В рассказе Павла Орозия о походах Цезаря в Британию, который, скорее всего, лежал в основе соответствующего пассажа Ненния (Hist. Adv. VI, 8-9) имени Долабеллы нет. Он появляется в тексте Орозия позднее, в 15 главе той же шестой книги, когда Павел повествует о временах гражданской войны в Риме. Следует предположить, соответственно, что либо Ненний прочитал весь труд Павла Орозия, а не только те разделы, что касались походов Цезаря в Британию, либо он пользовался сокращенным вариантом, созданным до него на британской земле, где уже содержалось имя Долабеллы. Второе предположение кажется более предпочтительным, так как не раз отмечалось, что этот раздел труда Ненния носит скорее пробриттский, чем проримский характер.

Ряд других сведений Ненния также полностью запутан и с трудом поддается объяснению. Это касается рассказа о Караузии (названный в тексте Карицием) (HB, ch. 24) и главы, посвященной Константину, сыну Константина Великого (судя по приводимым фактам, автор спутал его с отцом Константина Великого, Констанцием Хлором) (HB, ch.25). Глава 25 дает также пару любопытных черт об отношении Ненния к римскому прошлому его страны. Он утверждает, что Константин (Констанций Хлор – ?) "тут и умер и его могилу, на надгробном камне которой начертана надпись, оповещающая, что он в ней покоится, показывают близ города Каир Сегейнт. Он зарыл в землю, на которой построен город, как зарывают семена, три клада — золотой, серебряный и медный, дабы в этом городе, носящем также название Минмантон, никогда не было ни одного бедняка" (HB, ch.25). У Константина Великого был сын по имени Константин, правивший империей в 337-340 гг., однако он не посещал Британию и погиб в 340 г. близ Аквилеи во время войны со своим братом Константом. А вот отец Константина Великого, Констанций Хлор долгое время провел в Британии, где и скончался в 306 г., правда, не в городе Сегонциум, а в Йорке. Возможно, Ненний спутал с гробницей императора погребение другого Константина, а также обнаруженный в городе клад римских монет. Но и эта ошибка показывает, насколько важно для автора "Historia Brittonum" связать историю уэльских территорий с римскими реалиями.

Главная идея, пронизывающая главы, посвященные римскому периоду, – вероломство бриттов, неоднократно убивавших римских правителей, приводило к печальным последствиям для островитян, так как римляне выводили с острова свои войска и оставляли Британию беззащитной перед ордами завоевателей. Это является прологом к истории о Вортигерне и призвании им саксов и англов на помощь в борьбе с пиктами и скоттами в середине V столетия (HB, ch. 31 и сл.).

Ненний и Магн Максим. Набольшее внимание автора из всех событий римской истории привлекает дея-

тельность Магна Максима, поднявшего восстание в Британии в 383 г. и захватившего власть почти над всей территорией Западной Римской империи. Ненний посвятил ему три главы своего труда, по объему не уступающие рассказу о Цезаре.

Для Ненния и его источников Максим знаменует переломный момент в истории бриттов. Прежде всего, он является для автора "Historia Brittonum" последним римским императором, правившим на острове: после него стали в Риме править консулы. Во-вторых, он увел с собой воинов и не позволил им вернуться обратно (HB, ch.27): "…и именно по этой причине чужестранцы захватили Британию и обрекли ее жителей на изгнание, пока бог не придет им на помощь".

В главе 28 Ненний, казалось бы, подводит итог господства римлян в Британии: "После названного Констанция, сбросив с себя ярмо римской власти, они перестали выплачивать дань и принимать поставленных Римом властителей, дабы те правили ими, и римляне не посмели вернуться в Британию, чтобы господствовать тут и впредь, ибо бритты убили их полководцев". Однако в следующей, 29 главе, он вновь обращается к фигуре Магна Максима, путая его с Максимианом, причем в одном и том же абзаце.

Здесь история Максима дополняется подробностями – об убийстве Грациана, о Викторе – сыне и соправителе Максима – и о смерти узурпатора. Эти сведения перемежаются упоминаниями о событиях римской и церковной истории, заимствованными из хроник.

Логично возникает вопрос о причинах столь пристального внимания автора "Historia Brittonum" к личности Магна Максима. Едва ли это можно объяснить именно тем, что Максим, уведя с собой легионы, обрек Британию на завоевание чужестранцами.

Сам Ненний, хотя и следует островной легенде о "семи императорах", пытается совместить ее с известными ему сведениями о других римских императорах. В главе 28 он, видимо, под именем Констанция описывает освобождение бриттов от римского господства после узурпации власти Константином III.

Следовательно, непосредственно Максим в глазах Ненния не мог послужить причиной захвата чужестранцами. Более того, из текста "Historia Brittonum" не вытекает негативное отношение автора к Максиму. Лишь в начале главы 29 говорится: "Необходимо снова повести речь о самодержавном злодее Максимиане" (т.е. Максиме – О.М.). Это, по всей видимости, обращение, заимствованное из хроник, поскольку отношение к Максиму в большинстве из них было резко отрицательным.

Автор "Historia Brittonum", уделяя такое внимание Магну Максиму, отражает общую тенденцию, характерную для Уэльса его времени. В уэльских текстах он выступает под именем Maxen Wledig, как великий правитель и прародитель многих уэльских королей. В Eliseg Pillar (текст надписи датируется большинством исследователей первой половиной IX века, что совпадает со временем редактирования "Historia Brittonum") он назван "Максимус, который убил короля римлян" и к нему возводится родословная королей Повиса. В рукописи Harley 3859 староуэльские генеалогии делают Максима родоначальником королей Дифеда, а в бретонском житии святого Гуртиерна, написанном на латыни, он действует как "Maximianus, сын Констанция, сына Елены", становясь, таким образом, далеким потомком св. Елены [9, с.1232-1233]

Дж. Линдсей считает, что такое внимание к персоне Максима неслучайно, и он должен был сделать что-то выдающееся – по версии исследователя, Магн Максим создал группы федератов на северной границе, которые были обучены римскому военному делу и получили римские insignia: Максим стал "их символом роскоши и цивилизации, также как символом их независимости и гордости" [15, с.345-346]. Сходную точку зрения высказывает и Л. Лаинг, который предположил, что Максим мог быть ответственен за организацию и формирование ранних королевств на территории Уэльса и, возможно, приглашение Кунедды [11, с.100].

Правда, эти взгляды ныне критикуются многими кельтологами, которые уверены, что появление имени Магна Максима в уэльских генеалогиях не может рассматриваться как свидетельство каких-либо оборонительных мероприятий, предпринятых им в Британии в конце IV века [7, с.31; 9, с.1233].

Даже если предположить, что Магн Максим не сделал ничего выдающегося на территории Британии, несомненно то обстоятельство, что возведение происхождения уэльских правителей к Магну Максиму отражает осознание преемственности их власти от римлян, как это подчеркивала еще Н. Чадвик [4, с.74].

Был ли Ненний настроен негативно по отношению к римскому прошлому? Этот вопрос был поставлен Майклом Джонсом в своем исследовании "Конец Римской Британии" [8, p.130-134]. Джонс утверждает, что как факты в различных частях труда Ненния, так и общий тон произведения носят ярко выражены антиримский характер. А это, в свою очередь, должно свидетельствовать об общей анти-римской направленности бриттов как в эпоху империи, так и гораздо позднее.

Точка зрения М.Джонса была подвергнута критике другими исследователями [6, p. 286]. Действительно, сложно представить, чтобы в обществе, в котором создавалась "Historia Brittonum", господствовали антиримские настроения – ведь к тому моменту прошло уже более четырех веков, как имперское присутствие на острове сошло на нет, а сама империя стала лишь смутной тенью в глазах подавляющего большинства населения Уэльса. Что касается общеевропейской перспективы, то в конце VIII – начале IX веке главное внимание уделялось роли папства и возрождению империи под руководством Каролингов. С этой точки зрения маловероятно, что Ненний осознанно мог пропагандировать анти-римские настроения, которые шли вразрез с общей тенденцией западной идеологии.

Едва ли антиримски настроенной могла в то время быть кельтская Церковь. Споры (о дате празднования Пасхи или о форме тонзуры), столь острые двумя веками ранее и так интересовавшие Беду, угасли, и церковь Уэльса все более сближалась с римско-католической Церковью [14, p. 25-44]. Уэльская знать IX–X веков не прочь была возвести происхождение своего рода к какому-либо персонажу римской истории (об использовании Магна Максима в таком контексте мы уже упоминали). Следовательно, и церковные, и светские власти едва ли рассматривали римскую эпохув негативном плане. Такое отношение могло быть характерно для первых десятилетий после ухода римских легионов из провинции, но не для эпохи, отстоящей от этих событий более чем тремя веками.

Таким образом, труд Ненния свидетельствует о продолжавшейся в кельтском обществе традиции изучения и восприятия римской культуры, римской истории, которые становились не только объектом изучения или поклонения, но и обоснованием прав уэльских правителей на суверенное существование перед лицом все усиливающейся англосаксонской угрозы.

1. *Barbieri F.* History of Britain, 407-597. Introduction: Sources and their Treatment [код доступа: http://www.geocities.com/vortigernstudies/fabio/introduction.htm] 2. *Bedae Venerabilis*. Historia ecclesiastica gentis

Anglorum / Bedae Venerabilis // Bede Venerabilis. Opera historica. – V.1. – Vaduz,1964. 3. Brooks, N. The early history of the Church of Canterbury : Christ Church from 597 to 1066 / N. Brooks. – Leicester: Leicester University Press, 1984. – XIV, 402 p. 4. *Chadwick N.D.* Early Culture and Learning in North Wales / N.D.Chadwick // Studies in Early British Church / by Nora K. Chadwick [and others]. – Cambridge: Cambridge [Eng.] University Press, 1958. – P. 29-120. 5. *Gildas.* De excidio Britanniae / Gildas // Six Old English Chronicles / Ed. by J.A.Giles. – L.: Henry G. Bohn, 1848. – P.295-380. 6. *Halsall G.* Movers and Shakers: the barbarians and the Fall of Rome / G.Halsall // From Roman provinces to Medieval kingdoms / edited by Thomas F.X. Noble. – New York : Routledge, 2005. – P. 277-291. 7. *Jenkins G.H.* A concise history of Wales / G.H. Jenkins. – Cambridge, UK ; New York : Cambridge University Press, 2007. – xii, 345 p. 8. *Jones M.E.* The End of Roman Britain/ M.E. Jones. – Ithaca: Cornell Unty Press, 1996. – IX, 323 p. 9. *Kosh J.T.* Macsen Wledig / J.T.Kosh // Celtic culture : a historical encyclopedia / John T. Koch, editor. – Santa Barbara, Calif. : ABC-CLIO, c2006. – P. 1231-1233. 10. *Kosh J.T.* Historia Brittonum / J.T.Kosh // Celtic culture : a historical encyclopedia / John T. Koch, editor. – Santa Barbara, Calif. : ABC-CLIO, c 2006. – P.925-927. 11. *Laing L.R.* The archaeology of late Celtic Britain and Ireland, c. 400-1200 AD / L.R.Laing. – London : Methuen ; [New York]: distributed by Harper & Row, Barnes & Noble Import Division, 1975. – XXVII, 451 p. 12. *Lapidge, M.* Gildas's Education and the Latin culture of sub-Roman Britain / M.Lapidge // Gildas: new approaches / Ed. by M.Lapidge and D.Dumville. – Woodbridge: Boydell Press, 1984. – P. 27-50. 13. *Lapidge, M.* Latin Learning in Dark Age Wales: some prolegomena / M.Lapidge // Proceedings of the Seventh International Congress of Celtic Studies. Oxford, 1983 / Ed. by D. Ellis Evans et al. – Oxford: Oxford UP, 1986. – P. 91-107. 14. *Lieberman F.* Nennius the Author of the "Historia Brittonum" / F.Liebermann // Essays in Medieval History presented to Th.Fr.Tout / Ed. by A.G.Little and F.M.Powicke. – Manchester, 1925. – P. 25-44. 15. *Lindsay J.* The Romans were Here / J. Lindsay. – N.Y.: Barnes & Noble, 1969. – 2nd ed. – 416 p. 15. *Nennius.* History of the Britons / Nennius // Six Old English Chronicles / Ed. by J.A.Giles. – L.: Henry G. Bohn, 1848. – P.383-416.

Надійшла до редколегії 13.03.12

К. Марков, канд. ист. наук
(Нижний Новгород, Россия)

РАССУЖДЕНИЯ ДИОНА КАССИЯ ОБ ИСТОРИОПИСАНИИ (I.1.2, XLVI.34. 5–35.1, LIII. 19.1–6): ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящена проблемам перевода и интерпретации ряда пассажей из "Римской истории" Диона Кассия, содержащих размышления автора об историописании.

The paper deals with the problems of translation and interpretation of a number of passages from Dio's "Roman history" containing the author's considerations on the writing of history.

В "Римской истории" Диона Кассия есть ряд пассажей, содержащих размышления автора о том, как писать историю. Эти отрывки вместе с рядом автобиографических фрагментов были переведены на русский язык и опубликованы в 2008 г. в сборнике "Из истории античного общества" [5]. Данная статья представляет собой попытку внести в опубликованную версию перевода некоторые уточнения, важные, как мне представляется, для понимания рефлексии Диона над методами историописания в целом и его собственным творческим опытом в частности. Главная проблема, связанная с переводом упомянутых отрывков – это совмещение литературной обработки текста и точности в передаче смысла. Ниже мы рассмотрим данные пассажи в том порядке, в каком они представлены в тексте "Римской истории".

᾿Ανέγνων μὲν πάντα ὡς εἰπειν τὰ περὶ αὐτῶν τισι γεγραμμένα, συνέγραψα δὲ οὐ πάντα ἀλλ᾿ ὅσα ἐξέκρινα. μὴ μέντοι μηδ᾿ ὅτι κεκαλλιεπημένοις, ες ὅσον γε και τά πράγματα επέτρεψε, λόγοις κεχρημαι, ὲς τὴν αλήθειαν αὐτῶν διὰ τοῦτό τις υποπτεύσῃ, ὅπερ επ᾿ ἄλλων τινῶν συμβένηκεν· ἐγὼ γὰρ ἀμφότερα, ὡς οἷόν τε ἦν, ὁμοίως ακριβῶσαι ἐσπούδασα.

"Прочитав, можно сказать, всё, что у кого-либо было написано о них, не всё включил я в свою историю, но только то, что посчитал пригодным [для ее целей]. Однако, полагаю, отнюдь не потому, что я воспользовался при ее написании изящными оборотами речи, насколько это позволял ее предмет, написанное сочтут за истину, как это случалось с некоторыми писателями, ибо я старался, насколько это в моих силах, быть одинаково усердным и в том и в другом отношении. Начну же я свой рассказ с того момента, с которого мы имеем наиболее достоверные сведения о той стране, где живем и где был построен город Рим" (I. 1. 2).

Представляется необходимым внести некоторые уточнения, важные для анализа исторического мышления Диона. Во-первых, автор в данном пассаже не употребляет термин "история", хотя это слово неоднократно встречается на страницах его труда. Например, именно так он называет малое произведение, посвященное гражданским войнам 90-х гг. II вв. (LXXII. 23. 2). Сам Дион называет свой труд "Римскими деяниями". Во-вторых, формулировка "то, что посчитал пригодным [для ее целей]" является переводом греческого глагола ἐξέκρινα. Следовательно, смысл данного предложения состоит в том, что Дион включил в свой труд не все, но лишь "избранное". О своей избирательности автор упоминает довольно часто. Например, он периодически отмечает, какие факты достойны его труда, а какие нет (См. напр.: 42. 19. 3–4, 53. 21. 2 [3, P. 194]). Также отметим, что в тексте присутствует двойное отрицание. Фраза "сочтут за истину" дословно переводится как "никто не усомнится" (или безлично: "не вызовет сомнения"). Имеется ввиду истинность "изящных оборотов речи", которыми воспользовался Дион (κεκαλλιεπημένοις λόγοις). Английский перевод Э. Кэри, как представляется, более точно передает смысл: даже если Дион писал изящно, истинность его слов не вызовет сомнения, ибо он проявил усердие в обоих отношениях (I trust, moreover, that if I have used a fine style, so far as the subject matter permitted, no one will on this account question the truthfulness of the narrative, as has happened in the case of some writers; for I have endeavoured to be equally exact in both these respects, so far as possible.) [1, V. 1. P. 3]. Глагол со значением "сомневаться" представляется значимым для понимания данного текста. Вероятно, такая формулировка связана с характерным для ряда античных авторов противопоставлением красочности и объективности повествования. Многие, в том числе Аристотель (Поэтика 9. 1451b1), Полибий (II. 56. 10), Цицерон (О законах I. 1. 5), Петроний (Сатирикон 118) отмечают противоположность целей поэтического творчества и историописания. Поэт создает яркий красочный образ, а задача историка, по словам Полибия, заключается в том, чтобы "принести пользу любознательным читателям правдою повествования" (II. 56. 12). С другой стороны, римский оратор и преподаватель красноречия второй половины I в. Квинтилиан отмечал в своем труде, посвященном воспитанию оратора, что "история близка к поэзии и в некотором отношении представляет собой стихотворение в прозе". Таким образом, Дион, вероятно, был знаком с различными подходами к историописанию, но сам он не видит принципиального противоречия между формой и содержанием своего сочинения.

Следующий отрывок является заключительной частью предисловия к описанию событий Мутинской войны (43 г. до н.э.):

© Марков К., 2012

Ἐς τοῦτο μὲν τότε τὰ τῶν Ῥωμαίων πράγματα προήχθη, λέξω δὲ καὶ καθ' ἕκαστον τῶν γενομένων· καὶ γὰρ καὶ παίδευσις ἐν τούτῳ τὰ μάλιστα εἶναί μοι δοκεῖ, ὅταν τις τὰ ἔργα τοῖς λογισμοῖς υπολέγων τήν τε ἐκείνων φύσιν ἐκ τούτων ἐλέγχῃ καὶ τούτους ἐκ τῆς ἐκείνων ὁμολογίας τεκμοριοῖ.

"К такому состоянию подошло тогда Римское государство. Я же теперь поведу рассказ об отдельных событиях. Ибо, по моему мнению, настоящая ученость (παίδευσις) заключается, прежде всего, в том, чтобы исследовать сущность фактов, рассматривая их на основе суждений разума (τοῖς λογισμοῖς), и исходя из согласованности первых обосновывать вторые" (XLVI. 34. 5 – 35. 1).

Существуют разные варианты перевода данного текста. Один из них мы видим в английском подстрочнике к лоебовскому изданию. Другой вариант принадлежит Ф. Миллару (I consider it to be the chief characteristic of a trained mind to be able to apply rational principles to historical facts, thereby demonstrating the true nature of the facts and also, by coordinating the facts, showing the truth of the principles [4, P. 45]). Опубликованный перевод на русский язык близок по смыслу к версии Миллара:

"К такому состоянию подошло тогда Римское государство. Я же теперь поведу рассказ об отдельных событиях. Ибо, по моему мнению, настоящая ученость (παίδευσις) заключается прежде всего в том, чтобы исследовать сущность фактов, рассматривая их на основе суждений разума (τοῖς λογισμοῖς), и исходя из согласованности первых обосновывать вторые" (XLVI. 34. 5 – 35. 1).

Еще одна версия понимания смысла данного фрагмента представлена в работе М. Хозе, который предлагает переводить παίδευσις как "поучительность" [2, S. 422]. Согласно его трактовке, текст следует понимать следующим образом: поучительность состоит, прежде всего, в том, чтобы, подбирая факты для рассуждений, исследовать природу фактов посредством умозаключений и обосновывать умозаключения исходя из согласованности фактов. Таким образом, в композиционном плане для Диона первичны именно умозаключения, т.е. выводы, а не факты. К изложению фактического материала он приступает, сформулировав определенное объяснение, а затем иллюстрирует общие положения, рассказывая о конкретных событиях.

Даннная версия представляется более убедительной, если принять во внимание контекст, т.е. содержание предшествующих 33-й и 34-й глав. Обратим внимание на то, что в греческом тексте конец 34-й главы и начало 35-й составляют по сути одно предложение, т.е. в рассматриваемом пассаже Дион поясняет, почему он сначала дает общую характеристику состояния Римского государства накануне Мутинской войны, а затем переходит к рассмотрению отельных фактов. В предшествующих главах историк пишет о гибели многих сенаторов и всадников, об уничтожении лучших мужей Рима во времена Мутинской войны и после формирования II триумвирата. Виновниками кровопролития Дион называет самих сенаторов, которые проводили политику лавирования между несколькими лидерами, стремящимися к единоличной власти. По мнению автора, им следовало бы с самого начала выбрать одного наиболее достойного кандидата и всеми силами его поддерживать. Если посмотреть содержание последующих глав XLVI и LXVII кн., мы увидим, что они являются, по сути, иллюстрацией общих положений, сформулированных в гл. 33–34 кн. XLVI. Таким образом, в рассмотренном пассаже Дион поясняет, что он следует определенному композиционному принципу, дабы читатель извлек урок из прочитанного.

Третий отрывок с размышлениями Диона о принципах историописания мы встречаем в 19-й главе LIII книги.

"Так государственное устройство было преобразовано ради общего блага и большей безопасности, ибо при демократическом правлении римляне никак не могли избавиться от беспорядков. Но вместе с тем стало невозможно одинаково повествовать о событиях до и после [установления единовластия]. Ведь раньше обо всем, что происходило даже в самых отдаленных местах, сообщалось сенату и народу. Благодаря этому все знали о событиях, и многие рассказывали о них в своих сочинениях. Поэтому, даже если что-то и писалось под влиянием страха, заискивания или дружеского расположения, либо же из ненависти, истину так или иначе можно было установить, или сопоставляя эти рассказы с трудами других авторов, писавших о том же самом, или привлекая государственные документы. Со времени же [перехода к единовластию] очень многое стало совершаться в тайне и без огласки, а если что-то и доходит до общего сведения, то все равно этому не верят из-за невозможности проверить [достоверность этих известий], подозревая, что всё говорится и делается по воле и желанию властителей и их приспешников. По этой причине люди беспрестанно толкуют о том, чего вовсе не было, и, напротив, о многом из того, что произошло на самом деле, остаются в полном неведении, и обо всем получают совершенно искаженное представление. При этом и величина Империи, и обилие событий создают огромные трудности для их точного освещения. (5) Ведь и в Риме, и в подвластных землях, и у враждебных народов постоянно, так сказать, каждодневно случается множество происшествий, о которых никто не знает ничего в точности, кроме непосредственных их участников, а подавляющее большинство людей даже по слухам не ведает о том, что случилось. Поэтому и я о последующих событиях, о которых нельзя не упомянуть, я буду сообщать в соответствии с имеющимися сведениями, так ли это произошло на самом деле, или же как-то иначе. Но к этому будут прибавлены и кое-какие мои рассуждения, насколько это возможно и в той степени, в какой я смог разузнать что-то дополнительно благодаря чтению многочисленных сплетен либо благодаря тому, что я слышал и видел сам" (LIII. 19. 1–6).

Дион отнюдь не первый, кто пишет о различиях между историческими сочинениями, издававшимися до и после утверждения принципата. Например, Тацит также констатирует, что о древних делах римского народа писали прославленные историки и "не было недостатка в блестящих дарованиях и для повествования о времени Августа, пока их не отвратило от этого все возраставшее пресмыкательство перед ним", а его преемниках писали лживо из страха или из ненависти (Ann. I. 1). Об искажении истины говорится также и в первой главе первой книги "Истории". В этой связи интересно отметить одну деталь, которая отличает Диона (историка III в.) от Тацита (историка I в.). Тацит упоминает и о тех, кто писал из лести, и о тех, кто писал из гнева. У Диона о последних ничего не сказано, да и в целом главная причина искажения истины – это отсутствие свободного доступа к информации и господство т.н. "официальной версии" событий. Еще один интересный момент – пояснение, которое Дион дает в 15-й главе LIV кн. Он пишет, что при повествовании о заговорах против императоров нельзя точно знать, что же было на самом деле, поэтому он будет придерживаться преимущественно официальной версии. Проверить, в какой степени Дион следовал своим принципам не представляется возможным, ибо значительная часть повествования об императорском Риме

дошла до нас лишь в эпитомах, но, так или иначе, стремление автора к объективности, примеры сопоставления различных версий событий прослеживаются лишь до LIV книги. Что же касается повествования Диона о преемниках Августа и последующих правителях, то оно в значительной степени политизировано и выдает пристрастность автора в трактовке широкого спектра исторических сюжетов [7, С. 16].

Рассмотрим еще один пассаж, содержащий рассказ автора о его творческом пути и истории создания его opus magnum:

"За этим последовали войны и великие неурядицы в государстве, составить описание которых меня побудило следующее. Я написал и опубликовал небольшую книгу о вещих снах и знамениях, которые внушили Север у надежду достичь императорской власти, и отправил ее Север у, а тот, прочитав ее, ответил мне большим и похвальным письмом. Это послание я получил уже поздним вечером, а затем лег спать, и во сне божество повелело мне написать историю. Поэтому я и составил сочинение о тех событиях, на которых сейчас остановился. А поскольку оно очень понравилось и всем остальным, и самому Север у, мне захотелось написать обо всем прочем, что касается римлян. По этой причине я решил не оставлять упомянутое сочинение в виде отдельной книги, а включить его в эту работу, чтобы в одном-единственном историческом труде было сделано и осталось после меня описание всех событий с самого начала и до того момента, который будет угодно назначить Судьбе. Эта богиня укрепляет меня в намерении писать историю: когда меня охватывает робость или нерешительность, когда я устаю и готов всё бросить, она внушает мне свою волю через сны, подавая мне прекрасные надежды на то, что в будущем моя история сохранится и никогда не поблекнет. В ней я, кажется, обрел строгую надзирательницу над тем, какую жизнь я веду, и поэтому я посвятил себя этой богине. Я десять лет собирал сведения обо всех деяниях римлян с самого начала и до кончины Север а и еще двенадцать лет писал свою работу. Что касается последующих событий, то о них тоже будет написано, вплоть до того момента, до которого мне удастся довести мою работу" (LXXII. 23. 1–5).

В данную версию перевода можно внести следующие уточнения. Во-первых, πόλεμοι καὶ στάσεις ("войны" и "неурядицы"), о которых говорится в первом предложении, можно перевести как "войны" и "усобицы" (ср. англ.: civil strife [1, V. 9. P. 117]), ибо автор имеет ввиду гражданские войны 90-х гг II в. Во-вторых, в параграфе 2 прочтение "написать" (γραφῆναι) историю дается по рукописи Codex Vaticanum, тогда как в современных изданиях предпочтение, как правило, отдается варианту γράφειν, т.е. "писать историю". Таким образом, данную фразу можно трактовать по-разному: божество либо повелевает Диону создать конкретное сочинение, либо призывает его стать историком. В третьих в параграфе 4 сказано, что Дион временами "устает" и "готов все бросить". Глагол πονέω, действительно, чаще всего переводится как "уставать", но есть еще одно значение – "плохо себя чувствовать, болеть". Возможно, в данном случае больше подходит именно это значение, ибо Дион неоднократно упоминает о своих проблемах со здоровьем (LXXX. 1. 2; LXXX. 5. 2), имевших место в тот период, когда он наиболее активно трудился над "Римской историей" [6, С. 154].

1. *Dio's Roman History with an English translation by E. Cary on the basis of the version of H.B. Foster*. In nine volumes. – L.–N. Y., 1914–1927. 2. *Hose M.* Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. – Stuttgart, 1994. 3. *Hidber T.* Cassius Dio // Narrators, Narratees, and Narratives in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative. Volume One / ed. I. de Jong, R. Nünlist, A. Bowie. – Leiden; Boston, 2004. P. 187–200. *4. Millar F.* A Study of Cassius Dio. – Oxford, 1964. 5. *Автобиографические фрагменты и свидетельства* / пер. с древнегреч. К. В. Маркова, А. В. Махлаюка; вступит. ст. и коммент. А.В. Махлаюка // Из истории античного общества. – 2008. – Вып. 11. – С. 235–266. 6. *Марков К.В.* К вопросу о хронологии работы Диона Кассия над "Римской историей" // ВДИ. – 2008. – № 2. – С. 142–154. 7. *Марков К.В.* Концепция идеальной монархии в "Римской истории" Дион а Кассия: дис. … канд. ист. наук. – Н. Новгород, 2007.

Надійшла до редколегії 13.03.12

А. Мартынов, асп.
(г. Донецк, Украина)

АННЕКСИЯ КИРЕНАИКИ РИМОМ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭВОЛЮЦИИ РИМСКО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ К НАЧАЛУ I ВЕКА ДО Н.Э.

Статья посвящена проблеме межгосударственных отношений между Римской республикой и птолемеевским Египтом к первой половине I в. до н.э. Анализируется процесс римской аннексии владений Птолемеев в Киренской области, в общем контексте внешней политики Рима на эллинистическом Востоке. На примере Киренаики данное исследование обобщает политику Рима в отношении его египетских союзников – династии Птолемеев.

The article is devoted to the problem of the interstate relations between the Roman republic and Ptolemaic Egypt to the half 1st century BC. There is analyses process of the Roman annexation of the Ptolemaic possessions in the Cyrena region in general context of the Rome's foreign policy in the Hellenistic East. Present studying sum up the policy of Rome concerning its Egyptian allies – the Ptolemaic dynasty on example of the Cyrenaica.

Союзнические отношения между Римской республикой и царством Птолемеев являлись существенным фактором геополитической стабильности на эллинистическом Востоке и обеспечивали выгодную для Рима международную конъюнктуру. В период становления Римской средиземноморской державы (III–II вв. до н.э.) цари Птолемеи постоянно обеспечивали нейтралитет Египта в конфликтах Рима с другими державами, что объективно способствовало утверждению римского доминирования на Востоке и уже к середине II века до н.э. привело либо к ослаблению эллинистических государств (Сирия, Вифиния, Родос), либо к превращению их в римские провинции (Македония, Пергам, Фригия). Как отметил известный специалист по античности М.И. Ростовцев, римское вмешательство в дела Востока проходило поэтапно, но именно разгром Македонской державы привел к тому, что "*протекторат Рима практически превратился в мягкую форму господства. …Рим подобным же образом поступил с греческими городами и эллинистическими монархиями, как с вассалами, которые должны были подчиняться его приказам*" [6, с.7]. Соответственно территориальному росту Римской республики в Средиземноморье эволюционировали и римско-египетские отношения.

Первоначально Рим и Египет являлись равноправными союзниками, это было паритетное партнерство двух великих держав. Ещё в 273 г. до н.э. царь Птолемей II Филадельф, под впечатлением блестящей побе-

© Мартынов А., 2012

ды Рима над эпирским правителем Пирром, сам предложил Риму, владевшему уже всей Италией, заключить дружественный союз (Liv.Per., 14; Cass. Dio. X, 41). Однако затем, по мере социально-экономического кризиса эллинистического Египта и не в последнюю очередь вследствие изнурительных династических войн между Птолемеями и царившими в Сирии Селевкидами, Птолемеи постепенно оказались во внешнеполитической зависимости от Рима, который превратился из союзника в своеобразного протектора. Именно Рим восстановил суверенитет Птолемеев во время вторжения в Египет сирийского царя Антиоха IV (168 г. до н.э.), одной дипломатической угрозой заставив Антиоха покинуть Египет (Polyb.XXIX; Liv.XLIV, 19). Египетские правители вынуждены были униженно благодарить римский сенат, обещая и далее сохранять союзнические отношения с Римом и следовать пожеланиям сената (Liv.XLV, 13). Геополитическим результатом событий 168 г. стал окончательный переход и Селевкидов, и Птолемеев в римскую сферу влияния. После выдворения Антиоха IV из Египта между царствовавшими братьями Птолемеем VI Филометором (старшим) и Птолемеем VII Эвергетом II (младшим) развернулась долгая династическая борьба, в которую активно вмешался римский сенат, сделавший ставку на управляемого младшего царя, который во всех отношениях уступал деятельному и гораздо более независимому Филометору (Polyb. XXXI, 18, 26-28; XXXII, 1, 8). Ещё при жизни Филометор вынужден был уступить младшему брату владение Кипром и Киренаикой, то есть всей Ливией, а после смерти Филометора Эвергет II стал царем всего Египта. Правление Птолемея VII (145-116 гг. до н.э.), как ставленника римлян и человека стало этапом дальнейшего укрепления римского влияния в Египте [13, с. 79-86]. Основным геополитическим последствием состоявшихся изменений в римско-египетских отношениях II века до н.э. стала утрата последующими Птолемеями своих владений в Киренаике, которая была аннексирована Римом в начале I века до н.э.

Целью настоящегй статьи является обзор исторических обстоятельств рубежа II – I вв. до н.э., обусловивших интеграцию области Киренаики (Ливии) в состав Римской республики.

Прежде всего, следует отметить, что утрата суверенитета Птолемеев над их традиционными владениями в Ливии оказалась возможной лишь в результате династической борьбы между Птолемеем VI Филометором и его братом Птолемеем VII Эвергетом II, по окончании которой последнему при прямом вмешательстве Рима были выделены Кирена и Кипр. Именно тогда Эвергет II решил получить политическую страховку во время борьбы с Филометором и в 155 г. до н.э. составил специальное завещание, в котором обещал отдать своё царство Риму, в случае если его уничтожат соперники или он останется без наследников; искусная формула завещания позволяла искать защиты у Рима и гарантировать сохранение своей власти над Киреной, одновременно с этим устрашая александрийских царей [7, с.391-392]. Завещание стало первым в истории эллинистического Египта официальным актом, в котором представитель династии Птолемеев призывал Рим стать гарантом его политического суверенитета и при определенных условиях добровольно соглашался на административно-территориальное переподчинение своего наследственного владения Римской республике. Как отметил немецкий исследователь эллинизма Гюнтер Хельбль, завещание 155 г. создало прецедент в римско-египетских отношениях и повлияло на дальнейшую судьбу Киренаики [5, с.189]. Идея отторжения Киренаики от александрийский Птолемеев под покровительственную опеку Рима согласно завещанию царя Эвергета II перестала быть актуальной после его воцарения над всем Египтом. Однако после смерти самого Эвергета II (116 г. до н.э.) в Кирене воцарился его сын Птолемей Апион, а между александрийскими царями-преемниками возникли новые междоусобицы. Именно эти обстоятельства побудили Апиона составить аналогичное завещание. Можно согласиться с французским историком эллинизма Франсуа Шаму в том, что ради сохранения своей власти Апион точно последовал примеру своего отца, но в результате этого Птолемеи лишились всей Ливии [3, с.141, 231].

Причина такого поступка Апиона, очевидно, состояла в том, что новый царь Кирены был побочным представителем Птолемеев, как указывает Аппиан Александрийский (App. Mithr., 121), поскольку родился от наложницы Эвергета II и получил Киренское царство по завещанию отца (Iustin. XXXIX, 5, 2). Таким образом, более "легитимные" александрийские Птолемеи могли оспорить царские права у Апиона, тем более что они враждовали даже между собой. Поэтому, как показывают нумизматические данные, Апион даже после смерти Эвергета II продолжал чеканить его монету, очевидно, желая таким способом подчеркнуть преемственность власти и свою верность политическому курсу родителя [1]. Как побочный сын царя, а не его законный наследник, Апион определенно нуждался в прочном идеологическом обосновании своей власти. Наконец, признание Римской республики своим политическим покровителем при помощи завещания стало для Апиона дополнительным и наиболее веским аргументом в пользу своего суверенитета от возможных династических соперников.

Античные авторы указывают, что после смерти Птолемея Апиона в 96 г. до н.э. Киренаика (Ливия) была завещана римскому народу, т.е. официально, согласно воле царя, отходила к Римскому государству (Liv. Per., 70; Eutrop. VI, 11, 2; Iust. XXXIX, 5, 2). Об этом же говорится и в ранней христианской хронике св. Иеронима: "*Птолемей, царь Кирены, умер, и по своему завещанию оставил римлян своими наследниками*" (Hieronym. Chron. 171.2). Таким образом, с формально юридической точки зрения Рим получал в свою собственность, как "наследство", территорию "друга и союзника римского народа" (amicus et socius populi Romani), тем самым исполняя добровольный акт его царский воли. Следовательно, правившие в Александрии Птолемеи не могли иметь к своему римскому союзнику и протектору никаких формальных претензий.

К тому времени в отношениях Римской республики с эллинистическими государствами уже был создан прецедент "законного" отторжения суверенной территории на основании соответствующего завещания умершего царя – таким способом в 133 г. до н.э. Рим получил в "наследство" Пергамское царство по завещанию умершего царя Аттала III, которое, как можно предполагать, вполне могло быть и подложным [9, с.545-554]. Спустя два десятилетия, в 75 г. до н.э., царь Вифинии Никомед IV таким же образом завещал свое царство римскому народу (Liv. Per., 93; Eutrop. VI, 6, 1). Итак, сценарий инкорпорации в состав Римской республики двух богатых малоазийских эллинистических государств – Пергама и Вифинии, также как Киренаки, происходил на основании царского завещания. В данном случае не важно, были эти завещания подложными, или нет. Более существенно то, что Рим использовал этот довольно рациональный и перспективный сценарий аннексии бывших эллинистических территорий,

демонстрируя внешнюю преемственность государственной традиции. Но, в отличие от Пергама и Вифинии, которые были реорганизованы в провинции Рима почти сразу же после смерти местных царей, интеграция Киренаики в римскую государственную систему происходила в несколько этапов – около 20 лет; и только в 74 г. до н.э. ливийские земли Птолемеев стали официальной римской провинцией. Возможно, продолжительный характер провинциализации Киренаики был обусловлен чередой внутриполитических проблем, а затем и гражданских войн в самом Риме.

Первоначально римское правительство повело достаточно осторожную политику в отношении своего новоприобретенного африканского владения. Стремясь создать социальную опору в стране, сенат сразу же даровал свободу города Киренаики (Liv.Per., 70), среди которых были три важных центра - Береника, Птолемаида и сама Кирена (Eutrop.VI, 11). Неясно, какой была форма полисного устройства – аристократической или демократической, но вполне очевидно, что права Береники, Птолемаиды и Кирены были расширены более, чем это допускали Птолемеи. Как подчеркивал английский историк эллинизма Вильям Тарн, греческие полисы во внешних владениях Птолемеев были всецело подвластными городами, они облагались налогами и управлялись назначенными царскими эпистатами [11, с.169]. Однако, несмотря на столь радушный жест сената, даровавший автономию полисам Киренаики. Рим сразу же стал извлекать экономические прибыли из Киренаики. В связи с этим американский антиковед Тени Франк даже усомнился в подлинности завещания Апиона, отмечая, что Кирена была чрезвычайно богата, и сенат продолжал собирать ещё царскую подать, отправляя её в Рим натурой [4, с.273]. Так продолжалось вплоть до 74 г. до н.э., когда одновременно с реорганизацией Вифинии, римляне создали провинцию в Кирене, которая в 67 г. до н.э., после завоевания Крита, была ещё раз реорганизована в общую провинцию "Крит и Киренаика".

О создании киренской провинции упоминается в сохранившемся фрагменте "Истории" Гая Саллюстия Криспа, где речь идет о события 75/74 г. до н.э. Саллюстий сообщает: "*и Публий Лентул Марцеллин, по его же свидетельству, был послан в качестве квестора в новую провинцию Кирену, переданную нам по завещанию скончавшегося царя Апиона, что была дальновиднее, чем удерживать её властью царя, менее жадного до славы*" (Sall. Hist. II, fr. 43). Данный фрагмент Саллюстия позволяет не только установить хронологию образования провинции Киренаика, но и определить отношение римлян к данному территориальному приобретению. Прежде всего, необходимо отметить, что наместником в Кирену был назначен не проконсул или претор, что стало обычной практикой для римской провинциальной политики уже в эпоху Пунических войн, а просто квестор. В государственной иерархии Римской республики квесторы были второстепенными, вспомогательными магистратами и ведали преимущественно казначейскими делами – как городские (римские), так и провинциальные квесторы [10, с.136-137]. Как рассказывает Цицерон в трактате "О законах" (III, 3, 6), "*младшие магистраты с меньшими правами*" исполняли разные обязанности при высших магистратах, при этом, как говорит Цицерон (III, 3, 8) полной самостоятельной властью (imperium) обладали преторы, судьи и консулы. Таким образом, назначение в Кирену квестора Лентула Марцеллина, не обладавшего империем высшего магистрата (претора или консула) может свидетельствовать, что сенат не придавал приобретенной ливийской территории статуса преторской или консульской, т.е. стратегической провинции (как, например, Испания или Македония). Однако необходимо учесть, что Лентул Марцеллин был направлен в Кирену квестором не при преторе, а самостоятельно, т.е. имел расширенные полномочия. Кроме того, в Киренаике было всего три крупных города (Кирена, Береника и Птолемаида), которым сенат уже предоставил "свободу" (libertas). В рамках тогдашней провинциальной политики Рима этот поступок сената означал, что Кирена, Береника и Птолемаида, как "свободные гражданские общины" (civitates liberae) не подлежали военной оккупации и получали собственное судопроизводство на основании автономных законов. Вероятно, именно это обстоятельство административного свойства послужило причиной назначения в Киренаику не обычного претора, а квестора, который должен был исполнять главную функцию римского администратора – обеспечивать регулярный сбор натурального налога и его доставку в Рим, попутно осуществляя общий контроль над провинцией. Как заметил исследователь А. Ейне (ГДР), область Кирены была плодородной и поставляла много хлеба, но её главным богатством считалось растение сильфий, которое из-за своих лечебных свойств ценилось в древности на вес золота [8, с.216]. В связи с этим вполне логично делегирование сенатом в Кирену квестора, чья компетенция в большей степени касалась налоговых и казначейских вопросов.

В кратком рассказе Саллюстия о присоединении Киренаики небезынтересно также отметить явный намек римского историка на то, что передача данной территории под управление римлян была более дальновидной, чем оставление её под властью царя, который, по словам Саллюстия, не был "*жадным до славы*". Здесь необходимо учитывать особенности историко-политического мировоззрения Саллюстия, который считал обязанностью римского народа разумное и славное ведение военных и государственных дел [12, с.232-233, 236]. Излагая свою историческую концепцию римской истории, Саллюстий хвалит политику предков эпохи ранней и средней республики за такие качества при управлении государством, как храбрость на войне и справедливость после заключения мира (Sall. Cat. 9, 3). В то же время Саллюстий порицает своих современников за то, что те "*преступнейшим образом отбирают у союзников всё, что храбрейшие мужи как победители им когда-то оставили*" (Sall. Cat. 12, 5). Таким образом, признавая произвол римской провинциальной политики в I в. до н.э., Саллюстий, следуя своей концепции римского патриотизма, тем не менее считал присоединение Киренаики к Риму более прогрессивным, чем её пребывание под властью царя Птолемея. Разумеется, этот пассаж является мнением прежде всего самого Саллюстия как историка и политика, однако вполне очевидно, что интеграция Киренаики в состав Римской республики должна была сопровождаться аналогичной "информационно-пропагандистской кампанией". И Пергам, и Вифиния, и Кирена официально были присоединены к Риму именно во исполнение последней воли их монархов – "друзей и союзников римского народа". А сам факт официального "дарения" указанных территорий Риму их царями способствовал идеализации союзнических отношений между Римской республикой и эллинистическими монархами, что само по себе придавало мирный и неагрессивный характер римской внешней политике на Востоке.

В любом случае, после смерти царя Апиона Киренаика стала частью римского мира (pax Romana), что являлось важным историческим сигналом для Птолемеев и одновременно явилось свершившимся геополитическим фактом. Исследователь эллинизма Эдвин

Бевэн охарактеризовал сложившуюся в регионе ситуацию следующим образом: "*Это был первый кусок наследства дома Птолемеев, проглоченный Римом... Квестор с преторскими полномочиями сменил в Кирене царевича великого македонского рода, что правил здесь двести двадцать шесть лет. Для Птолемеев, которые пока царствовали в Египте, Рим стал неудобным соседом в 500 милях к западу от Александрии*" [2, с.332]. Развивая мысль Э. Бевэна, укажем, что римские легионы вполне могли преодолеть это расстояние, так что в случае обострения отношений с Египтом римляне могли сконцентрировать в Киренаике какое угодно количество армии и флота и перебросить силы к Александрии по морю. Контроль над морским торговым путем тоже попал в руки римлян. Стратегическая ситуация круто изменилась, и не в пользу Египта. К середине I в. до н.э. Птолемеи были блокированы римскими владениями и с запада, и с востока. Ослабление Птолемеев и Селевкидов, как рассказывает историк Юстин (XXXIX, 5, 4-6), привело к активизации набатейских арабов в Леванте.

Обобщая произошедшие в Ливии административные и политические изменения, следует признать, что аннексия Киренаки стала первым серьезным ударом Рима по суверенитету и территориальной целостности эллинистического Египта. В известной степени отторжение Киренаики в пользу Рима было спровоцировано династическими распрями Птолемеев, которые в лице своих представителей Эвергета II (Фискона) и Апиона признали Рим главным гарантом своего суверенитета и тем самым сделали возможным легализованное отторжение Киренской области на основании царского завещании, в духе аналогичной римской практики в Малой Азии. Аннексия Киренаики Римом происходила поэтапно, от состояния полисной автономии до учреждения провинциального статуса. В целом же утрата Птолемеями Ливии представляла собой серьезный геополитический факт и знаменовала дальнейшее укрепление Рима на Ближнем Востоке, в том числе за счет римских "друзей и союзников".

1. Ancient Coinage of Kyrenaica. – Available from: http://www.wildwinds.com/coins/greece/kyrenaica/i.html. 2. *Bevan E.* The House of Ptolemy. – L.: Methuen Publishing, 1927. 3. *Chamoux F.* Hellenistic civilization. – Oxford: 2002. 4. *Frank. T.* Roman Imperialism. – N.Y.: Macmillan, 1914. 5. *Hölbl G.* History of the Ptolemaic empire. – L., Routledge, 2001. 6. *Rostovtzeff M.* The social and economic history of the Roman Empire. – Oxford: The Clarendon Press, 1926. 7. *Жебелев С.А.* Манифест Птолемея Киренского//Известия АН СССР. Отделение общественных наук. № 5. – Л.: 1933. 8. *Ейне А.* Дельфы, Кирена и Птолемеи//Вопросы истории. – 1971. – № 2. 9. *Колобова К.М.* Аттал III и его завещание//Древний мир. Сборник статей в честь академика В.В. Струве. – М.: Наука, 1962. 10. Римские древности. / Н.Санчурский. – Смоленск, 2001. 11. *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. – М., 1949. 12. *Утченко С.Л.* Развитие политических воззрений Саллюстия ("Письма к Цезарю" - "История") // Вестник древней истории. – 1950. – № 1. 13. *Юрьева В.В.* Активизация римской политики в Египте во второй половине II в. до н.э. // Вестник МГУ, серия История. – 1974. – № 5.

Надійшла до редколегії 13.03.12

О. Петречко, докт. іст. наук
(м. Дрогобич, Україна)

ПОХОВАЛЬНИЙ ОБРЯД РИМЛЯН ТА ЙОГО ЕВОЛЮЦІЯ У ДОБУ ПРИНЦИПАТУ

Стаття присвячена поховальному обряду римлян та його еволюції у добу принципату.
This article considers the Roman's funeral rites and their evolution under the Principate.

Віра у загробне життя є обов'язковим атрибутом релігійної самосвідомості людини. З вірою у потойбічну дійсність безпосередньо пов'язаний поховальний обряд, що мав багато спільного у римлян, етрусків та греків [3, p. 193]. Він складається зі способу захоронення останків покійного та ритуальних дій, що супроводжують цей процес. Саме віра у потойбічний світ зумовлює важливість поховального ритуалу. Неналежне захоронення, як і недбале виконання ритуальних дій, на думку римлян, створювало перешкоди для душі покійного, на шляху від світу живих до царства мертвих. Душа такого померлого поневірялася навколо, згубно впливаючи на оточуючих. Тому обрядам, що супроводжували поховання, приділялася велика увага. Якщо не було можливості поховати тіло, споруджували так званий "кенотаф" (*κενοτάφιον*) чи "порожню могилу" (*tumulus inanis*), біля якої проводили поховальну церемонію. Коли тіло було поховане на чужині і родичі не мали можливості бути присутніми на похороні, вони відвідували могилу згодом, вшановуючи померлого жертвоприношенням. Катулл подолав багато морів (*multa per aequora*), щоб вклонитися могилі брата (Catull. CI, 1).

Існує думка, що у Стародавньому Римі не було строгих канонів поховального ритуалу, як не було їх в античному світі загалом [12, с. 63, 108]. Справді, поховальний обряд міг відрізнятися, виходячи з соціального чи матеріального становища покійного. У той час, як Проперцій стверджує: "Мани існують" (*Sunt aliquid Manes*) (Prop. IV, 7, 1), освічена меншість дивиться на вірування темного натовпу (*ἰδιώτης ὅμιλος*) з великою іронією (Lucian, Luct. 2). Але певні елементи поховальної церемонії були майже незмінними за будь-яких обставин. Деякі з них збереглися до наших днів, наприклад, запалювання свічок навколо ложа померлого чи оздоблення місця поховання квітами.

Комплекс проблем, пов'язаних із вірою римлян у загробне життя, є одним із найбільш непевних у римській релігії. Свого часу О. Штаєрман справедливо звернула увагу на цю обставину, акцентуючи увагу на невизначеності сутності бога підземного царства Ведіовіса та манів, їх зв'язку з богинею Манією, ларвами, лемурами [14, с. 71]. Контроверзійною є і проблема поховального обряду в Римі [7, p. 191]. Сцени, що зображують поховальний обряд, зустрічаються у античному мистецтві як виняток. Непевною є етимологія слова *funus* [3, p. 194]. Дискусійним є питання щодо використання ламп і свічок під час церемонії урочистого прощання з тілом покійного (англ. – *Lying in state*, нім. – *Aufbahrung*) [8, p. 151]. Дослідження проблем, пов'язаних із поховальним обрядом у Стародавньому Римі, має важливе значення для розуміння давніх пережитків і вірувань. В українській історіографії дана проблема не розглядалася.

За уявленнями стародавніх римлян, між світом живих і світом мертвих, так само як між богами та людиною, не існує неподоланного бар'єру. Римська традиція стверджувала, що Венера була матір'ю Енея, Марс був батьком Ромула і Рема. Звичайно, освічені римляни скептично сприймали перекази про приєднання Ромула до числа небожителів чи родинні зв'язки між богами та окремими людьми. Проте, Варрон визнає корисним для держави, щоб "відважні мужі" (*viri fortes*) уважали себе народженими від богів (August., de civ. D. III, 4). За найдавнішими віруваннями римлян, після смерті, душі ставали молодшими божествами – манами (*manes*), покровителями

© Петречко О., 2012

своїх родичів. Манам, як і іншим богам, треба було вклонятися. За свідченням Плутарха, нащадки чоловічої статі (*ἄρσην*) повинні шанувати батьків як богів (*ὡς θεοὺς*) (Plut., Mor. 267a). Але не лише батьків шанували у такий спосіб. На території колишньої Нижньої Германії було знайдено намогильний камінь з написом, який засвідчує, що Мукронія Марція (*Mucronia Marcia*) посвятила вівтар (*aram… consacravit*) для поклоніння своїй померлій доньці, Руфії Матерні (CIL XIII, 8706).

Римляни вірили, що душа померлого стає хоронителем дому, його генієм. Так само, кожне поле, гай, діброва, струмок мали свого хоронителя *genius loci* [9, p. 30]. За римськими народними віруваннями, боги домашнього вогнища та дому, *lares* і *penates*, контролюють справи повсякденного життя. В архаїчний період у Римі було поширене захоронення у самому будинку, щоб померлий перебував якомога ближче до тих, ким він мав опікуватися. Про це говорить Сервій у коментарях до Енеїди, пояснюючи, чому духи-хоронителі (*lares*) ушановуються всередині жител: "усіх у їхніх домах ховали" (*omnes in suis domibus sepeliebantur*) (Serv., Aen. VI, 152). Згодом поховання влаштовували у саду, біля оселі покійного [10, p. 125]. Але ритуальне узливання (*libatio*) і далі здійснювалося у домашнє вогнище – *focus* (Serv., Aen. I, 730). Термін *focus* також означав вівтар із жертовним вогнем. У цьому контексті стає краще зрозумілою практика відлучення від води і вогню (*Aquae et ignis interdictio*). Сервій роз'яснює: "тому щодо тих, кого ми хочемо вигнати з нашої спільноти, ми їх позбавляємо води і вогню, себто речей, якими спільнота з'єднується" (*unde econtra quos arcere volumus a nostro consortio, eis aqua et igni interdicimus, id est rebus, quibus consortia copulantur*) (Serv., Aen. XII, 119). Тобто, мова йде про відлучення від богів домашнього вогнища і тим самим від спільноти, за яку вони дбають.

Практика поховання у межах дому не відповідала жодним санітарним нормам і була заборонена у середині V ст. до н. е. Як передає Ціцерон, закон XII таблиць говорить, що у Місті, не можна ні ховати, ні спалювати (*in urbe ne sepelito neve urito*) померлого (*hominem mortuum*): "у Місті ховати закон забороняє" (*in urbe sepeliri lex vetat*) (Cic., Leg. II (XXIII), 58). Тому могили влаштовували за межами Рима та інших італійських міст. Великі дороги, починаючи від міських воріт, на декілька миль були оточені з обох боків гробівцями. Такою є знаменита дорога Аппія (*Via Appia*), що починається від воріт Сан-Себастьяно (*Porta San Sebastiano*). Найбільш давні могили розташовані ближче до воріт, біля яких траурна процесія робила зупинку. Зі свідчень Проперція можна зробити висновок, що частина учасників супроводжувала похоронну процесію тільки до міських воріт, повертаючись звідти до своїх справ (Prop. IV, 7, 29). Однак більшість залишалася на церемонії аж до моменту кремації. Коли вогонь догорав, попіл заливали водою чи вином, кістки збирали, мили вином і молоком, протирали льняною тканиною. Разом з ароматичними речовинами попіл клали у поховальну урну, яку переносили у підготовлену могилу. Над похованням встановлювали надгробний камінь з написом, що прославляв чесноти покійного. Після цього відбувалася завершальна релігійна церемонія (*feriae denicales*), з жертвоприношеннями для освячення могили і очищення дому та сім'ї.

І жінок і чоловіків ховали за однаковим обрядом. Немає фактів, які доводили б протилежне [1, p. 418]. Поховання відбувалося через кремацію (*combustio, καῦσις*), або через інгумацію, захоронення тіла повністю у ґрунті (*humatio, ταφή*). Обидва обряди були рівноцінними і позначалися у римлян терміном *funus* [13, c. 68]. Але у деяких випадках захороненню віддавалася перевага перед кремацією. Не піддавалося кремації тіло немовляти (*infans*) (Juv. XV, 139-140), дитини, у якої ще не прорізався зуб (*Hominem prius quam genito dente cremari mos gentium non est*) (Plin. VII (XVI), 72). Не підлягали кремації також убиті блискавкою: "Незаконно спалювати того, хто втратив життя таким чином, релігія заповідає похоронити його" (*hominem ita exanimatum cremari fas non est, condi terra religio tradidit*) (Plin. II (LL), 145). Під впливом християнства захоронення поступово замінює кремацію. У Західній частині Римської Імперії цей процес відбувся між 150 і 300 рр. н. е. [5, p. 203]. Письменник V ст. н. е. Макробій пише, що у його час не існує звичаю спалювати тіла померлих (*corpora defunctorum*) (Macrob., Sat. VII, 7, 5).

Важливе місце у поховальному обряді римлян відігравали родичі покійного. Вони ловили останній подих (*extremus anhelitus*) з уст умираючого. Родичі мали право вирішувати, чи вважати факт смерті доконаним, відкриваючи тим самим шлях для проведення поховальної церемонії, чи ні. Однак це право не було беззаперечним, що доводить розповідь Апулея. Якось Асклепіад, відомий грецький лікар, що практикував у Римі у I ст. до н. е., зустрів біля померія похоронну процесію. Тіло обмите і вмащене мазями, несли на марах до місця кремації. Ретельно оглянувши тіло, Асклепіад розпізнав у ньому ознаки життя. Не зважаючи на протести родичів, тіло віднесли знову додому і лікар відновив його дихання (Apul., Flor. 19).

Звичайно, цей випадок винятковий. Поховальний обряд римлян містив у собі елементи, здатні запобігати подібним прикростям. Після того, як покійнику закривали очі, біля тіла відбувався обряд голосіння (*conclamatio*). З певними перервами він тривав аж до моменту поховання. У Проперція читаємо, що таке голосіння, буцімто, могло подарувати покійниці ще один день життя (Prop. IV, 7, 23-24). Під час голосіння до покійного зверталися на підвищених тонах. Відсутність реакції дозволяла впевнитися у тому, що людина дійсно померла. Під траурний акомпанемент труби (у Персія – *tuba*, у Петронія мова йде про трубачів або флейтистів – *cornicines*) (Pers. III, 103; Petron., Sat. 78), тіло обмивали теплою водою, вмащували мазями і одягали у тогу. За свідченням Ювенала, у великій частині Італії, ніхто не одягає тогу доки не помре (*Pars magna Italiae est… in qua nemo togam sumit nisi mortuus*) (Juv., III, 171-172). Ароматичні речовини, такі як амом (*amomum*), єлей (*tus*), іудейські есенції (*Hebraei liquores*) та ін., уберігали тіло від передчасного розкладу. Небіжчика клали на високе поховальне ложе (*lectus funebris*) в атріумі будинку, ногами до дверей, вкривали вишуканим покривалом, залишаючи відкритим лице, покривало посипали вінками і квітами. Домашнє вогнище гасили, а навколо ложа запалювали свічки і лампи (Pers. III, 103-105; Stat., Silv. V, 1, 213). Ця сцена зображена на унікальному рельєфі, що був знайдений поблизу Рима у середині XIX ст. і зберігається сьогодні у Латеранському музеї [8, p. 149-151, Pl. IX]. У рот покійному клали монету, якою його душа повинна була оплатити переїзд через Стікс. Розламану гілку кипарису чи ялини, що символізували смерть, клали перед входом у помешкання, попереджаючи перехожих, особливо жерців, про небезпеку осквернення [3, p. 194].

Доступ до тіла був відкритий переважно від трьох до семи днів. Сам похорон міг бути звичайний (*funus translaticium*), або урочистий (*funus indictivum*), з оголошенням оповісника. Похоронна процесія рухалася у супроводі флейтистів (*tibicines*) і факельників, так само, як і весільна церемонія. Проперцій говорить про життя

від весілля до похорону, як про шлях між двома факелами (*inter utramque facem*) (Prop. IV, 11, 46).

Як говорилося вище, однією з особливостей римської релігійної свідомості було переконання, що душі померлих стають манами, тобто, померлих зараховували до числа богів (*in deorum numero*): "Померлих треба розглядати як богів" (*Humanos leto datos divos habento*) (Cic., Leg. II (IX), 22; (XXII), 55). В одному з написів читаємо: "У цій могилі лежить бездиханне тіло, чия душа прийнята серед богів" (*in hoc tumulo iacet corpus exanimis (sic), cuius spiritus inter deos receptus est*) (ILS 4947). До нас дійшов цікавий напис, зроблений на гробниці якоїсь Арії, тезки дружини Авла Цеціни Пета, що стала знаменитою після фрази: *Paete, non dolet*. Чоловік Арії називає споруджену для неї гробницю "*heroum*" (CIL, VI, 12405). За свідченням Плінія Старшого, цей термін жителі Сестоса вживали, говорячи про святилище для вшанування Юпітера та Діви (Plin., X (VI), 18). Обожнення померлих зустрічаємо не тільки серед рабів, лібертинів чи пересічних громадян, але навіть і серед найосвіченіших людей того часу. Ціцерон, у листах до Аттіка, однозначно говорить про свій намір досягти обожнення (*ἀποθέωσις*) своєї померлої доньки, Туллії. Могила небіжки мала стати храмом: "Хочу, щоб це був храм" (*fanum fieri volo*) (Cic., Att. XII, 36).

Від етрусків, ймовірно, римляни перейняли урочисту поховальну церемонію (*pompa funebris)* [11, с. 37], яку могли проводити тільки знатні сім'ї. Поховальна процесія не одразу прямувала до місця захоронення, а спершу звертала на Форум. Інколи на Форумі одночасно перебували три великі похоронні процесії (*tria funera magna*) (Hor., Sat. I, 6, 43). Над померлим виголошував жалобну промову (*laudatio funebris*) його син (*υἱός*), або інший родич (Polyb. VI, 53, 2). За свідченням Діонісія з Галікарнасу, цей звичай був давнім винаходом римлян (*Ῥωμαίων ἐστὶν ἀρχαῖον εὕρεμα*) (Dion. Hal. V, 17, 3). Коли помер Август, було проголошено дві такі промови: наступним імператором Тіберієм та сином Тіберія, Друзом (Suet., Aug. 100, 3). Жалобні промови мали важливе значення у політичному житті. Їх ретельно готували. Відомо, що Сенека написав промову для Нерона з нагоди смерті Клавдія (Tac., Ann. XIII, 3). Інколи *Laudationes* публікували і, ймовірно, з цієї практики розвивається біографічний жанр літератури [2, p. 57-58].

На перешкоді проведенню урочистого поховання могла стояти політика. Після смерті Сулли, тільки наполегливість Помпея забезпечила тілу колишнього диктатора належні поховальні почесті. Політичні противники Сулли намагалися цьому перешкодити (Plut., Sull. XXXVIII). У добу принципату, поховальні урочистості могли бути заборонені імператором. Таціт розповідає про поховальну церемонію Юнії, дружини Гая Кассія та сестри Марка Брута, що померла за імператора Тіберія. Покійна не згадала у своєму заповіті імператора, але той сприйняв це, як належить громадянину (*quod civiliter acceptum*) і не заборонив (*neque prohibuit*) поховальну промову та інші урочисті обряди (*sollemnia*) (Tac., Ann. III, 76). З контексту очевидно, що у Тіберія така можливість була. Імператор Нерон організував кремацію Британніка уночі, без урочистої церемонії та жалобної промови. При цьому він наголошував, що такий порядок поховання був встановлений предками (*maioribus institutum*) щодо передчасно померлих (*acerba funera*) (Tac., Ann. XIII, 17).

Взагалі, є підстави говорити про виникнення особливої форми поховальної церемонії за Імперії. Поховальні урочистості з приводу смерті імператорів, без сумніву, походили від приватних поховальних церемоній аристократії, але також і суттєво від них відрізнялися. Окрім синів, родичів, спадкоємців та рабів померлого, на похороні імператора була уся еліта суспільства разом з подружжями. У *pompa funebris* несли не тільки зображення родичів принцепса, але усіх видатних римлян. Крім того, відмінність поховальної церемонії імператора зумовлювалась його формальним обожненням, з храмом і жерцями. Від Августа до Костянтина тридцять шість із шести десяти імператорів та двадцять сім членів їхніх сімей були обожнені [6, p. 57-58]. *Funus publicum*, рішення щодо якого приймалось сенатом (пізніше разом із імператором), стає одним з найважливіших компонентів у добре налагодженій машині імперської пропаганди [4, p. 245-246]. Поза Римом рішення про вшанування похороном за громадський кошт приймали декуріони, як про це говориться у написі з Остії: *decuriones in honorem Q(uinti) Vergili / Mariani viri eius funere publico efferri censuerunt* (AE 1955, 187).

Форма поховального обряду залежала також від матеріального становища родини померлого. Кремація була дорожчою, ніж захоронення. Багато сімей не мали достатньо коштів, щоб таким чином поховати покійника. Тіла бідняків часто ховали у спільних могилах, як це видно з розповідей Горація і Марціала (Hor., Sat. I, 8, 10-14; Mart. VIII, 75). Відбувалося це під покровом ночі, можливо, як відображення давнього римського звичаю, можливо з практичних міркувань [7, p. 194]. Інколи вибір між кремацією і захороненням був зумовлений звичаєм, що склався у тому чи тому роді. Зокрема, у патриціанському роді Корнеліїв традиційно практикувалось захоронення у землі, а не кремація. Сулла, перший з цього роду, хто заповів, щоб його тіло по смерті було спалене (Cic., Leg. II (XXII), 56-57).

Разом з тілом ховали дорогі для померлого речі, якими він міг би скористатися у потойбічному світі: зброю, посуд та ін. Інколи вбивали навіть улюблених тварин померлого, як про це розповідає Пліній: собак великих і малих (*canes maiores minoresque*) (Plin., Ep. IV, 2, 3). Завдяки цьому звичаю до нас дійшло багато предметів побуту античних часів. На думку римлян, душі померлих мали деякі потреби у своєму посмертному існуванні. Під впливом етрусків сформувалося уявлення про те, що коли кров певних тварин буде принесена у жертву визначеним божествам, то душа стане богоподібною і звільниться від закону смерті (*ab legibus mortalitatis educi*) (Arn., Adv. Nat. II, 62). Для вшанування померлих проводились відповідні обряди – паренталії, лемурії, фералії, карістії. Влаштовувалися сімейні трапези. Вважалося, що у цих трапезах беруть участь і померлі родичі. Під час фералій (*Feralia*) вшановувалися могили померлих (*Est honor et tumulis*) (Ov., Fast II, 533).

Отже, поховальний обряд повинен був допомогти душі покійного подолати шлях від світу живих до царства мертвих. І жінок і чоловіків ховали за однаковим обрядом, або через кремацію, або через захоронення у землі. Інколи вибір між кремацією і захороненням залежав від традицій, що склалися у тому чи тому роді, або від матеріального становища родини померлого. Є підстави говорити про виникнення особливої форми поховальної церемонії за принципату, зокрема, коли мова йде про поховання імператорів.

1. *Cancik-Lindemaier H.* Corpus: Some Philological and Anthropological Remarks Upon Roman Funerary Customs // Self, soul, and body in religious experience / Ed. by A.I. Baumgarten, J. Assmann, G.G. Stroumsa. – Leiden; Boston. 1998. 2. *Crawford O. C.* Laudatio Funebris // The Classical Journal. – 1941. – № 1. – Vol. 37. 3. *Heller J. L.* Burial Customs of the Romans // The Classical Weekly. – 1932. – № 24. – Vol. 25. 4. *Kleijwegt M.* Book review: Gabriele Wesch-Klein, Funus Publicum. Eine Studie zur öffentlichen Beisetzung und Gewährung von Ehrengräbern in Rom und den Westprovinzen (HABES, Band 14). Stuttgart, F. Steiner, 1993. 258 p. // Mnemosyne. 1996. Fourth series. Vol. 49. Fasc. 2. 5. *Morris I.* Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity. – Cambridge. 1992. 6. *Price S.*

From noble funerals to divine cult: the consecration of Roman Emperors // Rituals of royalty: power and ceremonial in traditional societies / Ed. by D. Cannadine and S. Price. – Cambridge. 1987. 7. *Rose H. J.* Nocturnal Funerals in Rome // The Classical Quarterly. – 1923. – № 3-4. – Vol. 17. 8. *Rushforth G. McN.* Funeral Lights in Roman Sepulchral Monuments // The Journal of Roman Studies. – 1915. – Vol. 5. 9. *Strutynski U.* Introduction / Dumézil G. Camillus: a study of Indo-European religion as Roman history. – Berkeley; London. 1980. 10. The Delphian course: a systematic plan of education, embracing the world's progress and development of the liberal arts. V. IV. The Roman principate. Social life in Rome. Latin literature. The middle ages. – Chicago. 1922. 11. *Дементьева В. В.* Историческая память римлян как объект изучения современного антиковедения (новые работы о *pompa funebris* и *imagines maiorum*) // Известия Саратовского университета. – 2009. – Т. 9. – Сер. История. Международные отношения. – Вып. 2. 12. *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. – Киев, 1982. 13. *Родонежскій А.* Погребальные обряды древнихъ Римлянъ // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. – СанктПетербургъ, 1874. – Ч. 176. 14. *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии Древнего Рима. – М. 1987.

Надійшла до редколегії 13.03.12

А. Петрова, канд. ист. наук
(г. Москва, Россия)

БОГИ В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ЖЕРТВЕННЫХ ФОРМУЛАХ ЭПОХИ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

В докладе рассматриваются функции наиболее значимых для жертвенных формул "хотеп-ди-несу" богов – Анубиса, Осириса и "бога великого". Как можно заключить из изучения эпитетов Анубиса, от него ожидали прежде всего "санкции" на место проведения важнейших заупокойных ритуалов. Этот бог являлся своего рода посредником, помогающим умершему благополучно вступить в новое посмертное существование. "Великий бог" выступал как владыка загробного царства, в котором желал существовать умерший, и определял право умершего на посмертные блага. Роль Осириса оказалась близка обоим этим божествам: он, с одной стороны, действовал как податель жертвенных благ, а с другой, воспринимался как владыка загробного царства.

This report is devoted to the main gods of the offering formulas: Anubis, Osiris and the "great god". The study of Anubis' epithets shows that he was expected, first of all, to grant a place for the execution of the most important funeral rituals. His role was that of a mediator, helping the deceased to enter safely into the new post-mortem existence. "Great God" acted as the lord of the Underworld, where the deceased wished to live, and it was he who determined the right of the deceased to possess the after-death benefits. The role of Osiris was equal to both of these divinities.

Как известно, боги не изображались в нецарских гробницах эпохи Древнего царства – упоминания о них можно встретить только в гробничных текстах, хотя и эти упоминания весьма лаконичны и ограничены строго определенными контекстами. Важнейшие и наиболее распространенные тексты, которые встречаются в рассматриваемых гробницах, – это так называемые жертвенные формулы "хотеп-ди-несу", задачей которых было удостоверить, что умерший имеет право и получает в загробном существовании необходимые для его существования жертвенные блага (а также, во многих случаях, конкретизировать, какие именно). Первоначально в жертвенных формулах упоминались лишь две божественные сущности (если не считать царя, который, согласно древнеегипетским представлениям, также являлся богом): Анубис и так называемый *nṯr ꜥꜣ*, "великий бог", имя которого не разглашалось. Примерно с середины V династии важное место в гробничных текстах занял также Осирис. Начали более широко упоминаться и другие боги (в особенности Геб, Хентиаменти, но также Упуаут, Маат, Хатхор, Тот и др.) – число их к концу Древнего царства заметно возросло, но все же эти упоминания можно назвать скорее эпизодичными. Поэтому в данной статье мы уделим внимание Анубису, Осирису и "великому богу" как божествам, имеющим наибольшее значение для жертвенных формул.

Тексты, входящие в группу жертвенных формул, получили название "формул" потому, что все они имеют совершенно определенную, четко устоявшуюся структуру, а также более-менее постоянный набор составных частей и единообразных фраз. Любая жертвенная формула делится на три основные части:

1. Именование подателя (источника) даров, упомянутые в жертвенной формуле.
2. Именование жертвенных даров.
3. Именование получателя жертвенных даров.

Имена Анубиса и Осириса мы встречаем, прежде всего, в первой части жертвенной формулы – в качестве подателей жертвенных даров. Имена их обычно сопровождаются эпитетами, которые помогают лучше понять роль, которую играют эти божества в заупокойном культе.

Наиболее распространенные эпитеты Анубиса таковы:

ḫntj zḥ nṯr – "предстоящий ковчегу бога". Это самый ранний и наиболее распространенный из эпитетов Анубиса. Изображения показывают, что *zḥ nṯr* – легкое строение из дерева (или других растительных материалов), имеющее характерную форму, сходную с некоторыми другими элементами гробничного оформления, а именно ложной дверью в том виде, какой она принимает со второй половины V династии (т.е. с так называемыми "torus moulding" и "cavetto cornice"), а также наосами, в которых перевозят статуи в изобразительных композициях, посвященных погребению. Учитывая, что слово "*nṯr*" могло применяться к изображениям, а также статуям, можно предположить что под "*zḥ nṯr*" в контексте вельможеских гробниц Древнего царства и следует буквально понимать наос для статуи, имевший большое значение при погребальных ритуалах [подробнее об этом см. 6, с. 92-100].

ḫntj tꜣ ḏsr (*nb tꜣ ḏsr*) – "предстоящий священной земле" ("владыка священной земли"). Этот эпитет характеризует Анубиса как владыку некрополя, и не случайно здесь употребляется выражение "священная (т.е. чистая) земля" - речь идет о ритуально чистом пространстве, в котором совершаются все необходимые для умерших ритуалы.

tpj ḏw.f – "тот, кто на холме его". Вероятно, именно об этом холме сообщается в некоторых источниках, когда говорится о *ḏw n ḫrt-nṯr*, "холме некрополя" [напр. 3, pl. 58].

jmj wt – "тот, кто в помещении-wt". Детерминатив "места" указывает на то, что wt – понятие территориальное. Ясно, что речь идет о помещении, в котором производились определенные действия и ритуалы во время погребения. Известно, что жрецы-wt часто встречаются в изображениях среди тех жрецов, которые проводят ритуалы возглашения жертв.

Иногда Анубису могут сопутствовать и другие эпитеты (например, *nb ḳrs* – "владыка погребения", *ḫntj spꜣ* – "предстоящий Сепа", *nb zmjt* – "владыка пустыни", *ḫntj jmntjw* – "предстоящий западным", *nb Jmnt* "владыка Запада"), но они встречаются значительно реже вышеперечисленных.

В качестве эпитета Осириса во время V династии обыкновенно употребляется *nb Ḏdw* (или *ḫntj Ḏdw*) – "владыка Бусириса", а при VI прибавляются также *nb*

© Петрова А., 2012

ꜣbḏw – "владыка Абидоса" и *ḫntj jmntjw*, "предстоящий западным".

Эпитеты египетских божеств часто связывают последних с тем или иным местом их культа, но в данном случае дело обстоит иначе: эпитеты в жертвенных формулах имеют значение прежде всего для человека и его заупокойного культа.

Так, в некоторых жертвенных формулах прямо указывается на Бусирис и Абидос как на места, в которых совершались жертвоприношения для "кормления" умерших". Например, в гробнице Мересанх конца IV династии сказано*: prt-ḫrw n.s m jz.s pn m Ḏdw m ꜣbḏw* [1, fig. 10] … - "возглашаются для нее жертвы в гробнице ее этой, в Бусирисе и Абидосе…", а в гробнице вельможи Ахетхотепа мы читаем: *wꜣḥ n.f pḫr ḫt nbt nfrt ḫrt-nṯr Ḏdw ꜣbḏw wr- ḫꜥ.f –Rꜥ* [2, p. 77] – "приносятся для него (жертвы из) круга жертв: вещь всякая хорошая в некрополе, в Бусирисе, в Абидосе, в (пирамиде) "Велик Хафра".

Таким образом, мы видим, что основные эпитеты Осириса связаны с важными местами проведения жертвенных ритуалов.

Рассматривая наиболее распространенные эпитеты Анубиса, можно заметить, что в состав каждого из них входит слово, указывающее на *местонахождение*: *ḫntj* – "тот, который перед…"; *tpj* – "тот, который на…"; *jmj* – "тот, который в…", и это, очевидно, не случайно. Очень важно то, что каждый из них связан с местом проведения тех или иных заупокойных ритуалов. Анубис, пребывая на вершине холма, внутри помещения-wt, перед ковчегом бога, фактически, гарантирует своим присутствием их благополучное осуществление.

Главная функция жертвенных формул – удостоверить право владельца гробницы на достойное погребение и жертвенное обеспечение. Наличие жертвенной формулы в гробнице – знак того, что и царь, и боги (прежде всего, Анубис, владыка некрополя, в котором находится гробница) позволяют покойному иметь здесь захоронение и дают право на осуществление культа. Как можно заключить из изучения эпитетов Анубиса, от него ожидали прежде всего "санкции" на *место* проведения важнейших ритуалов – поскольку все это происходит в его владении. От царя же исходят блага материальные, т.е. реальные вещи, необходимые для постройки гробницы (и конечно же, разрешение на ее постройку) и жертвенного обеспечения. Как мне кажется, эпитеты Осириса *nb Ḏdw* и *nb ꜣbḏw* скорее сближает его роль в жертвенных формулах с ролью царя, нежели с ролью Анубиса. Если это так, одна из возможных причин появления имени этого бога в жертвенных формулах связана с необходимостью обеспечения дополнительных гарантий долговечности гробничного культа (в те времена, когда вера в прочность царской власти, а вместе с ней и надежда на получение доли из царского "круга жертв" начинают ослабевать).

"Великий бог" играет в жертвенных формулах иную роль. В первой части формулы (т.е. как гарант поступления жертвенных благ) он почти не упоминается; его имя связано обычно с другими контекстами. Наиболее распространенный случай – именование умершего "*jmꜣḫw ḫr nṯr ꜥꜣ*" - "чтимый богом великим" (букв. "при боге великом"). Умерший может описываться и как *jmꜣḫw* при многих других богах (в частности, конечно же, также и при Анубисе и Осирисе), но при этом важно, в каком месте жертвенной формулы находится это именование. Очевидно, финальная часть (в которую входило имя и титулы покойного, для которого предназначались дары "хотеп-ди-несу") обладала наибольшей вариативностью и могла содержать самые разнообразные титулы и эпитеты умершего (в том числе, приписывала последнему качество *jmꜣḫw* при различных богах, носящих разные эпитеты (Именно в этой части формулы эпитеты Осириса и Анубиса отличаются наибольшим разнообразием.), а также при отце, братьях, сестрах и других людях). Напротив, сентенции, содержащиеся во второй части жертвенных формул (перечисление жертвенных благ), были выстроены по более строгому образцу – и именно в этой части "бог великий" господствует почти безраздельно (Речь, конечно же, идет не об отсутствии других богов, но лишь о частоте встречаемости.).

В некоторых гробничных текстах имеются сообщения о существовании загробного суда, главную роль в котором играет "великий бог". Например, в автобиографии вельможи Ти [4,173.10-14, 174.1-3] говорится: …[*jr rmṯ nb ḳtj.sn r jz pn m ꜥb.*]*sn wnm.n.sn bwt bwt ꜥḫ nt*(*j*) *ḫp r ḫrt-nṯr* … [*wnn*] *wḏꜥ-mdw ḥnꜥ.sn ḥr.s jn nṯr ꜥꜣ m bw nt*(*j*) *wḏꜥ-mdw jm mꜣꜥ* – "[Что до всех людей, которые войдут в эту мою гробницу нечистыми], поскольку они ели отвратительные вещи, отвратительные для Ах, который ушел в некрополь, [будет] судить их из-за этого бог великий в месте, в котором судят праведно". И наоборот, [*jr swt rmṯ nb ꜥḳtj.fj r jz pn wꜥb.n.f mj wꜥb.f*] *jr ḥwt-nṯr nt nṯr ꜥꜣ jw ḥꜣy.f m ḏꜣḏꜣt tf špst* [*nt nṯr ꜥꜣ*] – "[Что касается же человека всякого, который войдет в эту гробницу чистым, как должно быть чистым] для (входа в) храм великого бога, будет поддержка ему в том благородном суде [бога великого]".

Возможно, что оправдание в суде бога великого связано с обретением качества *jmꜣḫw* (без сомнения, включавшего этические аспекты), обладание которым дает право на получение благ, перечисленных в формуле "хотеп-ди-несу". Именно поэтому так важна была ссылка на "великого бога" в жертвенной формуле. В этом смысле он соотносится с царем, без благоволения которого у человека нецарского происхождения не могло быть ни гробницы, ни заупокойного культа. Умерший нередко описывался как *jmꜣḫw ḫr nṯr ꜥꜣ ḫr nswt*, "чтимый при боге великом и при царе".

В таких "прошениях" как *ḫp.f ḥr wꜣwt nfrt ḫppt jmꜣḫw ḥr.sn m ḥtp ḫr nṯr ꜥꜣ* – "ходит он по дорогам прекрасным, по которым ходят почтенные, в мире при боге великом", *ꜥḫ špss ḫr nṯr ꜥꜣ* – "(делается) он избранным Ах при боге великом", или появившиеся не ранее VI династии *šzp.tw ꜥf jn nṯr ꜥꜣ* – "подхватывает руку его великий бог" и *jꜥr.f n nṯr ꜥꜣ* – "поднимается он к великому богу", "великий бог" выступает как владыка того мира, в котором покойный желает существовать после смерти. Похожие фразы можно встретить в подписях к изображениям плавания на кораблях, как, например, в гробнице Ахетхотепа: *sḳdt r sḫt ḥtp ḫr nṯr ꜥꜣ* [5, p. 66-67]- "плавание к полям жертв, при боге великом". Интересно, что в тех редких случаях, когда "великий бог" упоминается в первой части жертвенной формулы (как гарант жертвенных благ) с ним связывается "прошение" о "хождении по дорогам".

В некоторых случаях "великому богу" сопутствуют эпитеты. Чаще всего это *nb ḳrs* "владыка погребения" (вариант: *nb ḳrs nfr m ḫrt-nṯr*, "владыка доброго погребения в некрополе"), несколько реже встречается *nb ḫrt-nṯr*, "владыка некрополя", и к единичным случаям относятся: *nb pt,* "владыка небес", *nb jmnt*, "владыка Запада", *nb mꜣꜥt*, "владыка Маат". Поскольку под именованием "бога великого" в разных текстах могли скрываться разные боги, можно предположить, что эпитеты использовались в тех случаях, когда личность бога нужно было конкретизировать (например, "владыка небес" или "владыка Маат", скорее всего, указывали на Ра, а

"владыка некрополя" или "владыка Запада" могли относиться к Осирису).

Функции Анубиса и "бога великого" в жертвенных формулах изначально, по-видимому, были четко разграничены (хотя позже во многом смешались): первый является гарантом обеспечения заупокойных ритуалов, своего рода посредником, помогавшим умершему благополучно вступить в новое посмертное существование (и поддерживать его с помощью заупокойного культа); второй играет роль владыки, определяющего право умершего на посмертные блага. Роль Осириса оказалась близка обоим этим божествам: он, с одной стороны, выступает как податель жертвенных благ, а с другой, воспринимается как владыка загробного царства, в котором живет умерший.

1. *Dunham D. - Simpson W.K.* The Mastaba of Queen Mersyankh III, G7530-7540. (Giza Mastabas 1). – Boston, 1974. 2. *Hassan S.* Excavations at Giza. 1929-1930 (Giza I). – Oxford: University Press, 1932. 3. *Kanawati N.*-Abder-Raziq M. The Teti Cemetery at Saqqara III. The Tombs of Neferseshemre and Seankhuiptah. – Warminster, 1998 (ACER 11). 4. *Sethe K.* Urkunden des Alten Reiches. – Leipzig: J.S. Hinrichs, 1933. 5. Ziegler Ch. Le Mastaba d'Akhethetep. Une chapelle funéraire de l'ancien empire. – Paris, 1993. 6. *Петрова А.А.* К вопросу о значении zH nTr, "ковчега бога", в ритуальной практике Египта Древнего царства // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – 2009. – Т. 8. – Вып. 1.– С. 92-100.

Надійшла до редколегії 13.03.12

А. Токарев, канд. ист. наук, ст. преподаватель
(г. Харьков, Украина)

РИМСКИЙ ИМПЕРАТОР И ГРЕЧЕСКИЙ ГЕРОЙ: САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕЗАРЯ АВГУСТА СРЕДИ РИМСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

В статье рассматривается самопрезентация императора Августа как греческого героя Ореста.
In the article the author considers a representation of the emperor Augustus as Greek hero Orestes.

Лозунг "Месть за Цезаря", впервые провозглашенный М. Лепидом еще 16 марта, через день после убийства Г. Юлия Цезаря (Nic. Dam., Vita Caes., 27) играл ключевую роль в идеологии императора Августа на протяжении многих лет. В то же время, пропаганда понятия "ultio" (мщение) тесно переплетается в августовой идеологии с *мифом об Оресте*.

В позднереспубликанском Риме в среде аристократии было популярным сравнение римских политических деятелей с героями греческих мифов для создания позитивного или негативного образа того или иного политика. Ярким примером является ассоциация с "царем царей" Агамемноном Гн. Помпея Магна [см.: 3, p. 297-303], чье вызывающее поведение раздражало многих его современников, подозревавших полководца в стремлении к "царской власти". Плутарх, описывая настроения в лагере помпеянцев перед битвой при Фарсале, сохранил любопытное свидетельство: "Между тем, пока Помпей таким образом спокойно следовал за врагом, окружающие начали осыпать его упреками, обвиняя в том, что он-де воюет не против Цезаря, а против отечества и сената, чтобы навсегда сохранить свою власть и навсегда превратить тех, что считали себя владыками вселенной, в своих слуг и телохранителей… Домиций Агенобарб, называя Помпея при каждом удобном случае Агамемноном и царем царей, возбудил к нему сильную зависть" (Plut., Pomp., 67, пер. Г. А. Стратановского, ср.: Plut., Comparatio Agesilai et Pompeii, 4; Caes., 41; App., B. C., II, 67; Dio Cass., XLII, 5). Впрочем, в письмах Цицерона мы находим намеки на то, что сам Помпей за несколько лет до этого стремился представить себя как нового Агамемнона (Cic., Att., VII, 3, 5). В 55 г. до .н. э. он устроил роскошные игры, которые вызвали среди римской аристократии вполне определенные ассоциации (Cic., Fam., VII, 1, 2). Вернувшись с Востока и узнав о любовной связи своей жены Муции с Юлием Цезарем, он называл их, по свидетельству Светония, не иначе, как Климтенестра и Эгисф (Suet. Div. Iul., 50).

Так же можно вспомнить самопрезентацию М. Антония как Геракла [Подр.: 1, p. 42-44; 12, S. 103-112; 13, p. 92-93; 16, p. 177-186; 22, p. 17-22; 24, p. 124-126; 25, p. 45-46]. Род Антониев возводил свое происхождение к знаменитому греческому герою через его сына Антона (RRC, № 494/2a; App., B. C., III, 16, 19; Plut., Ant., 4, 36, 60), а Плутарх отмечает, что самый знаменитый представитель рода даже внешне походил на Геракла и старался подражать ему в одежде: "отличной формы борода, широкий лоб, нос с горбинкой сообщали Антонию мужественный вид и некоторое сходство с Гераклом, каким его изображают художники и ваятели. Это предание, которому, как уже сказано, придавало убедительность обличие Антония, он старался подкрепить и своею одеждой: всякий раз, как ему предстояло появиться перед большим скоплением народа, он опоясывал тунику у самых бедер, к поясу пристегивал длинный меч и закутывался в тяжелый военный плащ" (Plut., Ant., 4, пер. С. П. Маркиша). Сообщение древнего автора подтверждает находка в Помпеях резного кольца с изображением Геракла, которому приданы черты М. Антония [25, p. 45, fig. 35]. Также как и в случае с Гн. Помпеем Магном противники М. Антония с успехом использовали отрицательные мотивы в мифах о знаменитом греческом герое для его дискредитации, например, рассказ о пребывании Геракла в рабстве у лидийской царицы Омфалы. До наших дней сохранился отпечаток в глине и небольшие остатки серебряного кубка, который внутри был украшен рельефом. Последний содержит несколько сценок. На одной из них изображен М. Антоний в женской одежде, сидящий в колеснице, запряженной связанными кентаврами. Рядом с ним стоят две рабыни с зонтом от солнца и опахалом, всем своим видом намекая на женственность и любовь к роскоши своего хозяина [См.: 9, p. 159-166; 12, S. 111; 16, p. 183-185, fig. 2; 18, p. 89-102; 19, S. 64; 25, p. 57-60, fig. 45]. Антоний призывно смотрит на Клеопатру, которая, одетая в шкуру льва и с дубиной в руках, следует за ним во второй колеснице. Об этом же мифе вспоминает в одной из своих элегий и Проперций, тем самым иронично намекая на отношения Антония и Клеопатры:

"Если же вас устрашает мой вид и львиная грива,
Волосы, что спалены солнцем Ливийской земли,
Знайте, бывал я одет и в сидонское платье рабыни,
Лидии веретеном свой выполняя урок:
Я волосатую грудь прикрывал себе мягкой повязкой,
С этой же грубой рукой ловкой служанкою был".

(Propert., IV, 9, 45-50, пер. Л. Остроумова) [См.: 24, p. 125-126].

Для Октавиана выбор Ореста в качестве модели, без сомнения, был чрезвычайно удачным. Тонио Хёльшер указывает, что эта мифическая модель настолько хоро-

© Токарев А., 2012

шо подходит, что ее существование следовало бы предположить, даже если бы она не была засвидетельствована в источниках [10, p. 164]. Орест являлся мифическим прообразом мщения, а Октавиан сделал лозунг "месть за Цезаря" основным в своей идеологии в начале политической карьеры; Орест отомстил за своего отца Агамемнона, который был убит, а Октавиан отомстил за своего отца Юлия Цезаря; Орест стал противником Клитемнестры, жены Агамемнона, а Октавиан – противником Клеопатры, любовницы Цезаря; кроме того, Орест стал противником Эгисфа, любовника Клитемнестры, а Октавиан – противником Антония, любовника Клеопатры; Оресту пришлось бороться за принадлежащее ему по праву наследство против притязаний этой пары, а Октавиану – за политическое наследство Юлия Цезаря; Орест свершил свою месть по приказанию Аполлона, а Октавиан сражался под покровительством этого бога; Орест, наконец, пролил кровь родичей и нуждался в оправдании; победа Октавиана над согражданами также являлась осквернением, требовавшим очищения [4, p. 564; 10, p. 164; 23, p. 368-369].

Точка зрения Натали Чечиони, согласно которой "темная сторона" мифа об Оресте была использована антицезарианской пропагандой не сразу, а несколько позднее [2, p. 506], представляется нам некорректной. Подобные аналогии, возможно, возникли уже в 40-е гг. до н. э. и вначале, как мы полагаем, в лагере противников Октавиана. Отталкивающее изображение последнего в образе Ореста, возникшее в среде аристократии, заимствовал Вергилий. Майкл Девар еще в 1988 году справедливо предположил, что римский поэт, в конце первой Георгики, аллегорически сравнивает приемного сына Юлия Цезаря с героем греческих мифов. Ученый отметил, что Вергилий, возможно, полагал, что как верность Ореста долгу только усугубила его вину и возродила древнее проклятие, так и стремление Октавиана отомстить за отца стало продолжением наследственной вины его народа и привело к греховному пролитию римлянами римской крови в битве при Филиппах [4, p. 565; 5, p. 580-581]. То, что сравнение Октавиана и Ореста было хорошо известным риторическим приемом антицезарианской пропаганды подтверждает отрывок из позднеримского автора Клавдия Клавдиана. Поэт изображает Гонория, который подавил восстание, поднятое комитом Африки Гильдоном, как верного долгу мстителя за многие оскорбления, нанесенные его отцу Феодосию Гильдоном. Эта верность долгу затем сравнивается с верностью долгу Ореста и Августа и, разумеется, не в их пользу:

"Сих не забыв и гнев справедливый днесь вспоминая,
Тешится карами он, торжествует во мстителе сыне.
Мзду взыскал Орест мечом на Фиестиаде,
Но с благочестием грех смешался, и кара сомненна
Слава взнесла в равновес хвалу с материнскою казнью.
Юлиевы утолил ненавистною кровию маны
Август: но обратил благочестия славу неверну
Родине в скорбь, гражданским свершив кровопролитием тризну.
Здесь же дело отца, нераздельное с общим спасеньем,…
Миру свобода отднесь и отцу воздано отмщенье"

(Claudian., De Sexto Consulati Honorii, 111-121, пер. Р. Л. Шмаракова) [См.: 5, p. 580-582].

В то же время сторонники погибшего диктатора стали рассматривать Ореста как положительного героя. Уже во время погребальных игр в честь Юлия Цезаря, чтобы вызвать ненависть к его убийцам, пели отрывки из разных трагедий, среди которых была пьеса Атилия "Электра" (Suet. Div Iul., 84), которая представляла собой перевод на латинский язык знаменитого одноименного произведения Софокла (Cic., De finibus bon. et mal., I, 5). Стефан Тильг верно заметил, что трагедия, сочиненная по образцу Софокла, была выбрана для этого события не случайно, ведь в "Электре" Софокла справедливость мести Ореста нигде не оспаривается. Убив своих ненавистных противников, Орест выполняет свой долг, и пьеса заканчивается на ноте радостного триумфа. Во время после смерти Юлия Цезаря она должна была выражать идею мести. Поэтому пьеса отдавала Октавиану роль мстителя раньше, чем та могла оказаться полезной для оправдания неудобного прошлого [23, p. 369-370].

Скорее всего, уже после битвы при Акции, ознаменовавшей завершение гражданских войн, в образ Августа как Ореста стали вкладывать новый смысл. Точно также как греческий герой, отомстив, смог прекратить кровопролитие в доме Атрея, "Новый Орест" выполнил свой долг, лишив жизни убийц Юлия Цезаря, и тем самым уничтожил скверну гражданских войн, а заодно снял с себя "проклятье" участника братоубийственных раздоров.

Эти идеи воплотились в большое программное мероприятие. Гигин сообщает, что "кости Ореста были перенесены из Арициии в Рим и скрыты перед храмом Сатурна, который находился перед склоном Капитолия рядом с храмом Согласия" (Hyginus, Fabul., 261, пер. Д. О. Торшилова; ср. Serv., In Ver. Aen., II, 116). Клаус Фиттшен высказал весьма обоснованное мнение, согласно которому это событие следует отнести ко времени после битвы при Акции, когда Л. Мунаций Планк построил новый храм Сатурна, чье убранство должно было напоминать о морской победе над М. Антонием [6, S. 208-210; ср. также: 3, p. 309; 10, p. 165; 17, S. 454; 21, S. 264]. Перенос костей Ореста из святилища Дианы в Арициии в Рим празднует и "рельеф с виллы Медичи". На его заднем плане помещен храм Сатурна, перед которым находится погребальная урна сына Агамемнона, на переднем плане изображены Диана и Аполлон, боги-покровители Ореста и Августа [21, S. 264 sqq.; см. также: 3, p. 309; 6, S. 192, Anm. 76; 10, p. 165]. Возможно, частью этого действа было также переименование статуи Ореста на родине героя греческих мифов, в Аргосе. Павсаний передает, что рядом с храмом Геры, располагавшемся между Микенами и Аргосом, среди других статуй находилось изображение Ореста, однако надпись на нем гласила, что это император Август (Pausan., II, 17, 4). Очевидно, что статуя репрезентовала Октавиана как мстителя [2, p. 506; 3, p. 309; 10, p. 164-165]. Филип Харди, в свою очередь, предположил даже, что "Энеида" Вергилия сыграла ту же роль для эпохи Августа, какую – Орестейя для Афин V в. до н. э. [8, p. 29-45], а Стефан Тильг указал, что Овидий в "Скорбных элегиях" (Ovid., Trist. II, 395-396) намекает на то, что миф об Оресте был одним из любимых для самого Октавиана [23, p. 370].

Изображения Ореста становятся в это время весьма популярны среди римской аристократии. Хельга Фронинг привела весомые доводы в пользу того, что так называемый "рельеф Эгисфа" относится к эпохе Августа и выполнен в намеренно архаизированном стиле [7, S. 81-100, Taf. 25; ср.: 20, S. 28]. В отличие от традиционной иконографии, где изображение Ореста сопровождается преследующими его Эриниями, здесь они отсутствуют, в то время как сын Агамемнона он вершит месть над Эгисфом и Климтенестрой. Следовательно, этот поступок рассматривается как справедливый. На связь с Октавианом, показывает и место находки рельефа, который был обнаружен в том же районе, что и святилище Дианы, на вилле близ Арициии [10, p. 165-166]. Хельга Фронинг также отнесла к эпохе Августа "рельеф с Орестом", найденный в

Неаполе. Показательно, что на нем Эринии изображены спящими, а Орест – с вынутым из ножен мечом [7, S. 72-80; ср.: 10, p. 166-168].

Однако, в конце концов, культ Ореста угас. В долгосрочной перспективе роль мстителя за отца и значимость Ореста оказались ограничены коротким этапом политической карьеры Августа. Поэтому культ Ореста остался эпизодом в процессе построения политического мифа об императоре среди римской знати [10, p. 168]. Впрочем, не следует забывать, что ассоциация Октавиана и Ореста сыграла намного более значимую роль, чем репрезентация Августа в качестве других греческих героев – Диомеда, Тесея или Геракла [1, p. 44-45; 11, p. 62; 14, p. 89-90; 15, S. 56-80].

1. *Anderson A. R.* Heracles and His Successors: A Study of a Heroic Ideal and the Recurrence of a Heroic Type // HSCPh. – 1928. – Vol. 39. 2. *Cecioni N.* Octavian and Orestes in Pausanias // CQ. – 1993. – Vol. 43. 3. *Champlin E.* Agamemnon at Rome: Roman dynasts and Greek heroes // Myth, History and Culture in Republican Rome: Studies in Honour of T. P. Wiseman. – Exeter, 2003. 4. *Dewar M.* Octavian and Orestes in the Finale of the First Georgic // CQ. – 1988. – Vol. 38. 5. *Dewar M.* Octavian and Orestes Again // CQ. – 1990. – Vol. 40. 6. *Fittschen K.* Zur Panzerstatue von Cherchel // JDAI. – 1976. – Bd. 91. 7. *Froning H.* Marmor-Schmuckreliefs mit griechischen Mythen im I Jh. v. Chr. – Mainz am Rhein, 1981. 8. *Hardie Ph.* The Aeneid and the Oresteia // Prosidings of the Vergilian Society. – 1991. – Vol. 20. 9. *Hekster O. J.* Hercules, Omphale, and Octavian's "Counter-Propaganda" // Bulletin Antieke Beschaving. 2004. – Vol. 79. 10. *Hölscher T.* Augustus and Orestes // Travaux du Centre d'archéologie méditerranéenne de l'Académie Polonaise des sciences. 1990. – T. 30. – № 15. 11. *Hölscher T.* Augustus und die Macht der Archäologie // La révolution romaine après Ronald Syme: bilans et perspectives. – Vandoeuvres, 2000. 12. *Hüttner U.* Marcus Antonius und Heracles // Rom und der griechische Osten: Festschrift für H. H. Schmitt zum 65. Geburtstag. – Stuttgart, 1995. 13. *Gurval R. A.* Actium and Augustus: The Politics and Emotions of Civil War. – Ann Arbor, 1995. 14. *La Rocca E.* Amazzonomachia: le sculture frontali del tempio di Apollo Sosiano. – Roma, 1985. 15. *Maderna C.* Iuppiter, Diomedes und Mercur als Vorbider für römische Bildnisstatuen: Untersuchungen zum römischen statuarischen Idealporträt. – Heidelberg, 1988. 16. *Pérez P. I.* La familia Antonia descendiente de Antón, hijo de Heracles: la manipulación de un mito // Studia Historica. Historia Antigua. – 2009. – Vol. 27. 17. *Pfister F.* Der Reliquienkult im Altertum. Gießen, 1912. Hbbd. 2: Die Reliquien als Kultobjekt. Geschichte des Reliquienkultes. 18. *Ritter S.* Ercole e Onfale nell'arte romana dell'età tardo-repubblicana e augustea // Héraclès, les femmes et le féminin. – Bruxelles; Rome, 1996. 19. *Schauenburg K.* Herakles und Omphale // RhM. – 1960. – Bd. 103. 20. *Schollmeyer P.* "Maecenas führt Augustus die Künste zu". Der Blick der etruskischen Eliten auf Augustus // Augustus, der Blick von aussen: die Wahrnehmung des Kaisers in den Provinzen des Reiches und in den Nachbarstaaten. – Mainz, 2008. 21. *Simon E.* Sterngottheiten auf zwei Augusteischen Panzerstatuen // WJA. – 1979. (N. F.) – Bd. 5. 22. *Strazzulla M. J.* Il principato di Apollo: mito e propaganda nelle lastre "Campana" dal tempio di Apollo Palatino. – Roma, 1990. 23. *Tilg S.* Augustus and Orestes: Two Literary Clues // CQ. – 2008. – Vol. 58. 24. *Welch T. S.* The Elegiac cityscape: Propertius and the Meaning of Roman Monuments. – Ohio, 2005. 25. *Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. – Ann Arbor, 1988.

Надійшла до редколегії 13.03.12

Л. Шепко, канд. ист. наук, доц.
(г. Донецк, Украина)

ПРЕДМЕТЫ ИМПОРТА В ПАМЯТНИКАХ ДОРИМСКОГО БОСПОРА

Стаття присвячена аналізу імпортних виробів, що зустрічаються в пам'ятниках доримського Боспору з метою дослідження характеру та тенденцій розвитку боспорського суспільства. Відзначені проблеми датування і локалізації центрів виробництва. Хронологічна і функціональна характеристика імпорту показує збереження традиційності боспорян в побуті та активну включеність Боспора в еллінський історико-культурний простір.

To investigate the character and tendencies of the development of the Bosporus society the complex of the imported goods as part of the pre-Roman Bosporus archaeological findings is considered. Special attention is paid to the problems of dating and localization of the manufacture centres. The chronological and functional description of the imported goods shows both the tendency to keeping traditional way of life in the Bosporus people and their close links with the Hellenic historical and cultural space.

Историко-археологическое изучение Боспора Киммерийского имеет длительную историю. Но познавательные возможности накопленного материала еще не исчерпаны. Боспорская историография включает немало работ, посвященных анализу отдельных групп археологических источников.

В ряде публикаций рассматривались отдельные предметы импорта как показатель торговых связей. Наиболее исследованной категорией является амфорная тара. Внимание уделялось массовым находкам: расписной, чернолаковой посуде, терракотам, светильникам, украшениям. При этом исследователи чаще всего останавливаются на вопросах датировки, технологических особенностей, определения центров производства, объемов и направления торговых связей [1; 6; 15; 21;27; 36]. Работы последних десятилетий, опиравшиеся на новые находки и методики, внесли существенные изменения и дополнения в существующие схемы.

В данной работе предполагается рассмотреть комплекс импортных изделий, встречаемых в памятниках Боспора VI–I вв. до н. э. (далее в тексте все даты относятся к периоду до н.э.), с целью использования в дальнейшем этого материала для исследования характера и тенденций развития боспорского общества. Изменения в составе и качестве импортных изделий могут говорить как о материальных возможностях отдельных групп населения, так и о социальных изменениях. В этом случае ориентируемся на то, что археологические находки отражают различные потребности общества в поддержании жизнедеятельности. Так как в статье ограниченного объема невозможно охватить все аспекты проблемы, то коснемся некоторых показательных категорий.

Уже предварительный обзор ввезенных предметов демонстрирует разносторонность связей и разнообразие импорта Боспора в VI - I вв. Однако определенные трудности представляют принципы группировки материала, которые зависят от цели анализа. Обычно ориентируются на центры производства продуктов и изделий. Импорт можно характеризовать и по такому признаку, как востребованность (необходимые продукты и предметы роскоши). Среди ввозимых товаров выделяются группы массового ввоза – вино и масло, и соответственно тара, характеризующая объемы поставок. Малыми партиями или на заказ ввозились парфюмированные масла и благовония.

Импортные изделия встречаются как в городах, так и сельских поселениях Боспора Киммерийского. Поселенческие комплексы дают массовые находки, главным образом тары и посуды.

Материалы некрополей дополняют картину, т.к. в захоронения попадали вещи специального назначения, нечасто используемые в быту, или же плохо сохраняющиеся в жилых комплексах. Индивидуальные, единичные находки скорее обнаруживаются среди погребального инвентаря.

В первое время своего существования греческие колонии Северного Причерноморья были тесно экономически связаны с метрополией. Обмен был на первых порах вызван, скорее всего, необходимостью получения тех товаров, производство которых еще не было налажено в городах. Со временем развитие собственного ремесленного производства оказывало влияние на структуру и объем импортных поставок. Боспорское население было заинтересовано в силу разных причин

© Шепко Л., 2012

(технологических или природно-климатических) в поставках сырья (металлы, строительный лес, воск, смола, слоновая кость); традиционных продуктов питания (вино, оливковое масло, мед), привычной посуды различного назначения (кухонная, столовая, парадная), бытовых предметов (одежда, ткани, украшения, мебель, светильники, туалетная принадлежностях); предметах культового характера (погребального, терракоты), произведениях искусства.

Вероятно, уже тогда боспорские центры располагали некоторыми экономическими возможностями для поддержания торговых контактов с другими античными центрами.

Главные ввозимые продукты на Боспор – вино и масло в амфорах. Благодаря обилию остатков тары на всех памятниках амфоры изучены к настоящему времени наиболее хорошо. Но в статьях и монография не всегда можно найти исчерпывающие статистические данные, т.к. акцент делается на типологию, объем, центры производства, технологию. Это обусловливает некоторую условность количественных характеристик, или объемов импорта. Но и в этом случае качественный состав импортных изделий и представленных ими центров позволяет сделать некоторые выводы обобщающего характера.

Амфоры позволяют достаточно хорошо хронологически дифференцировать торговых агентов Боспора. Их распределение по центрам производства дает с учетом локальной специфики примерно одинаковую картину в известных памятниках эпохи поздней архаики – эллинизма,.

Представление о направлениях и объемах ввоза масла и вина в масштабах всего Северного Причерноморья можно составить на основании трудов И.Б.Брашинского, С.Ю.Монахова и др. [7; 29]. Конкретизируют же ситуацию в рамках раннего Боспора работы А.П.Абрамова, А.А.Завойкина [2, с.247-259; 16, с.260-270]. Наблюдения за комплексом керамической тары на всех раскапываемых памятниках позволили определенно говорить о динамике и центрах ввозимой продукции. Правда, это касается не всех боспорских городов, т.к. степень изученности боспорских памятников неодинакова. В научной литературе при характеристике объектов можно встретить разные варианты описания амфорного материала от суммарной характеристики этапов с выделением основных центров до детализированной по десятилетиям и типам [2, с.9-27; 21, с.17-33].

Авторы оперируют разными характеристиками амфорной тары: одни делают упор на метрические и морфологические характеристики, стремясь установить хронологические и типологические параметры и их динамику, другие благодаря разработкам в области керамической эпиграфики подключают статистические данные распределения клейм и амфор по периодам. Методика статистического анализа также предлагает различные варианты (по ножкам, клеймам). Хотя практика клеймения тары различалась и хронологически и технологически. Эти обстоятельства не позволяют следовать строгой схеме описания имеющегося материала.

Достаточно хорошо изучен амфорный материал Пантикапея, Фанагории, Крымского Приазовья, Патрея [24,с.1-21; 25, с.142-161]. Определены тенденции поступления импортных товаров в Мирмекий, Нимфей, Китей, Горгиппию [5, с.196-201; 21; 28].

Ранний период нач. VI–½ V вв. характеризуется преобладанием на рынках Северного Причерноморья и Боспора нескольких ионийских (Хиос, Самос, Аттика) и эолийских (Лесбос) центров. В меньшей мере попадает продукция Эгины, Коринфа, Клазомен. Так, например. в VI–V вв. в Патрее, Фанагория в экспорте вина лидировали Лесбос и Хиос, а масла – Клазомены [1, с. 253, 256].

В конце VI – V вв. на рынок Боспора поступали продукты в амфорах более 15 локализованных центров (по материалам Пантикапея, Патрея, Фанагории), среди которых - Хиос, Клазомены, Милет, Самос, Митилена, Лесбос, Фасос, Менда, Аттика, Коринф, Беотия [2, с.18; 21, табл.1]. Кроме того, на раскапываемых памятниках отмечены амфоры неизвестных центров. Изменения в составе экспортеров Боспора отмечены к сер V в. когда, например, в Патрее, Фанагории исчезли товары из Клазомен, Милета и Митилены [2, с.18; 16, с.262], а с сер. V в. появляются новые центры – Пепарет, члены Афинского союза. Позиции Хиоса, Менды, Фасоса, Самоса на протяжении второй половины V в. сохраняются, но исчезают товары из Аттики и Коринфа [16, с.263; 2 с.19]. Продукция таких центров, как Эгина, Коринф расширяла количество участников торгового обмена, но на объемы существенно не влияла, составляя незначительный процент.

Благодаря тому, что крупные экспортеры вина и масла ввели практику систематического клеймения амфор с рубежа V -IV вв., исследователи имеют возможность проводить полноценный количественный анализ материалов керамической тары. На настоящий момент установлено, что в Северное Причерноморье свою продукцию на протяжении IV в. ввозили 14 установленных центров и ряд неизвестных. В 70-х IV в. – нач. III в. торговые партнеры Боспора были постоянны. Это демонстрируют данные Пантикапея, царской хоры (Генеральское-Западное), Горгиппии, Фанагории, Гермонассы. Более половины продукции приходилось на долю Фасоса, Гераклеи, Синопы, Менды и Книда [23, табл.VI; 5, табл.218; 21, рис.1; 20, с.63] .

В IV в. новым торговым партнером городов Боспора становится Гераклея. Свои позиции сохраняют Хиос, Менда, Фасос. Со 2/3 IV в. в боспорские города начинает поступать синопская продукция. В Пантикапее лидером в поставках вина был Фасос в 2-3/4 IV в., а в 4/4 IV – 1/3 III вв. – Синопа. В 4/4 в. Менда и Пепарет практически прекращают ввоз своей продукции. В Фанагорию с 70- по 30 гг. IV ст. поступали товары из Аканфа [21, с.20].

В III в. основные лидеры ввоза на Боспоре - Синопа и Родос [21, рис.1].

Тенденция поступления продукции Родоса на Боспор в III-I в. очерчивается более-менее определенно. Импорт товаров в родосской таре осуществлялся на протяжении всего III в. с равномерным нарастанием интенсивности. Пик активности связей можно отнести к периоду с 220 по 150 гг. [6, с.94-96].

С сер. II в. и до 80-70 –х гг. наблюдается спад родосского импорта. Правда, ввоз родосских продуктов в Танаис и Азиатский Боспор был более стабильным, чем на Европейский. А в Танаисе продукция Родоса доминировала весь период [36, с.6, 9, 28], что отличает его от других городов Боспора. На этом фоне выделяется Горгиппия, где родосский импорт был незначительным [5, с.199].

Объем синопской продукции в амфорах нарастает до начала III в., затем до сер. II в. наблюдается его заметный спад, а во 2/2 II в. снова подъем [6, с.96]

В эллинистический период продолжает поступать на Боспор в незначительном количестве и продукция Книда. В Танаисе она известна в конце II – нач. I вв. [36, с.127-128].

Кроме вина и масла, из продуктов, очевидно, ввозился мед. Вероятным поставщиком его была Колхида. Фрагменты колхидских амфор встречаются практически во всех крупных населенных пунктах. Торговый обмен Колхиды и Боспора начался, вероятно, в VI в. [23, с.236]. Наиболее отчетливо прослеживается присутствие со 2/4 IV по I вв. [25, с.151, табл. 1-6]. В столи-

цу поступало ее продукции значительно больше, чем в другие пункты.

В III вв. продукция Аканфа, Херсонеса, Книда, Пепарета, Икоса, Коринфа, Коса была незначительна. [5, с.199; 25, с.151].

Отдельную статью импорта во все периоды составляла художественная керамика, которая представляла стили и школы, существовавшие главным образом в Аттике и Малой Азии. Обильно представлена в материалах поселений расписная чернофигурная, краснофигурная, чернолаковая керамика. Определено, что расписная столовая керамика представлена продукцией восточно-греческих центров, Аттики и Коринфа. Наборы типов сосудов в отдельных городах мало отличаются друг от друга.

Производство основной массы ионийской расписной керамики связывают с Северной Ионии, в то время как керамика Милета представлена незначительно [18, с.173].

Столовая керамика североионийских центров (второй четверти VI в – нач. V в. представляла собой массовую недорогую продукцию известную во многих центрах.

Продукция Клазомен и его круга (2 пол. VI в., ¾ VI в.) встречается в Фанагории, Порфмии [8, с. 34], Гермонассе [20, с.111].

Коринфская керамика зафиксирована во многих поселениях, но она немногочисленна и датируется в пределах 2/2 VI - нач. V вв. [8, с.34].

С середины VI в. во всех городах начинает проникать аттическая чернофигурная продукция, к 4/4 VI в. чернофигурные вазы заняли доминирующе положение в керамическом импорте Пантикапея, ввозились и в V в. [31, с.199].

С конца VI в. и в нач. V в. в Сев. Причерноморье в большом количестве ввозятся аттические краснофигурные сосуды, которые представлены в материалах ряда городов и их некрополей Боспора. В Порфмии немногочисленные ее находки относятся в основном к 4/4 IV – нач. III в. [8, с.32-35]

Чернолаковая керамика на Боспоре появляется в сер. V в. Основной поток разнообразных аттических чернолаковых сосудов массового производства приходится на IV в. Прекращается их ввоз на Боспор со 2/4 III в. [27]. Уже в ранний период среди разных форм ионийской посуда отмечены подражания ей местных гончаров [20, с.113].

В эпоху эллинизма в керамическом производстве проявляются новые художественные принципы и технические приемы орнаментации сосудов. Появляется рельефная керамика, а в производстве расписной керамики применяют два вида росписи с использованием жидкой глины или лака и краски. В боспорских материалах, прежде всего в Пантикапее, известны группы: аттической керамики III - II вв. , островной (Самос, Родос, Делос, возможно, Фасос) и малоазийской (Пергама). Структура эллинистического импорта расписных ваз Пантикапея показывает приоритеты экономических связей столицы Боспора: аттические изделия 23 %; островные 33%, малоазийские 44% [15, с.294].

В III в.до н.э .торговля Боспора с Аттикой сокращается, и вновь первое место начинает занимать продукция мастерских Малой Азии и островов.

Чаши с рельефным декором начали изготовляться в Аттике около последней четверти III в. до н. э., далее многими центрами – на Делосе, Беотии, Самосе, Пергаме, Приене, Александрии и др. В настоящее время общепринято, что они в редких случаях "доживают" до начала I в. до н. э. [19, с.14]. Время массового появления на Боспоре наиболее распространенных рельефных чаш пергамского и самосского круга приходится на период не ранее второй четверти II в. до н. э. и, главным образом, его вторую половину. Боспорские мастерские начали производство подобной посуды в конце II в. до н. э., но продолжалось оно недолго, не позже первой трети I ст. [26, с.99-100]. Рельефные чаши поступали кроме Пантикапея в Горгиппию, в Порфмий, Тиритаку, Мирмекий, Парфений, обнаружены на поселениях хоры. В подавляющем большинстве это малоазийская продукция [10, с.102–105].

Среди бытовых импортных предметов выделяется категория светильников. Представительная коллекция Пантикапея отражает картину их поставок [12; 13; 15, с. 324]. В VI–V вв. на Боспор в большом количестве завозились восточногреческие светильники (ионийские), среди которых выделены изделия Коринфа, Родоса, малоазийских городов.

С конца VI в. на Боспоре получили распространение аттические чернолаковые светильники, которые регулярно ввозились до первой половины III в. Наиболее мощный импорт аттических осветительных приборов приходится на IV в. , что прекрасно соответствует динамике поступления чернолаковой и расписной керамики. В позднеэллинистическое время количество аттических светильников по сравнению с предшествующим периодом сокращается.

Среди чернолаковых светильников III–I вв. определенное место занимают эфесские лампы. Их производство началось ок. сер. II в. и продолжалось до 4/4 I в. до н.э. В Пантикапее известны родосские, пергамские, самосские светильники. В II–I поступают изделия из Книда, о чем говорят их имитации.

Часть чернолаковых светильников раннеэллинистических типов относится к неопределенным центрам. Единичными экземплярами представлены светильники, связанные происхождением с сиро-палестинским регионом. В материалах сакрального комплекса Генеральское–восточное находился прибор, аналогии которому на Ближнем Востоке датируются сер. II-1/2 1 в. Позднеэллинистическим временем датируются изделия подобные "александрийскому типу" [11,с.42-43].

Боспорские подражания импортным светильникам появляются уже в VI в. Но соотношение импортных и местных изделий показывает, что лишь с III в. боспорские стали отвечать запросам населения.

Греки в повседневной жизни пользовались маслами в целях гигиены. В культовой практике и в погребальном обряде роль масел, благовоний и парфюмерных смесей была не менее значимой. В 261 неразграбленном погребении VI–IV в. грунтового некрополя Пантикапея (раскопки 1902–1916) выявлено 642 керамических сосуда, из которых сосудов для масла – 366 (57%). Практически в каждом погребении находилось по 1–2 сосуда [9, с.269]. Традиционно поставляли благовония и сырье для них Египет и Восточное Средиземноморье. Скорее всего, масла транспортировались как крупными партиями, так и в небольших специальных сосудах. В этом плане показателем прямых или посреднических связей являются стеклянные флаконы, сделанные в технике сердечника. Одним из центров их производства был Родос.. Они поступали в Пантикапей с конца VI - VI вв. Со второй пол. IV в. их производство, по мнению специалистов, начинается в Южной Италии. Небольшая группа стеклянных сосудов в "сердечниковой" технике попала боспорскую столицу из сиро-палестинского региона во II-I вв. [22, с.306-307] .

Дополняет картину торговых связей Боспора в доримский период импорт предметов роскоши, украшений, предметов культа и искусства.

Говоря об импортных терракотах отмечают, что основными центрами были в VI - V вв. Родос, в эллинистическое время - города Малой Азии [35, с.252], в Гермонассе – близость ионическим типам, в то время как аттические представлены единичными экземплярами [34, с.278].

На Боспоре рано было налажено производство терракот, и привозных предметов известно немного.

В течение архаической и классической эпох спрос на геммы-печати удовлетворялся импортом из древнейших центров этого ремесла: Греции, Египта, Финикии, Месопотамии, Малой Азии. В эллинистический период в Пантикапее появились собственные мастерские [30, с.51].

Отдельное место занимал импорт из Египта. С VI в., с некоторыми перерывами на Боспор, скорее всего милетскими и родосскими купцами доставляется стекольно-керамическая продукция Навкратиса [3, с.25-29].

Боспорский хлеб и другие боспорские товары имели своим эквивалентом не только разнообразную посуду, металлы. Существенное место занимала в нем продукция деревообрабатывающих мастерских.

В боспорских некрополях обнаружены импортного производства саркофаги, гребни, шкатулки, пиксиды. По стилистическим и техническим особенностям часть из них определена как продукция аттических мастерских [32; 33].

С другой стороны, масштабы аттического импорта на Боспоре могли покрываться не только зерном.

Афины периода расцвета – морская держала, нуждающаяся в корабельном лесе. Боспор обладал возможностями в получении леса не только для собственных нужд, но и для последующей его продажи. Ввоз леса мог осуществляться из Колхиды. О возможности такого хода событий говорит присутствие колхидских изделий на Боспоре и боспорских в Колхиде, наличие ценных строительных пород деревьев вблизи побережья, а также сведения о контактах с гениохами, контролирующими побережье. Транспортировка леса могла идти через Горгиппию в Пантикапей и центры Боспора, а далее вывозиться в другие регионы [33, с.35, 39].

Таким образом, Боспор свои потребности в сырье, ремесленной продукции удовлетворял благодаря тесным связям с эллинскими государствами Малой Азии и Аттики на протяжении всего периода.

Для всех боспорских центров отмечаются одни и те же основные импортеры. Это восточно-ионийские центры, Аттика, южнопонтийские полисы, Египет. Достаточно четко прослеживаются изменения в рамках следующих периодов: втор. пол. VI – нач. IV вв., IV – пер. трети III в.; середина III – нач. I вв до н. э. Рубежным периодом стал конец IV – нач. III в., что было обусловлено изменением политической карты Средиземноморья и появлением новых технологий в ремесле. Анализ структуры импорта показывает сохранение традиционности боспорян в быту и активную включенность Боспора в эллинское историко-культурное пространство.

1. *Абрамов А. П.* Новые данные о торговых связях Боспора в VI–V вв. до н. э. // Очерки археологии и истории Боспора. – М., 1992. 2. *Абрамов А. П.* Динамика торговых связей Патрея во второй половине VI–V вв. до н. э по материалам керамической тары // Древности Боспора. – М., 2010. – Т. 14. *3. Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – Вып. Г1-12. – М.,1975. 4. *Алексеева Е. М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. – М., 1991. 5. *Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. – М., 1997. 6. *Бадальянц Ю. С.* Торгово-экономические связи Родоса и Северного Причерноморья в эпоху эллинизма (По материалам керамической эпиграфики) // ВДИ. – 1986. – № 1. 7. *Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли. – Л., 1984. 8. *Вахтина М.Ю.* Расписная архаическая керамика из раскопок Порфмия (к общей характеристике материалов) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2006. 9. *Венцова М.И.* Керамические сосуды как элемент погребального инвентаря некрополя Пантикапея в VI–IV в. // Історичні і політологічні дослідження. №3-4 (45-46). – Донецьк, 2010. 10. *Гжегжулка С.* "Мегарские" чаши из фондов Керченского историко-культурного заповедника // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2009. 11. *Желтикова А. Л.* Коллекция античных светильников из фондов Керченского Государственного Историко-культурного заповедника // Пантикапей – Боспор – Керчь – 26 веков древней столице. – Керчь, 2000. 12. *Журавлёв Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л.* Светильники VI – первой половины III вв. до н. э. коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника. – Том 1. – К., 2007. 13. *Журавлёв Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л.* Светильники второй половины III в. до н. э. – IV в.н.э.: импорт. эллинист. светильники. Боспор.светильники эллинист. и рим.времени. – К., 2010. 14. *Забелина В. С.* Расписная керамика эллинистического времени из Пантикапея // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. – М., 1992. – Вып. 10. 15. *Забелина В. С.* Античные глиняные светильники из Пантикапея // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. – М., 1992. – Вып. 10. 16. *Завойкин А. А.* Периодизация торговых связей по керамической таре и вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI–V вв. до н. э. // Очерки археологии и истории Боспора. – М., 1992. 17. Завойкин А. А. Фанагория во второй половине V – начале IV вв. (по материалам "Южного города") // Древности Боспора. Supplementum I. – Тула, 2004. 18. *Ильина Ю. И.* Расписная восточно-греческая керамика в некрополях Боспора // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилищ. Ч. 1. СПб., 2002. 19. *Коваленко С.А.* К истории изученя позднеэллинистической штампованной рельефной керамики в России// Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье 1. Тр.ГИМ. – Вып. 102. – М., 1998. 20. *Коровина А. К.* Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. – М., 2002. 21. *Кутинова Т.М.* Амфорные клейма из Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – Вып. 4 (30). 22. *Кунина Н. З.* Стеклянные сосуды, сделанные в технике сердечника (VI в – начало I в.э.) из некрополя Пантикапея в собрании Эрмитажа // ТГЭ. – Т. XLI. – СПб., 2008. 23. *Лоркипанидзе О.Д.* Торгово-экономические и культурные взаимоотношения античного мира с Колхидой в эпоху эллинизма// Античная история и культура средиземноморья и Причерноморья. – Л., 1968. 24. *Ломтадзе Г. А.* Античный импорт на Боспоре в IV – начале III вв. : Опыт количественного анализа по материалам керамической тары: автореф. дисс. …канд. ист. наук. – М., 2005. 25. *Ломтадзе Г. А., Масленников А. А.* К реконструкции торгово-экономической ситуации на хоре Европейского Боспора // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2004. – Вып. XIV. 26. *Масленников А. А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. – М., 1998. 27. *Масленников А. А.* Чернолаковая посуда из раскопок усадебного комплекса Бакланья скала // Древности Боспора. – М., 2008. – Т. 12. – Ч.2. 28. *Молев Е. А.* Боспорский город Китей. – Симферополь – Керчь, 2010. 29. *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. – М. – Саратов, 2003. 30. *Неверов О. Я.* Памятники глиптики Северного Причерноморья (обзор проблематики) // Проблемы археологии и истории Боспора. – Керчь, 1996. 31. *Сидорова Н. А.* Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945 – 1958 гг. // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. – Вып.10. – М., 1992. 32. *Сокольский Н.И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. – М., 1969. 33. *Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. – М., 1971. 34. *Финогенова С.И.* Терракоты Гермонассы (по материалам раскопок 1968–1981 гг.) // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. – Вып.10. – М., 1992. 35. *Финогенова С.И.* Терракоты Пантикапея из раскопок последних лет // Археология и искусство Боспора. ГМИИ им. А.С. Пушкина. – Вып.10. – М., 1992. 36. *Шелов Д.Б.* Керамические клейма из Танаиса III–I вв. – М., 1975.

Надійшла до редколегії 13.03.12

Наукове видання

ВІСНИК

КИЇВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

ІСТОРІЯ

Випуск 110

Друкується за авторською редакцією

Оригінал-макет виготовлено Видавничо-поліграфічним центром "Київський університет"

Автори опублікованих матеріалів несуть повну відповідальність за підбір, точність наведених фактів, цитат, економіко-статистичних даних, власних імен та інших відомостей. Редколегія залишає за собою право скорочувати та редагувати подані матеріали. Рукописи та дискети не повертаються.

Формат 60x84 1/8. Ум. друк. арк. 7,1. Наклад 300. Зам. № 212-6173.
Вид. № І 2 Гарнітура Arial. Папір офсетний. Друк офсетний.
Підписано до друку 17.08.12

Видавець і виготовлювач
Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет"
01601, Київ, б-р Т. Шевченка, 14, кімн. 43
☎ (38044) 239 3222; (38044) 239 3172; тел./факс (38044) 239 3128
e-mail: vpc@univ.kiev.ua
http: vpc.univ.kiev.ua
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1103 від 31.10.02